

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

2(14)
2014

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Снакин В. В. Глобальные тенденции в эволюции биосферы	3
Гринин Л. Е., Коротяев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни»	14
Ильин И. В., Каверин М. А. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления	32
Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения	39

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Горелов А. А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА	52
Яскевич Я. С. Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий	65
Лось В. А. Социокультурный анализ цивилизационных процессов: взаимосвязь циклических и линейных подходов к динамике мирового развития	78
Зуйков Р. С. Идеология мирового общества: политико-системный анализ	91

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Саблин И. В. Глобализация и окружающая среда: экологическая политика Индии и Китая	105
Игнатова Т. В., Подольская Т. В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой: реалии и перспективы	119
Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира	129

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Трофимов Е. А. Унификация социальной структуры социума как глобальная проблема развития политической сферы	137
Рудаков С. И. Глобальное общество в свете единства логического и исторического	144
Гетьман В. Г. О «золотых парашютах» и социальной справедливости ..	153

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Левикова С. И. Судьба русской культуры в условиях современной тотальной глобализации (на примере неформальной молодежной субкультуры)	161
Зжу Чуньмин. Славянофильство и евразийство: два возможных проекта переустройства кольца русской цивилизации	175

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Глобализация в контексте истории	184
Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире	192
Global Studies Encyclopedic Dictionary (аннотация)	196

ЮБИЛЕИ

К 25-летию издательства «Учитель»	198
Contents	199

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ БИОСФЕРЫ

Снакин В. В.

д. б. н., профессор, зав. лабораторией ландшафтной экологии
Института фундаментальных проблем биологии РАН, зав. сектором
Музея землеведения МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: snakin@mail.ru

Обобщаются основные закономерности эволюции биосферы с целью понимания современных особенностей эволюции и выявления роли в ней человека. Анализируется направление современных глобальных экологических процессов с позиции закономерностей аутогенного развития (саморазвития). Имеющиеся данные показывают, что современная эволюция экосистем пока идет по аутогенному пути и нет достаточных научных оснований для утверждений о наступлении глобального экологического кризиса. Дискутируются проблемы современного экологического алармизма и концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: глобальные экологические процессы, эволюция биосферы, саморазвитие экосистем, проблемы ноосферы, алармизм, устойчивое развитие.

The main laws of the evolution of the biosphere are summarized in the paper in order to understand contemporary features of the evolution and identify the human role in it. The current global trend of environmental processes is analyzed from the perspective of the laws of autogenous development (self-development). The data show that present evolution of ecosystems still follows the autogenous path and there is no sufficient scientific basis to state that the global environmental crisis is inevitable. The problems of modern environmental alarmism and the concepts of sustainable development are discussed in the paper.

Keywords: global ecological processes, biosphere evolution, ecosystems' self-developmen, noosphere problems, alarmism, sustainable development.

Введение. Человечество все в большей мере ставит задачу управления природными процессами. Но при этом мы должны понимать, что природа представляет собой саморегулирующуюся систему с высокой степенью надежности, функционирующую по своим не всегда понимаемым нами законам. Понять эти законы, выявляемые путем анализа вековых тенденций в эволюции биосферы, – важнейшая задача, решение которой должно помочь избежать непродуманных управленческих решений, противоречащих сути эволюционных процессов.

Эволюция биосферы – это закономерный процесс развития живой природы в сторону усложнения ее организации и прогрессивно нарастающей независимо-

сти от внешних условий [Бауэр 1935; Одум 1986 и др.]. Эволюция биосферы, обусловленная биогеохимической работой живого вещества, в свою очередь, стимулировала и направляла *эволюцию видов* организмов. *Глобальные экологические процессы* – повсеместно происходящие в биосфере процессы, вызванные деятельностью живого вещества на фоне изменяющихся условий природной среды, обуславливающие в конечном итоге эволюцию биосферы. К их числу прежде всего относятся: продукционный процесс (хемосинтез и фотосинтез); биогеохимический круговорот химических элементов, включающий активность человека как биологического вида, и процессы загрязнения природной среды; изменение биоразнообразия, в том числе процессы образования и гибели видов. Зависящие от динамики геологических, гидроклиматических, космических факторов, они, в свою очередь, активно воздействуют на эти факторы, существенно изменяя их, что особенно четко проявляется в деятельности человечества. Разбалансированность глобальных экологических процессов вследствие природных катастроф и непрерывно расширяющейся хозяйственной деятельности человека вызывает *глобальные экологические проблемы*.

С антропогенным воздействием в настоящее время часто связывают глобальные изменения климата, изменения в озоновом экране планеты, деградацию почв и лесов, глобальное загрязнение природных сред и космоса. В качестве особенно негативных процессов называют необратимость происходящих в настоящее время изменений природной среды, гибель видов, повсеместное распространение ксенобиотиков, что дает основание делать пессимистические прогнозы о судьбе человечества (например, в работах Римского клуба), говорить о наступившем экологическом кризисе и даже о начале «конца света», резко отзываться о деятельности человека и даже использовать термин «какосфера» для обозначения измененной человеком биосферы [Заварзин 2011].

Вполне соглашаясь с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, что «точный ход эволюционного процесса непредсказуем...»¹, попытаемся все-таки проанализировать основные тенденции эволюции биосферы за последние миллионы лет, чтобы понять, в каком направлении развивается биосфера в настоящее время. Данная работа является продолжением анализа проблемы, поднятой в нашей предыдущей публикации [Снакин 2010].

Необходимо заметить, что в экологии историзму, анализу закономерностей эволюции экосистем и биосферы в целом уделяется крайне мало внимания. Это позволяет манипулировать результатами краткосрочных наблюдений. «*Экология практически не рассматривает эволюционные проблемы, потому из системной триады – история, структура, функция – практически выпало историческое звено*» [Красилов 1992]. В то же время «чтобы сделать шаг вперед, человечеству следует пустить своих ученых-разведчиков прощупать почву под ногами и понять, как она жила в черед, по крайней мере, семи поколений» [Тюрюканов, Федоров 1989].

Один из первых глубоких обобщающих анализов закономерностей эволюции биосферы и роли в ней человека принадлежит В. И. Вернадскому [1967; 1991], 150-летие со дня рождения которого научная общественность отмечала в 2013 г.

¹ Из публичного выступления, 1960-е гг.

Тенденции в эволюции биосферы

Необратимость эволюции. «Необратимость эволюционного процесса является проявлением характерного отличия живого вещества в геологической истории планеты от ее косных естественных тел и процессов» [Вернадский 1967]. Действительно, все изменения, произошедшие на Земле под воздействием живых организмов, необратимы, будь то изменение состава атмосферы, образование почвы и т. п. «В косной среде биосферы нет необратимости» [Там же].

Давление жизни – воздействие живых организмов на окружающую среду, выражающееся, с одной стороны, в способности организмов к размножению в геометрической прогрессии, а с другой – в ограниченности ресурсов среды, препятствующих полной реализации потенциала жизни². Согласно В. И. Вернадскому, живое вещество в процессе эволюции биосферы, по мере захвата жизнью все новых местообитаний, усилило свое преобразующее давление на окружающую неживую природу и на самое себя. «Рост научной мысли, тесно связанный с ростом заселения человеком биосферы – размножением его и его культурой живого вещества в биосфере, – должен ограничиваться чуждой живому веществу средой и оказывать на нее давление. Ибо этот рост связан с количеством прямо и косвенно участвующего в научной работе быстро увеличивающегося живого вещества» [Там же].

Ускорение эволюции. «Эволюция биосферы связана с усилением эволюционного процесса живого вещества» [Там же]. Об этом свидетельствует сжатие исторических (геологических) периодов развития жизни на Земле (если протерозой охватывает период 600–800 млн лет, то кайнозой – уже 56–66 млн лет). Сжатие исторического времени отмечал и С. П. Капица [1999], анализируя периоды развития человечества (сравните длительность Древнего мира, Средневековья и Нового времени). В ходе геологического времени мощность проявления живого вещества в биосфере постоянно увеличивается, увеличивается и давление на косное вещество биосферы, особенно с появлением человека. В настоящее время говорится даже о сингулярности эволюции [Панов 2008], то есть о взрывоподобном росте *скорости эволюции*, при котором перестают действовать привычные законы (рис. 1)³. При достижении так называемой *точки сингулярности* скорость эволюции становится столь быстрой, что делает это состояние близким бифуркации. О возможно новом этапе эволюции свидетельствует также произошедший на рубеже третьего тысячелетия *демографический переход*, означающий, что прирост численности человечества уменьшается в условиях материального изобилия (рис. 2). При этом отмеченное выше *давление жизни*, как закономерность, видоизменяется: давление при этом растет не столько за счет роста народонаселения, сколько за счет колоссального растущего количества вовлекаемого в хозяйственный оборот вещества и энергии. Повсеместное развитие человечеством *охраны природы* также является новым эволюционным элементом, нехарактерным для других сообществ живущих (и живших) видов, способным в существенной степени стабилизировать биосферу даже в ущерб технологическому развитию.

² Это положение, примененное к человечеству, и стало основой мальтузианства.

³ Вполне естественно, что при анализе скорости эволюции в цитируемой работе автор опирался на эволюционные события прежде всего с позиции антропоцентризма.

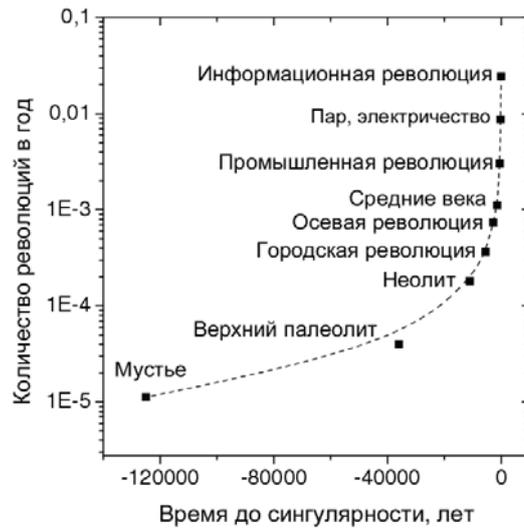

Рис. 1. Гиперболический рост скорости эволюции в наше время. Показаны точки, отвечающие лишь нескольким последним фазовым переходам. По оси ординат отложено количество фазовых переходов в год, аппроксимированное как обратный промежуток между фазовыми переходами. По оси абсцисс – абсолютное время фазового перехода, отсчитанное от точки сингулярности [Панов 2008]

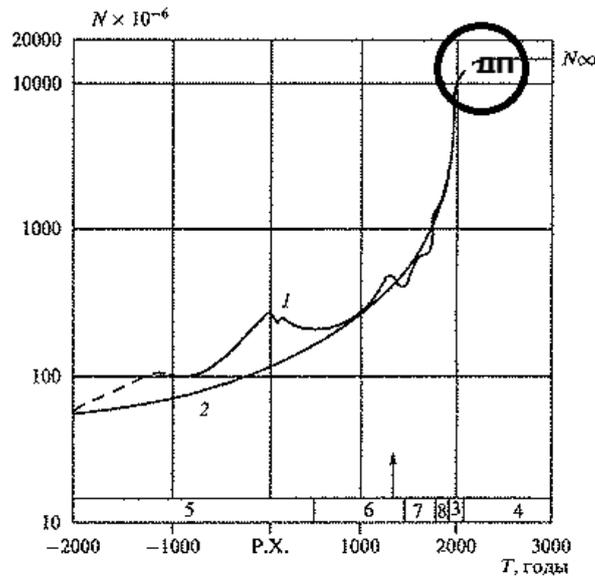

Рис. 2. Кривая роста численности человечества [Капица 1999]: ДП – область демографического перехода

Скачкообразность эволюции. Для эволюционного процесса характерна неравномерность, неоднородность, ему совершенно не свойственна устойчивость. Эволюционные всплески, рост численности и разнообразия видов неоднократно сменялись эволюционными кризисами и вымираниями. «...Эволюционный про-

цесс совпадает в своем усилении, в своих самых больших изменениях с... критическими в истории планеты периодами... вызванными глубокими с точки зрения земной коры процессами, по всей видимости выходящими за ее пределы (усиление вулканических, орогенических, ледниковых явлений, трансгрессий моря и др.)» [Вернадский 1967].

Рост биоразнообразия, усложнение биосферы. История биосферы – это история вымирания одних видов и возникновения других. На протяжении фанерозоя обычно выделяют 5–6 *великих вымираний*, во время которых на Земле биологическое разнообразие быстро (в геологическом масштабе времени) и резко снижалось. В промежутках между ними оно восстанавливалось и перед очередным вымиранием превосходило свой прежний уровень. В процессе эволюции биосферы число видов возрастало, биосфера распространялась на незанятые жизнью участки, включала в орбиту своей деятельности новые вещества, а энергию солнечных лучей и химических соединений утилизировала все более эффективно. В результате вымираний на смену примитивным видам приходили более совершенные [Колчинский 1990; Федонкин 1991]. «Для биосферы вымирания были благом, как для вида благом является смерть особи от старости. В обоих случаях отсекаются носители косной наследственной информации, сдерживающей эволюцию» [Федонкин 1991]. Глобальные вымирания – неизбежные и необходимые составляющие эволюции, которую нельзя остановить.

Важно при этом отметить эмпирическую закономерность социальной и биологической эволюции, выраженную **правилом нефункционального разнообразия**. Это правило заключается в том, что в условиях кризиса вероятность сохранения сложной системы пропорциональна накопленному в ней разнообразию, причем решающее значение приобретают те элементы, которые на прежнем этапе существования системы были задействованы в наименьшей степени [Снакин 2013]. Например, в раннепротерозойской эре накопление кислорода в атмосфере Земли привело к массовой гибели цианобактерий (сине-зеленых водорослей), и решающую роль для сохранения жизни приобрели аэробные организмы, прежде распространенные незначительно.

Снижение степени конкуренции в процессе эволюции происходит за счет дифференциации экологических ниш, более полного и эффективного использования ресурсов среды. Есть основания полагать, что саморазвитие (аутогенная эволюция) сопровождается наряду со снижением конкуренции снижением уровня агрессивности и жестокости и соответственно ростом реципрокного (взаимного) альтруизма. В человеческом обществе снижение уровня жестокости связывают также с усилиями власти и закона в этом направлении и с процессами феминизации [Pinker 2011]. В то же время в кризисные периоды (например, в государствах, находящихся на грани распада) агрессивность достигает максимума.

Возрастание независимости организмов от внешних условий происходит не столько за счет адаптации, сколько за счет преобразования условий среды для своего более эффективного функционирования. «Увеличение независимости от прежних условий существования, освоение новых, более разнообразных условий (новых, более широких адаптивных зон), более широкая степень автономизации развития, возникновение все более совершенных регуляторов, все более полное овладение средой – вот возможные критерии для сравнения групп по пути неограниченного прогресса» [Тимофеев-Ресовский и др. 1977].

Независимость эволюции от внешних условий. «Живое вещество является пластичным, изменяется, приспосабливается к изменениям среды, но, возможно, имеет и свой процесс эволюции, проявляющийся в изменении с ходом геологического времени, вне зависимости от изменения среды. На это, может быть, указывают непрерывный с остановками рост центральной нервной системы животных в ходе геологического времени» [Вернадский 1991].

Цефализация. Этот процесс выявлен в форме эмпирического обобщения американским натуралистом, геологом, зоологом, палеонтологом и минералогом Д.-Д. Дана (1813–1895), который «заметил, что с ходом геологического времени на нашей планете у некоторой части ее обитателей проявляется все более и более совершенный, чем тот, который существовал на ней раньше, – центральный нервный аппарат – мозг. Процесс этот, названный им энцефалозом, никогда не идет вспять, хотя и многократно останавливается, иногда на многие миллионы лет. Процесс выражается, следовательно, полярным вектором времени, направление которого не меняется» [Там же]. Этот процесс обеспечил появление *сознания*, основного инструмента трансформации биосферы в ноосферу.

Роль человека. Человек – часть природы, закономерно появившаяся в процессе эволюции биосферы. «Человек должен понять, как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, что он не есть случайное, независимое от окружающего – биосферы или ноосферы – свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет» [Там же]. Напомним, что человек – единственный биологический вид, сознательно охраняющий природу (вначале обожествляя природу – «святые рощи», «святые деревья» и т. п., а затем более целенаправленно). И это также одна из важнейших черт перехода биосферы в новое состояние – ноосферу.

Научное знание. «Научное знание, проявляющееся как геологическая сила, создающая ноосферу, не может приводить к результатам, противоречащим тому геологическому процессу, созданием которого она является. Это не случайное явление – корни его чрезвычайно глубоки» [Там же]. Роль научного знания в трансформации биосферы в ноосферу трудно переоценить. Повсеместно распространенные негативные явления (загрязнение среды, замусоривание, бездумное и бессмысленное уничтожение живых организмов и т. п.) демонстрируют атавизмы человеческого сознания. Несомненно, что степень проявления этих факторов в относительном выражении со временем уменьшается. «Главный враг знания – не невежество, а иллюзия знания» [Хокинг 2005]. Незнание, а еще хуже – иллюзия знания у лиц, принимающих решения⁴, приводит к сомнительным концепциям типа концепции глобального потепления в результате антропогенной деятельности или образования «озоновых дыр» вследствие воздействия фреонов. Ложная концепция порождает ложные усилия, обходящиеся налогоплательщикам в миллиарды долларов.

Вполне естественно, что под воздействием человека происходят необратимые изменения в биосфере. Всякий доминирующий вид существенным образом изменяет облик своего местообитания. Человечество преобразило лик Земли, и в этом

⁴ Конечно, в этих вопросах значительное место занимает манипуляция научными результатами с целью получения экономических и иных преференций.

нет ничего необычного: так дуб обуславливает своеобразие дубравы, динозавры в свое время создали неповторимые картины юрского периода. Как всякая система, современная цивилизация и неразрывно связанная с ней биосфера видоизменяются, эволюционируют. Скорость эволюции и ее направление во многом заданы самой природой, а в чем-то зависят от нас как части природы. От того, насколько четко и научно обоснованно будут решаться встающие перед человечеством экологические, ресурсные, биомедицинские, социально-экономические проблемы; насколько мы научимся контролировать последствия собственной деятельности, а в дальнейшем и минимизировать природой обусловленные кризисы, зависит будущее нашей цивилизации и время, необходимое для перехода биосферы в состояние ноосферы.

Закономерности аутогенного развития

Развитие систем происходит в различных условиях: 1) *автономное* (аутогенное, прогрессивное) развитие, или саморазвитие, когда влияние внешних факторов минимально; 2) *аллогенное* (или кризисное) развитие под доминирующим воздействием внешних для системы сил. На фоне целенаправленного (полярного) вектора аутогенного развития спорадически происходят кризисы (революции), резко изменяющие ход эволюции. Закономерности этих двух процессов различны, чаще всего противоположны: при аллогенном развитии наблюдается массовое вымирание видов (преимущественно конкурентоспособных), растет уровень жестокости, уменьшается степень использования ресурсов среды, сокращается социальность. В таблице обобщены закономерности аутогенной эволюции на основании анализа ряда работ [Вернадский 1991; Красилов 1992; Шрейдер и др. 1977; Снакин 2013 и др.].

Таблица

Закономерности (тенденции) изменения основных характеристик экосистемы в ходе аутогенной (прогрессивной) эволюции

Энергетика экосистемы:

- возрастает биомасса (В) и количество органического детрита;
- возрастает валовая продукция (Р) за счет первичной; вторичная малая изменяется;
- уменьшается чистая продукция;
- увеличивается дыхание (R);
- соотношение Р/R приближается к единице (равновесию);
- соотношение Р/В уменьшается;
- возрастание активной энергии единого комплекса организмов;
- происходит более интенсивное накопление энергии живым веществом в сравнении с неживой природой.

Биологический круговорот:

- круговороты элементов становятся все более замкнутыми;
- увеличивается время оборота и запас биогенных элементов;
- возрастает коэффициент цикличности (возобновление/вход).

Виды и структура сообщества:

- меняется видовой состав сообщества;
- возрастает богатство как компонент биоразнообразия;

- возрастает выравненность как компонент разнообразия;
- r-стратегии в широких масштабах заменяются K-стратегиями;
- усложняются и удлиняются жизненные циклы;
- в значительной степени развивается симбиоз;
- конкурентное давление уменьшается.

Устойчивость экосистем:

- возрастает стабильность экосистем;
- снижается упругая устойчивость экосистем к внешнему воздействию.

Информационная компонента:

- рост интенсивности информационного обмена за счет как увеличения биоразнообразия, так и усложнения взаимосвязей между видами и компонентами среды;
- возрастание роли передачи наследственной информации на социальном уровне (культура, интернет-технологии и т. п.) в сравнении с генетическим путем;
- более высокая скорость эволюции (и информационного обмена) у медленно размножающихся видов (виолентов, сукцессионных видов) в сравнении с быстро размножающимися (пионерные виды, эксплеренты).

Общая стратегия:

- эволюция биосферы идет скачкообразно с нарастающей скоростью и сопровождается необратимым преобразованием природной среды;
- возрастает эффективность использования энергии и биогенных элементов;
- с термодинамических позиций общая направленность эволюции биосферы интерпретируется как процесс сокращения производства энтропии в открытой системе.

Эволюция биосферы – супермногофакторный процесс. Как писал известный французский физик начала XIX в. О. Френкель, создается впечатление, что природа как бы издевается над нашими аналитическими затруднениями: применяет она лишь простые средства, но их сочетание порождает почти неразрешимую путаницу [цит. по: Сорохтин, Ушаков 2002].

Непрерывно протекающие дестабилизирующие геологические процессы в совокупности с циклическими процессами самой различной природы и длительности делают картину эволюции биосферы весьма сложной и многогранной. Глобальные потепления сменяются периодами глобального похолодания, пульсирует озоновый слой планеты, появляются и исчезают биологические виды, каждый из которых пытается изменить окружающую среду в соответствии со своими предпочтениями, в то время как силы природы и окружающая биота препятствуют этим изменениям.

Человек, достигший среди биологических видов максимальной способностью к преобразованию природных процессов обладающий уникальным даром природы – разумом, естественно должен соответствовать этому дару и продумывать последствия своих преобразований. Но продумывать и воздействовать в соответствии с вековыми законами природы и главной целью своего существования – сохранить жизнь на нашей планете и распространить ее во Вселенной (поскольку Земля не вечна).

Кризисное развитие человечества или саморазвитие? В целом проведенный ранее [Снакин 2010] анализ современных глобальных экологических процессов с позиции эволюционизма позволяет сделать вывод: несмотря на значительное воздействие человека на биосферу, *нет достаточных оснований утверждать, что сегодняшнее состояние взаимодействия биосферы и техносферы в глобальном масштабе описывается закономерностями кризисного развития.* К сожалению, в этом отношении для более убедительного анализа еще не всегда хватает достаточного экспериментального научного материала. Чтобы иметь возможность понять причину происходящих природных процессов и предсказать их изменения в результате тех или иных антропогенных воздействий, необходимо усилить изучение фундаментальных основ экологии, расширять наши знания о тонких механизмах функционирования экосистем.

Что же касается проблемы глобального потепления, то следует наконец признать, что это следствие циклических изменений климата, имеющих естественную природу, и что теория так называемого парникового эффекта не имеет научного обоснования, как, впрочем, и заключенный на ее основе Киотский протокол [Глобальные... 2012; Miatello 2012].

Природные глобальные процессы имеют циклический характер, и нет оснований утверждать, что роль человека в них в настоящее время носит определяющий и глобально негативный характер. Человек, как и всякий доминирующий в системе вид, изменяет ее, приспособливает соответственно своим природным (а других нет⁵) потребностям. И это происходит в рамках аутогенного развития (саморазвития). В этом смысле антропогенный фактор в биосфере нельзя рассматривать как чужеродный (аллогенный) фактор, ибо человек сам есть часть природы, пусть и очень мощная. При всей кажущейся бессмысленности природных катастроф и социальных потрясений (войны, эпидемии, революции) и их трагичности для огромной массы людей эти потрясения определяют направления дальнейшего развития, обеспечивающего лучшее будущее для последующих поколений.

Таким образом, для распространившегося (особенно после работ Римского клуба) *алармизма*⁶ нет достаточных оснований в глобальном смысле. Прогнозируемые алармистами беды, как правило, не случаются. Продолжительность жизни и качество жизни населения Земли в целом неуклонно растут, несмотря на многочисленные отклонения (например, в России в период перестройки). Пессимистические прогнозы алармизма можно признать полезными лишь в малой степени⁷. Гораздо важнее знать и прогнозировать реальную ситуацию, реальные процессы и тенденции. Без этого огромные средства, затрачиваемые на охрану природы, не

⁵ Даже стремление человека выйти на космический уровень – всего лишь проявление феномена «давления жизни».

⁶ *Экологический алармизм* (от фр. *alarme* – тревога, беспокойство) – научное течение, акцентирующее внимание на катастрофичности последствий воздействия человека на природу и необходимости принятия немедленных решительных мер для оптимизации системы «природа – общество». Манифестом экологического алармизма стал первый доклад Римскому клубу «Пределы роста».

⁷ Можно признать некую полезность алармизма в воспитательном аспекте. В то же время преувеличение кризисных явлений ведет, во-первых, к негативным настроениям, экологическому нигилизму, а во-вторых, дискредитирует экологию и снижает интерес к экологической проблематике в обществе, поскольку в реальности уровень жизни и ее продолжительность растут, следовательно, в целом растет и качество жизни.

принесут желаемых результатов. Особенно неконструктивны прогнозы о неминуемой гибели человечества и даже биосферы. Конечно, в нашем неустойчивом мире катастрофы (особенно локальные) вполне реальны. Но обвинять человечество в некоей злонамеренности по меньшей мере несправедливо. Весьма современно замечательное высказывание В. И. Вернадского: «*В настоящее время под влиянием окружающих ужасов жизни наряду с небывалым расцветом научной мысли, приходится слышать о приближении варварства, о крушении цивилизации, о самоистреблении человечества. Мне представляются эти настроения и эти суждения следствием недостаточно глубокого проникновения в окружающее. Не вошла еще в жизнь научная мысль...*» [Вернадский 1967].

Концепция устойчивого развития. Неприятие необоснованного алармизма вовсе не означает призыв покорять природу любой ценой. Очевидно, что экологическая ситуация во многих регионах Земли существенно ухудшена человеком. Слишком часто мы становимся свидетелями по сути региональных и локальных экологических катастроф в силу ошибочных действий человека. Для предотвращения глобальных катастроф необходимо, чтобы деятельность по восстановлению ландшафтов, деградированных по вине человека или в результате техногенных аварий, приобретала все более расширяющиеся масштабы. Необходимо продолжать обширные мероприятия по охране и восстановлению экосистем (расширение охраняемых природных территорий, ведение Красных книг и др.). Важно развивать научные основы этой деятельности в рамках конструктивной экологии, или экологии природовозрождения [Дежкин и др. 2007].

Концепция устойчивого развития – это попытка политиков без серьезного научного обоснования решить современные экологические проблемы путем конформизма. Природные (и социальные) процессы цикличны, динамичны, неоднородны, и стремление насадить устойчивость, по сути, подавить естественное развитие, может спровоцировать более серьезные негативные процессы. Тридцатилетие под флагом устойчивого развития мы встречаем в условиях мирового социально-экономического кризиса! Следует признать концепцию устойчивого развития в полной мере не оправдавшей себя и начать разработку новой концепции, основанной на глубинном понимании законов развития биосферы и общества. Очевидно, что одним из главных этических принципов взаимоотношения человечества и биосферы при этом должен стать развиваемый многими философскими системами и религиями принцип минимизации, самоограничения потребностей человека.

Для того, чтобы осознание необходимости самоограничения потребностей вошло «в плоть и кровь» современного человека и особенно наших потомков, необходимо расширять и углублять экологическое образование как в средней, так и в высшей школе. К сожалению, пока в России наблюдается обратная картина.

Литература

- Бауэр Э. С. Теоретическая биология. М.; Л. : ВИЭМ, 1935.
Вернадский В. И. Биосфера. М. : Мысль, 1967.
Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
Глобальные экологические процессы: Материалы Международной научной конференции / под ред. В. В. Снакина. М. : Academia, 2012.

Дежкин В. В., Снакин В. В., Попова Л. В. Экология природовозрождения // Использование и охрана природных ресурсов России. 2007. № 4. С. 3–11.

Заварзин Г. А. Какосфера. Философия и публицистика. М. : Ruthenica, 2011.

Капица С. П. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М. : Наука, 1999.

Колчинский Э. И. Эволюция биосферы. Л. : Наука, 1990.

Красилов В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М. : ВНИИ-природа, 1992.

Одум Ю. Экология: в 2 т. М. : Мир, 1986.

Панов А. Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 25–48.

Шрейдер Ю. А., Мейен С. В., Соколов Б. С. Классическая и неклассическая биология. Феномен Любищева // Вестник РАН. 1977. С. 112–124.

Снакин В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты // Век глобализации. 2010. № 2. С. 105–114.

Снакин В. В. Глобальные экологические процессы и эволюция биосферы: Энциклопедический словарь. М. : Academia, 2013.

Сорохтин О. Г., Ушаков С. А. Развитие Земли. М. : Изд-во МГУ, 2002.

Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. М. : Наука, 1977.

Тюрюканов А. Н., Федоров В. М. «Биосфера и человечество» и биосферное естествознание // Онтогенез, эволюция, биосфера. М. : Наука, 1989. С. 265–280.

Федонкин М. А. Биосфера: четвертое измерение // Природа. 1991. № 9. С. 10–18.

Хокинг С. Краткая история времени. СПб. : Амфора, 2005.

Miatello A. Refutation of the “Greenhouse Effect” Theory on a Thermodynamic and Hydrostatic basis. 2012. URL: http://principia-scientific.org/publications/PSI_Miatello_Refutation_GHE.pdf.

Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. New York : Viking, 2011.

**ИНФЛЯЦИОННЫЕ И ДЕФЛЯЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ,
ИЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ЯПОНСКОЙ БОЛЕЗНИ»**

Гринин Л. Е.

д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,
шеф-редактор журнала «Век глобализации».

E-mail: lgrinin@mail.ru

Корогаев А. В.

д. и. н., профессор, директор Центра антропологии Востока
Российского государственного гуманитарного университета,
ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных
и региональных исследований и Института востоковедения РАН.

E-mail: akorotayev@mail.ru

В последнее время среди многочисленных угроз для европейской и отчасти американской экономики все чаще стала упоминаться опасность дефляции. При этом в качестве примера приводится японская экономика, которая уже два десятилетия страдает от дефляции, несмотря на огромные размеры финансовых вливаний и усилия правительства разогнать инфляцию. Подобным образом, несмотря на то, что в течение последних лет в экономике было вброшено много триллионов долларов, евро, фунтов и иен, инфляция в западных экономиках низкая. В целом есть основания считать, что страны Европы заболевают «японской болезнью», а также что эта «болезнь» может прогрессировать либо носить хронический характер. В США, хотя и в меньшей степени, также имеются признаки этой «болезни». В результате финансовые вливания могут стать, как и в Японии, постоянными. В статье выявляются причины этой проблемы, объясняется неравномерность процессов инфляции – дефляции в мире, делаются прогнозы.

Ключевые слова: инфляция, дефляция, количественное смягчение, цены, инвестиции, центр, периферия, японская экономика, спрос, экономические законы.

Recently among numerous concerns over the European and partly American economies the danger of deflation is more often mentioned. The scholars cite the Japanese economy which has been suffering from deflation for the last two decades despite the large investments in economy and the government's efforts to increase inflation. Similarly, notwithstanding the many trillions of dollars, euro, pounds and yen that were invested in economies over the past few years, the inflation in the western countries still remains low. On the whole, one have reasons to state that European countries suffer from "the Japanese disease", and this disease can become chronic. The USA, although to a lesser extent, has the signs of the disease as well. As a result, the financial investments can become consistent, as it happened in Japan. The paper defines the reasons of the problem, explains the irregularity of the processes of inflation – deflation in the world and also presents some forecasts.

Keywords: *inflation, deflation, quantitative easing, prices, investments, center, periphery, Japanese economy, demand, economic laws.*

В современной мировой экономике на глобальном уровне нет мощного и отработанного механизма с использованием монетарных и немонетарных мер, подобного регулированию на национальном уровне. Поэтому на наднациональном уровне во многом действуют неискаженные экономические законы, проявляющие себя, как и в прежние времена, в виде сменяющих друг друга коротких или длинных циклов конъюнктуры в национальной рыночной экономике. Это выразалось в бумах и спадах среднесрочных (7–11 лет) жюгляровских циклов, а также в виде инфляционных и дефляционных фаз длинных кондратьевских циклов (40–60 лет).

У современной мировой экономики есть и другие признаки, которые позволяют переносить на нее некоторые феномены, уже почти ушедшие в прошлое в связи с государственным регулированием. О некоторых мы писали в своих работах [см., например: Гринин, Коротаев 2009; 2012: гл. 2; Гринин и др. 2011; 2010]. Можно также упомянуть, что поскольку нет единого мирового социального законодательства о труде, то и в отношении многих базисных товаров действуют законы жесткой конкуренции, когда дешевизна товаров обеспечивается более низким уровнем жизни и более высокой эксплуатацией. Как мы увидим далее, дешевый экспорт, к производству которого подключаются все больше стран с низким уровнем жизни, частично ограничивает инфляцию в богатых странах. Правда, на сырьевые товары это влияет не всегда. В целом существует диспропорция между странами, производящими сырье и товары.

Указанные (и неуказанные) аналогии между мировой и национальной экономикой без государственного регулирования могут помочь в объяснении циклов мировой конъюнктуры и ее инфляционно-дефляционных трендов.

* * *

В последнее время среди многочисленных проблем в отношении европейской (и отчасти американской) экономики все чаще стала упоминаться опасность дефляции, о которой, казалось бы, давно забыли. В XIX в. и первой половине XX в. дефляция периодически «давила» экономики, пожирая прибыль предпринимателей. Дефляция означала падение нормы прибыли, банкротства и прочие критические явления¹. Великая депрессия была также связана с великой дефляцией, когда цены упали очень сильно (рис. 1).

¹ Жалобы на дефляцию были очень распространены, например, во время так называемой «долгой депрессии» (*Long Depression*) в США с 1873 по 1879 г. (до кризиса 1930-х гг. ее называли также Великой депрессией). Это была самая длительная рецессия в истории экономики США, то есть даже более длительная (хотя и гораздо менее тяжелая), чем Великая депрессия [см., например: Fels 1949: 69]. Она длилась 65 месяцев. А весь период с 1873 по 1897 г. в экономике США также называли длинной волной депрессии (*The Long-wave Depression*). То же касается Англии в указанный период, но там ситуация была в чем-то тяжелее. Например, М. И. Туган-Барановский [2008: 195] пишет, что вряд ли когда-либо застой в торговле в Англии был столь продолжителен и губителен для страны, как в 1880-е гг. «Жалобы на низкие цены, срезавшие почти всю предпринимательскую прибыль, в половине 80-х гг. были всеобщими» [Там же]. При этом из отчетов следовало, что «в некоторых отраслях промышленности производство несколько не сократилось, но все жалуются, что прибыль совершенно исчезла» [Там же]. О длительной депрессии и дефляции в 1873–1893 гг. совершенно однозначно писал и Ж. Лескюр [1908: 167–168].

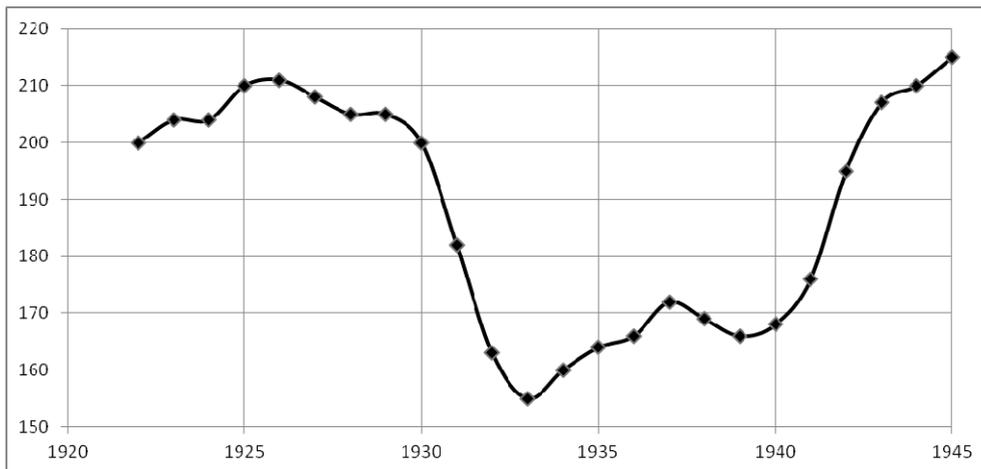

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен США, 1922–1945 гг. (100 = уровень 1860 г.)

Источник: David, Solar 1977: 16–17 (Table 1).

Однако после Второй мировой войны и особенно с 1960-х гг. главным врагом стала инфляция. Она не отступила даже в 1970-е гг., когда начался серьезный спад в западной экономике в связи с ростом цен на нефть. Обычно в период экономического спада цены снижались или по крайней мере не росли, но на этот раз цены повышались вместе со спадом, что породило новый угрожающий термин – «стагфляция». Словом, о дефляции забыли как о чем-то далеком, как об историческом архаизме². Появились теории вековой инфляции, органически присущей современной экономике с бумажными (не привязанными к золоту) деньгами и центральными банками, которые создают кредиты по собственному желанию. Борьба с инфляцией потребовала титанических усилий в 1980-е гг. Затем 1990-е гг. явили миру гиперинфляцию в бывших социалистических и ряде развивающихся стран (рис. 2). Но периодически примеры гиперинфляции продолжали проявлять себя и позднее, как, например, в Зимбабве.

² Мало того, Милтон Фридман и другие экономисты этого направления даже утверждали, что можно было относительно просто выйти из состояния Великой депрессии, если более активно применять монетарное смягчение. На наш взгляд, это является в основном (процентов на 80) иллюзией. Великая депрессия носила не только финансовый характер, но была рубежным, структурным кризисом, который нельзя было разрешить простым способом. К тому же доллар тогда не был всемирной валютой, как сегодня.

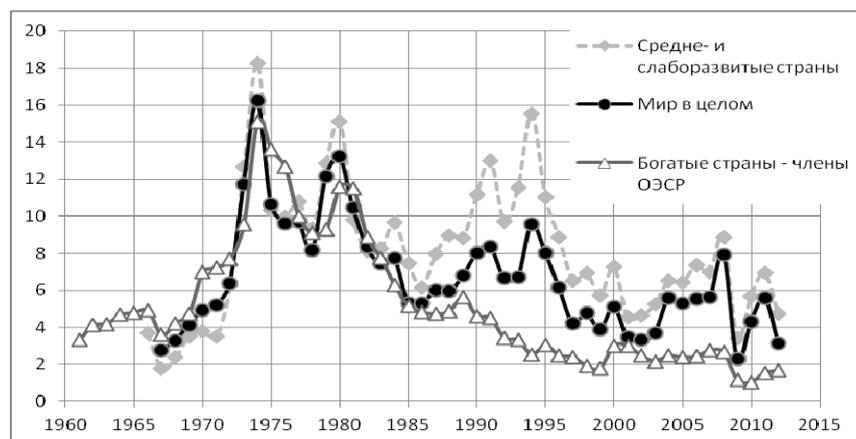

Рис. 2. Данные Всемирного банка по темпам инфляции в мире, сильно-, слабо- и среднеразвитых странах, дефлятор ВВП (% в год)

Источник: World Bank 2014: NY.GDP.DEFL.KD.ZG.

На этом фоне странным и труднообъяснимым случаем выделялась Япония (см. рис. 3), которая после кризиса в начале 1990-х гг. (вызванного взрывом «пузыря» недвижимости) стала страдать от дефляции (1994 г. был в этом смысле переломным).

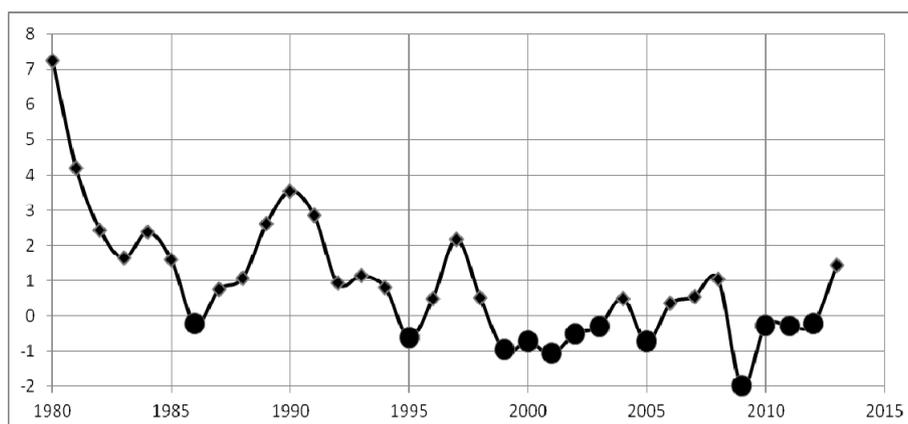

Рис. 3. Динамика темпов инфляции (% в год) в Японии, 1980–2013 гг.

Примечание. Черные кружки обозначают годы с отрицательными значениями инфляции (то есть *дефляционные годы*).

Источник: IMF 2014. Рассчитано по индексу потребительских цен.

Это был первый случай после Второй мировой войны, когда развитая экономика страдала от потребительской дефляции. Если в какой-нибудь год удавалось достичь небольшой инфляции ценой колоссальной кредитной накачки, это считалось достижением. В последние годы премьер-министр Японии Синдзо Абэ поставил цель – достичь целевого показателя по инфляции в 2 %. К настоящему времени (август 2014 г.) Япония немного приблизилась к этому рубежу за счет

чрезвычайно сильнодействующих средств (например, в июле 2014 г. цены выросли на 0,7 % в годовом выражении), но надолго ли?³ Для обществ, страдающих от инфляции, это выглядит смешным, но меры, которые предпринимают для этого японский ЦБ и правительство, по своим масштабам потрясают. Самое поразительное, что, несмотря на многочисленные программы стимуляции экономики, несмотря на то, что на эти цели, а также для спасения банков были истрачены астрономические суммы, а внутренний долг страны едва ли не самый высокий среди развитых стран, экономический рост в Японии уже два десятилетия весьма слабый. Нередко он чередуется со спадом производства (так происходит и в 2014 г.). В период с 2003 по 2007 г. общий подъем дал некоторый импульс скромному росту, но затем кризис буквально обвалил японский экспорт и промышленность. Таким образом, в Японии наблюдается «стагфляция наоборот». Причины этой затяжной «японской болезни» в целом экономической науке установить не удалось [см., например: Hilsenrath 2010]. Пол Кругман в 1998 г. использовал для подобной ситуации идущий еще от Дж. М. Кейнса термин «ловушка ликвидности», обозначающий ситуацию, когда денежные инструменты, включая кредитные ставки и эмиссию денег, не работают, не стимулируют спрос [Кругман 2013а]⁴. Сейчас он считает (не без основания), что в такую ловушку попали и другие западные экономики. Но это не так много объясняет. Механизм работы такой ловушки неясен, рекомендации Кругмана, которые у комментаторов получили название «надувание пузырей» [Никольский 2013; Надуваем... 2013], кажутся опасными⁵. Пузыри имеют тенденцию лопаться, и этот взрыв стоит очень дорого.

В целом ситуация выглядит весьма загадочно. Кредитные ставки снижены до предела (до нуля), всякого рода операции на открытом рынке ЦБ проводятся постоянно (скупаются бумаги государственного долга, чтобы добавить денежной ликвидности банкам), государство тратит гораздо больше, чем получает от налогов, поэтому долг растет. Проводятся другие стимулирующие акции (в частности, повышение и снижение налогов, раздача денег напрямую, изменение банковских правил и т. п.). А долгожданной инфляции все нет. Но при этом другие показатели в Японии весьма хорошие: уровень жизни высокий, продолжительность жизни тоже, научно-технический прогресс налицо.

Такой парадокс – денег в экономике все больше, а инфляции нет – можно было бы списать на «загадочную японскую душу», как иногда и делают. Мол, население в Японии стареет, люди по привычке копят и не хотят тратить (действительно, накопления у японцев немаленькие), да и вообще, в отличие от европейцев и американцев не так склонны к консьюмеризму. В этом (особенно в пробле-

³ Был повышен налог с продаж (и без того немаленький) с 5 % до 8 %. Это привело к значительному падению спроса и падению ВВП во втором квартале 2014 г. после его роста в первом. Есть надежда, что этот спад временный, однако многие вспоминают 1997 г., когда этот налог был повышен с 3 % до 5 %, а экономика страны после этого погрузилась в 20-месячную рецессию.

⁴ Дж. М. Кейнс объяснял такой парадокс тем, что потребители откладывают покупки, рассчитывая на понижение цен, чтобы потом купить дешевле. Но ситуация в Японии и на Западе существенно сложнее этой психологической преграды к расширению спроса.

⁵ «Все это подтверждает один важный вывод о том, что (как я говорил еще в начале нынешнего кризиса) мы оказались в зазеркалье, где добродетель является пороком, а осмотрительность – безрассудством. В этом мире ответственное поведение – верный рецепт экономического провала», – считает он [Надуваем... 2013], предлагая держать отрицательные ставки, любыми способами увеличивать расходы и не бояться роста внутреннего долга. Кругман рекомендует политикам из США, Британии и других стран с независимыми валютами «повзрослеть» и перестать бояться дефолта [Кругман 2013б].

ме старения населения) есть доля истины, однако это не единственная причина. Ведь симптомы «японской болезни» стали явственно просматриваться в Европе (см. рис. 4), а в какой-то мере и в США.

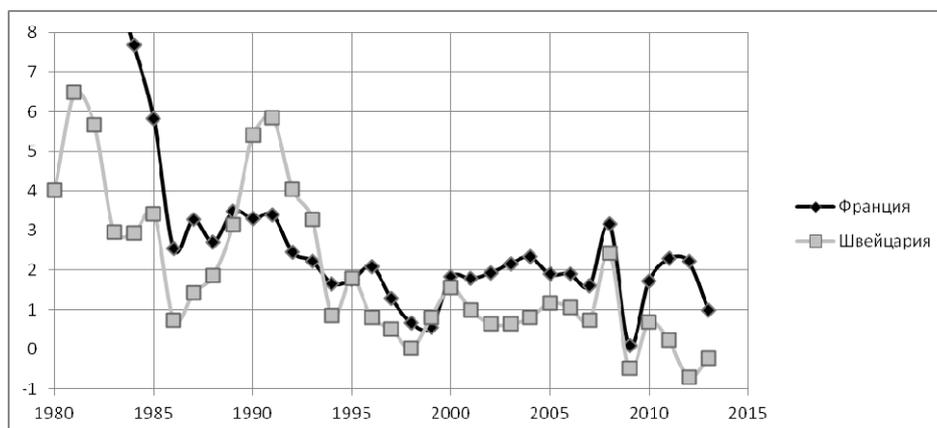

Рис. 4. Динамика темпов инфляции (% в год) во Франции и Швейцарии, 1980–2013 гг.

Источник: IMF 2014. Рассчитано по индексу потребительских цен.

Следовательно, причины кроются в общих чертах развитых экономик и мировой экономики в целом.

В самом деле, денег в западные экономики за последние годы вложено невероятное количество. Процентные ставки снижены практически до нулевого японского уровня⁶. Но снижение ставок не принесло ожидаемого эффекта, рост слабый, а в ряде стран Европы и вовсе отрицательный. При этом население не склонно увеличивать ни потребление, ни свою кредитную нагрузку, а предприниматели, несмотря на дешевые кредиты, не активизировали инвестиции. США, помимо снижения ставок, также постоянно проводят так называемые количественные смягчения, то есть скупают облигации государственного займа и «плохие» активы ежегодно на многие сотни миллиардов долларов (а в целом триллионы, примерно 3 трлн за последние годы). Однако даже в США КПД эмиссий и смягчений невелик. Европа также говорит о возможности количественных смягчений (ей рекомендуют это с разных трибун, одновременно предупреждая США, что сворачивание финансового количественного смягчения может быть преждевременным)⁷. И действительно, стоило только начать сокращение количественного смягчения, как начались проблемы с развивающимися рынками и ва-

⁶ Мало того, Европейский ЦБ недавно осуществил то, что казалось только теоретической возможностью: ввел отрицательные ставки (-0,1 %) по депозитам банков, которые лежат в ЕЦБ. Иными словами, ЕЦБ, чтобы побудить банки кредитовать больше, теперь будет брать с банков деньги за то, что они хранят депозиты на его счетах. Теперь осталось только самим банкам ввести отрицательные ставки для их клиентов, то есть чтобы за хранение денег не давать, а брать проценты, стимулируя рост трат. И тогда финансовое зазеркалье станет реальностью.

⁷ Крайне низкие темпы роста потребительских цен в развитых странах, особенно в еврозоне, представляют риск для восстановления мировой экономики, говорится в докладе Международного валютного фонда «Перспективы развития мировой экономики» [IMF 2014].

лютами, а затем и с американским фондовым рынком (особенно NASDAQ). Мировая экономика существенно искажена в том смысле, что в ней имеются огромные диспропорции. Но исправление этих диспропорций очень болезненно, поэтому количественные смягчения реально помогают, как помогает укол больному наркоманией.

Но еще более странным выглядит следующее: несмотря на вброшенные в экономики в течение последних лет триллионы долларов, евро, фунтов и иен, инфляция в западных экономиках низкая. И это притом что большая часть вкачаных денег была создана, что называется, «из воздуха», с помощью политики ЦБ. США так и не достигли показателя в 2 % (который, как предполагалось, будет индикатором того, что количественное смягчение надо прекращать). В Европе инфляция и того ниже, и даже угрожает перейти в дефляцию.

Средний темп инфляции в странах ОЭСР в 2013 г. составляет 1,5 % (в 2012 г. он был 2,2 %), что ниже официального целевого уровня – около 2 % (в первые месяцы 2014 г. с колебаниями уровень инфляции примерно тот же, что и в 2013-м). Снижение – наибольший риск для еврозоны: так, годовая инфляция потребительских цен в октябре 2013 г. составляла 0,7 % (резкое падение по сравнению с показателем 2012 г. в 2,5 %). В 2013 г. инфляция в еврозоне продемонстрировала едва ли не самый низкий показатель с момента введения единой европейской валюты. В США инфляция в сентябре 2013 г. была 1,2 % (в июле 2013 г. – 2,2 %), при этом базовый темп, который определяет ФРС, также упрямо держится на уровне 1,2 % (в 2014 г. инфляция несколько выросла). Единственная большая мировая экономика, где цены растут достаточно быстро, – это Великобритания (инфляция – 2,7 %) [Богатым... 2013].

Все это странно, причем странно не только на первый взгляд. Очевидно, что-то существенно изменилось в западной и мировой экономике. Что именно – экономисты установить не могут. Куда деваются деньги? Почему эмиссия не разгоняет инфляцию? Разобраться в этом крайне сложно. Тем не менее мы попробуем высказать наши предположения о причинах ситуации «пропажи инфляции».

Прежде всего экономические законы продолжают работать, однако есть определенные изменения в том, как они работают. Изменения эти связаны, в частности, с развитием экономической и финансовой глобализации, а также с так называемой **финансовой революцией, сделавшей перемещение международных капиталов гораздо более быстрым и свободным** [см. подробнее: Доронин 2003; Михайлов 2000; Рубцов 2000; 2011; Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2010]. В любом случае «отсутствие» привычной инфляции при эмиссии денег означает, что без этой эмиссии либо усилились бы дефляционные процессы, либо инфляция приняла бы трансформированный вид. Оба варианта мы рассмотрим ниже.

Инфляция на разных уровнях и в разных аспектах. Надо учитывать, что инфляция – это экономическая величина, которая рассчитывается по определенной методике. Но рост цен наблюдается далеко не только в потребительской корзине (тем более такой, которую рассчитывают в США: без продуктов питания и топлива). С этой точки зрения можно предполагать и подгонку статистики под политические нужды. В отношении США (особенно в период до кризиса) это более чем вероятно.

Допустим, в США лукавые цифры. Но зачем Японии подгонять цифры под дефляцию? Напротив, ей стоило бы показать, что инфляция растет, если ее так ждут. То же самое происходит и в Европе. Следовательно, дело не только в самой методике подсчета.

Учитывая, что в развивающихся странах инфляция по-прежнему остается важнейшей угрозой, можно предположить, что в современном мире с учетом особенностей методики подсчетов уровень потребительской инфляции может существенно зависеть от структуры потребления населения. Чем больше в ней продуктов питания и товаров первой необходимости, тем заметнее проявляется потребительская инфляция.

Далее, видимо, надо говорить о нескольких типах или уровнях инфляции, поскольку потребительские цены – это нижний уровень, а инфляция активов – второй уровень. (Отметим, кстати, что эта тенденция не нова, уже перед Великой депрессией 1929 г. уровень потребительских цен не увеличивался, но уровень активов [акций] рос быстро). В США ВВП вырос в 2013 г. на 1,9 %, инфляция была еще меньше – 1,1 %, а рынок акций поднялся на 35 %.

Таким образом, если количество денег в обороте увеличивается больше, чем требует экономический рост, а инфляции нет, то, следовательно, деньги уходят в сектора, в которых инфляция не измеряется (как инфляция). Однако в них происходит рост стоимости активов, поддерживаются или растут цены либо надуваются «пузыри» и т. п. Это могут быть фондовые рынки (акции и ценные бумаги), рынки сырья, недвижимости и др. При этом стоимость активов все заметнее становится самостоятельным элементом, мало связанным с реальной ситуацией на предприятиях.

Мировая и страновая инфляция. В связи с ростом финансовой и экономической глобализации, финансового сектора в целом и финансовых услуг как части ВВП (а также отсутствием препятствий для быстрого перемещения капитала) возникает ситуация, при которой эмиссия денег в одних местах (центрах) может вызывать инфляцию не непосредственно в этих местах, а в других странах. При этом эмиссия оказывает на экономики мира воздействие, в чем-то схожее с ростом добычи золота во времена золотого стандарта. Так, быстрое увеличение добычи золота в 1850–1860-х гг. в Калифорнии и Австралии вызвало рост цен во многих странах мира. Однако в отличие от XIX в., когда цены росли едва ли не быстрее всего именно в местах добычи золота, сегодня благодаря тому, что денежные потоки способны за секунды переместиться за многие тысячи километров, в центрах эмиссии потребительская инфляция может не ощущаться (как не ощущается движение воздуха в эпицентре тайфуна).

В дополнение к сказанному нужно учитывать и мировое разделение труда. С одной стороны, западные страны производят и поставляют капиталы и мировую валюту для всех экономик мира (причем если часть этого производства осуществляется «из воздуха», то возникает особый эффект экспорта инфляции и дефляции одновременно), с другой – развивающиеся страны производят дешевые потребительские товары, которые все увеличивающимся потоком идут в развитые страны. Получается, что возросшие объемы денег из стран центра в конечном счете уходят в другие государства, воздействуя там на инфляцию (многими способами, например, используя дешевые кредиты в странах, где ставка искусствен-

но занижена, чтобы покупать более доходные активы в других странах)⁸. Это можно назвать *экспортируемой инфляцией*. В то же время западные страны получают из развивающихся дешевый импорт, что влияет на низкую инфляцию в них⁹. Отметим, правда, что экспорт инфляции – это не всегда плохо. Напротив, в современной ситуации это может существенно стимулировать рост экономики (умеренная инфляция со времен Кейнса рассматривается как смазка для экономического роста). Однако зависимость от капризов и колебаний этих экономических потоков делает развивающиеся рынки весьма уязвимыми, когда любое внешнее изменение может вызвать ухудшение.

Как уже было сказано, основной приток эмиссии в итоге идет не на рост потребительских расходов, а во вложения в активы и в увеличение цен на сырье, что поддерживает их высокий рост (хотя экономическое положение ему часто не соответствует)¹⁰. Важно понимать, что эти капиталы поддерживают высокие цены на нефть, сырьевые товары и прочее в мировом масштабе, хотя фактически эти цены должны были бы обвалиться. Таким образом, эмиссия расплзается по всему миру, не проявляясь столь сильно, но накладывая инфляционный налог на все страны, подпитывая сырьевые экономики (включая российскую) высокими ценами. Итак, инфляция в связи с указанными факторами несколько меняет свои характеристики и проявления, становится более глобальной. *Она становится частью мировой системы разделения труда, а при разделении труда выгоды и проблемы распределяются неравномерно между частями и странами, в зависимости от особенностей системы.* Соответственно, **при наличии определенного уровня средней мировой инфляции в одних местах может быть дефляция, а в других – высокая инфляция** (то есть помимо собственных серьезных причин будут влиять и глобальные)¹¹. Глобальные перетекания капитала, например, значительно влияют на стоимость валют, вызывая девальвацию и ревальвацию их вне связи с внутренними факторами и внешнеторговым балансом, а такие колебания сами по себе влияют на инфляционные процессы. Страны со слабыми валютами оказываются ретрансляторами инфляции у себя, поскольку этому способствует особенность мировой валютной системы. Вынужденные накапливать валютные резервы, они эмитируют под них национальные валюты, что разгоняет домашнюю инфляцию (на это указывал, в частности, М. Ротбард [2003а; 2003б; 2004; 2005; Rothbard 1994; 1995]).

⁸ Отметим, что низкие ставки ЦБ делают прибыльными почти любые финансовые операции, отсюда склонность к консерватизму (вкладывать в госбумаги или некоторые акции), что способствует дефляции, то есть низкие ставки, вопреки ожиданиям, могут создавать спираль дефляции.

⁹ Таким образом, глобализация в отношении экспорта-импорта товаров и услуг (включая финансовые) играет роль, схожую с той, что играла революция транспорта (и связи) в 1870–1890-е гг., в результате которой стоимость зерна существенно упала. При этом сначала это в совокупности с рядом других факторов играло на руку инфляции, а затем стало дефляционным фактором.

¹⁰ Ведь деньги попадают не непосредственно в руки людей (напротив, в США налоги и стоимость медицинских страховок выросли, налоги стали собирать жестче), а в руки банков и финансовых компаний. Если бы 85 млрд долларов ежемесячно выдавали в виде пособий, рост инфляции был бы неизбежен.

¹¹ Развитие глобализации и появление все новых дешевых производителей может оказывать влияние, подобное падению цен на зерно и продовольствие в XIX в. (в 70–90-х гг.). Подобно тому как экспорт русского и американского дешевого хлеба в 1870–1880-е гг. давал европейским рабочим более дешевые продукты питания, но «давил» на их сельское хозяйство, сегодня китайский и прочий экспорт дает бонус (прежде всего в центре Мир-Системы), но «давит» на промышленность.

Почему деньги уходят из западных стран? Если уровень доходности низок, капиталы ищут более выгодного приложения. В результате эмитированные деньги вкладываются не столько в собственную экономику, сколько в инациональные и мировые активы, а также становятся источником экспорта капитала и «оплодотворяют» рост в развивающихся странах. Именно с 1990 г., когда японская экономика начала бороться с инфляцией, Япония стала крупнейшим в мире экспортером капитала и крупнейшим заемщиком. Восточная Азия поднялась на японских (а также американских и европейских) капиталах, которым было тесно дома. Вполне очевидно, что, помимо собственных прибылей корпораций, именно дешевые кредиты японского ЦБ и его эмиссия обеспечили столь мощный исход японского капитала [см., например: Боннер, Уиггин 2005: 105]. В целом за 1990-е гг. было запущено 10 программ стимулирования экономики на общую сумму 100 трлн иен, или почти 900 млрд долларов [Пауэлл 2003: 111; Херберер 2003: 145; Боннер, Уиггин 2005]. То же самое можно сказать и о других западных экономиках.

Экспорт капитала при низких ставках – это экспорт дефляции (и источник дефляции в странах-экспортерах), которая может в других местах (странах-импортерах) превратиться в инфляцию (если под эти деньги, например, печатают собственные, как делают, в частности, в России, Китае и других странах). Чем больше посредников, тем сильнее может быть трансформация. Это напоминает ситуацию с закупкой продовольствия: у крестьян оно приобретается дешево, а во время продажи продовольствия конечному потребителю значительно повышается в цене.

Вообще **рост финансового сектора** не случаен. В отсутствие золотого якоря (то есть золотого стандарта денег) необходимость спасать деньги от обесценивания и увеличивать их (давать дивиденды владельцам капитала) требует огромного количества высококвалифицированных специалистов. Новые технологии быстрого перевода и многократного страхования (хеджирования) денег препятствуют дефляции активов и способствуют некоторому выравниванию инфляции в мире, хотя более мощный поток идет из развитых стран в развивающиеся и это уводит инфляцию из первых во вторые.

Мировые дефляционные тенденции и механизмы. Слабая инфляция в западных странах может быть также дополнительно объяснена тем, что в мире действуют довольно мощные дефляционные процессы и механизмы. Соответственно они погашают инфляционные импульсы, вызванные огромной эмиссией. Если бы последней не было, то, возможно, в западных экономиках вполне зримо проявилась бы дефляция. Представители мировых финансовых организаций чувствуют это и заклинаят продолжать эмиссию. Почему можно считать, что на данный момент преобладает дефляционная тенденция?

Во-первых, не будем забывать, что **сейчас идет понижательная фаза пятой кондратьевской волны**, а на понижательных фазах усиливаются дефляционные и депрессивные тенденции [подробнее о кондратьевских волнах, их фазах, периодизации и особенностях фаз см.: Гринин, Коротаев 2012; Гринин 2012; 2013]. И дефляционные факторы в период рецессий и депрессий никто не отменял (они могут быть только смягчены). В предшествующий период 1990–2000-х гг. дополнительная эмиссия доллара и дефицит платежного баланса **играли роль калифорнийского золота**, подгоняя инфляцию в ряде мест и секторов, надувая «пузыри».

Во-вторых, инфляция многолика. В частности, различают инфляцию издержек и спроса. Инфляция издержек может проявляться жестче, особенно в случае отсутствия конкуренции. Стагфляция 1970-х гг. была связана с инфляцией издержек, а не с инфляцией спроса. Альтернативы нефти просто не было¹². Однако глобализация подорвала некоторые возможности инфляции издержек даже в отношении сектора услуг, так как благодаря быстрым видам связи и коммуникаций наиболее дорогие услуги могут быть переданы в аутсорсинг. **Инфляция спроса зависит главным образом от роста спроса. Однако в развитых странах такого роста нет.**

В-третьих, следует учитывать не только эмиссию денег, но и процессы, которые ее нивелируют, среди них можно выделить следующие.

А) Факт, что в период кризиса много капиталов сгорело или было заморожено («мусорные» активы). Как мы отмечали, кризис 2008–2009 гг. можно назвать кризисом перепроизводства денег [Гринин 2009]. Нынешняя эмиссия частично просто меняет эти «мусорные» бумаги на деньги. Если бы им на смену не были выпущены новые деньги, цены в основном упали бы, а «пузыри», которые еще остаются, окончательно сдулись. То есть наступила бы реальная дефляция, которая оздоровила бы мировую экономику, но очень серьезно ударила по многим (включая и экспортеров сырья). В предыдущие десятилетия рост денежных активов был потрясающим. Так, за 20 лет (1980–1999 гг.) капитализация мирового рынка акций выросла почти в 13 раз, в то время как совокупный ВВП увеличился за тот же период примерно в 2,6 раза. В результате соотношение капитализации и ВВП в мире в целом повысилось с 23 % до 118 %. За 2000-е гг. капитализация выросла меньше, но тоже в два раза, в этот период ее темпы примерно соответствовали темпам роста ВВП [см.: Политическое... 2012: 226–227]. Зато быстро росла эмиссия деривативов, которая в 2007, 2008 гг. превышала 2,2 трлн долларов в год, в связи с ужесточением законодательства и прочим объем их эмиссии сокращается.

Б) Необходимость поддерживать мировую торговлю. Если в XIX в. роль мировых денег играло золото, то теперь эту роль исполняют доллар и отчасти другие валюты. И, следовательно, какой-то объем денег должен ежегодно дополнительно выбрасываться в мировую экономику. Напомним, что мировая торговля росла последние десятилетия опережающими темпами по сравнению с ростом мировой экономики в целом (см. рис. 5), а значит, и мировых денег требовалось значительное количество.

¹² Инфляция в России во многом связана именно с инфляцией издержек из-за естественных монополий, поэтому в значительной мере имеет немонетарный характер.

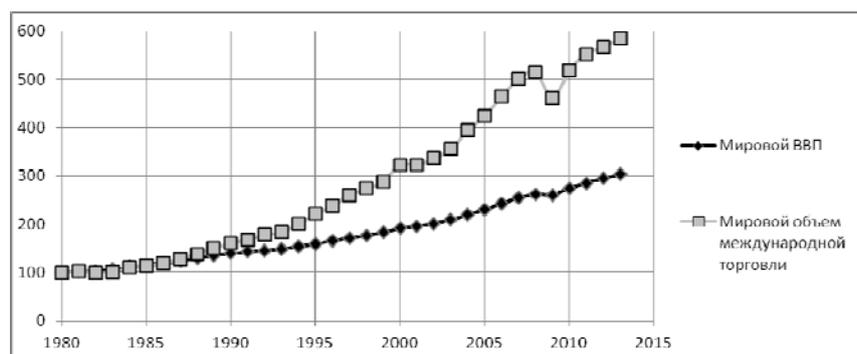

Рис. 5. Относительная динамика роста мирового ВВП и мировой торговли (100 = уровень 1980 г.)

Источник: IMF 2014.

То, что США, Япония и другие страны получали дополнительные бонусы от этого, равносильно тому, как США и Австралия в XIX в. получали дополнительные бонусы от роста добычи золота. Рост мировой экономики даже на 2 % в год означает рост потребности в долларах, в сотнях миллиардов долларов, которые и вбрасываются именно за счет эмиссии.

В) **Тезаврация, то есть изъятие из оборота и накопление**, в мировом масштабе принимает вид накопления валютных резервов, что достигло огромных масштабов и способствует абсорбции лишних денег. В последние десять лет в ряде стран гигантски выросли золотовалютные запасы. Это в существенной мере объясняет тот факт, что в странах-эмитентах инфляция низкая, а в других странах – более высокая (как уже было сказано, накапливая валютные запасы, они эмитируют под них собственные валюты). Кроме того, часть запасов и различных национальных фондов эти государства держат в виде государственных облигаций США и других стран. Тезаврация выражается в накоплении частными лицами (ежегодно на это уходит дополнительно до ста миллиардов долларов США в купюрах).

Г) Конкуренция за экспорт товаров и услуг в развитые страны (например, туризм может дешеветь за счет новых рынков с дешевыми услугами и недооцененной валютой).

Д) Деньги замедляют свой оборот, таким образом, количество денег компенсирует уменьшение скорости их оборота (по формуле И. Фишера). Это наблюдается сейчас и в США, и в мировом экспорте (особенно **экспорте финансовых услуг**¹³). С учетом же нынешнего замедления мировой торговли (и мировых финансовых услуг) и соответственно уменьшения скорости оборачиваемости денег вброс лишних капиталов в мировые финансы не оказывает соответствующего воздействия на инфляцию и даже не может полностью удержать цены от понижения. Но замедление роста мировой торговли негативно влияет на темпы роста экономики в целом.

¹³ Вместе с тем в наибольшей степени в 2012 г. пострадал экспорт финансовых услуг (–4 %). В целом в 2012 г. произошло уменьшение поставок финансовых услуг из развитых стран на 6 % при параллельном увеличении экспорта из развивающихся государств и стран СНГ на 3 % [Бирюкова, Пахомов 2013].

Собственные дефляционные и депрессивные факторы в западном мире

Слабый экономический рост при прочих равных условиях во многом объясняется тем, что были исчерпаны основные резервы роста в соответствующих обществах. Очевидным резервом, который оказался во многом исчерпанным в Японии в 1990-х гг., был демографический, в 1990-е гг. начался процесс сокращения экономически активного населения [см., например: Vimont 2000], который продолжается и до сегодняшнего дня (см. рис. 6), теперь к нему добавилась естественная убыль населения в целом.

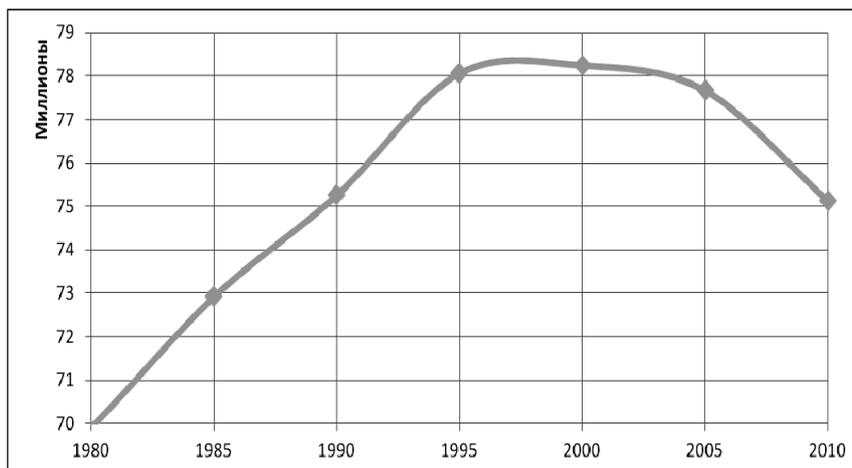

Рис. 6. Динамика численности населения трудоспособного возраста (20–65 лет) в Японии, 1980–2010 гг.

Источник: UN Population Division 2014.

В Европе также существовала проблема с количеством молодежи и рабочей силы, старением населения [см.: Vimont 2000]. Но в отличие от Европы, которая активно пополняла рабочую силу иммигрантами, в том числе за счет новых членов ЕС, Япония хотела оставаться гомогенным обществом. Это действительно очень важное преимущество, которое Японии удалось сохранить. Но дефицит рабочей силы сказался здесь существенно раньше, чем в Европе. Вот одна из причин, почему вышеназванная «болезнь» началась именно в Японии. В США также начинают ощущаться признаки недостатка рабочей силы (по крайней мере, в 2013 г. был наименьший с 1970-х гг. процент трудоспособного населения). Но в США демографические показатели были несколько лучше и приток иммигрантов (в основном молодых людей) был выше. Тем не менее средний возраст белого населения весьма высок – 42 года.

Таким образом, во многом проблема кроется в слабом росте или даже депопуляции населения в развитых экономиках, его старении, что ослабляет естественную основу для роста. А если население не увеличивается, падает доля трудоспособного населения, значит, **экономический рост приобретает несколько иную природу и требует сверхусилий** (в России сейчас столкнулись с такой ситуацией, что привело к резкому ослаблению темпов роста). При стареющем населении, у которого в основном решены вопросы базисных ценностей (жилья, това-

ров длительного пользования и т. п.), если оно ментально считает, что надо иметь накопления на черный день и на глубокую старость, стимулы роста экономики меняются. Пример Японии показал, что в принципе страна в этом случае может жить нормально и без роста экономики, а только меняя ее структурно. Возникает ситуация, когда нет застоя, но нет и роста. Это нечто новое. Как долго это может продолжаться, неясно. Возможно, конечно, здесь многое является артефактом, так как рост ВВП – еще не полный показатель реального роста. Однако ситуация в любом случае весьма тревожная.

Следующая после старения населения причина «японской болезни» – **очень высокий уровень жизни, который слабо адаптируется к снижению темпов экономического роста**. В Европе, например, количество рабочих часов на одного работающего существенно ниже, чем в США и Японии. Стремление к высокому уровню жизни, очевидно, препятствует росту инвестиций и накоплению. В США социальные гарантии меньше, чем в Европе, что положительно влияет на динамизм экономики, но и там они растут. В целом старение населения вместе с социальными гарантиями для электората делает проблему дефицита бюджета и государственного долга в условиях низких темпов роста трудноразрешимой. И это еще одна причина, по которой «японская болезнь» может прогрессировать в Европе.

Третья причина: эти страны во многом превращаются в рантье за счет того, что специализируются в мировой системе на вывозе капитала и получают дивиденды, а также за счет сильных финансовых центров и финансового сектора. Все это напоминает ситуацию в Англии в конце XIX – начале XX в., когда экспорт капитала и накопления позволяли жить очень большому числу людей, для которых дефляция была благом. При этом фунт был очень стабильным. А США живут как рантье во многом за счет особого положения доллара в мировой валютной системе. Большие доходы от зарубежных активов меньше способствуют экономической активности внутри страны и росту ВВП.

В-четвертых, главный резерв экономического роста в Европе, США и Японии – технологический рост. Но в условиях активного вывоза капитала и все еще имеющего место вывоза промышленности (хотя имеются данные и об обратном движении) этот фактор действует ограниченно, по крайней мере, пока нет прорывных технологий нового поколения. С учетом недостаточных инвестиций нет и роста спроса. В Европе это связано в первую очередь с трудной экономической ситуацией и бюджетными сокращениями, но так же, как и в Японии, со старением населения, менее склонного к новинкам, более озабоченного наличием денег на черный день. Признаки «японской болезни» проявляются. В США также налицо увеличение склонности или необходимости погашения долгов либо уменьшения кредитования. В Соединенных Штатах дополнительно в качестве антиинфляционных факторов действуют понижение стоимости энергоносителей, рост налогов и страховых выплат, сокращение дефицита бюджета и торгового баланса. Маленькие проценты по вкладам также способствуют низкой инфляции (и вывозу капиталов). Достаточно важным (не только в США, но и в Европе) являются **низкие ставки по кредитам**, что уменьшает инфляцию издержек (в России, Китае, напротив, **высокие ставки по кредитам увеличивают издержки и инфляцию**).

В-пятых, развитые экономики деиндустриализовались, в них огромную долю занимают финансовые в широком смысле слова услуги и обороты. А этот тип экономики существенно отличается от прежнего, так же как отличалась индустриальная экономика от индустриализующейся. Например, если кризис 1970–1980-х гг. был связан с ростом цен на нефть, то сегодня кризис возникнет при резком падении цен на нефть, поскольку это разорит очень многих. Сегодня главные угрозы возникновения кризиса – жилищные и иные «пузыри», поскольку эмиссии идут главным образом в эту финансовую надстройку. В какой-то мере это имеет сходство с доиндустриальной и раннеиндустриальной экономикой, где основные капиталы были отделены от хозяйства (в обслуживании государственного долга и торговли). Сдувание «пузырей» невыгодно, так как влечет потерю состояний и требует новых ниш для сохранения и роста капитала.

В-шестых, размывание среднего класса и рост неравенства. Особенно в США, где слабее развита социальная система, получение дополнительных доходов от эмиссии означает рост или поддержание доходов достаточно узкого слоя людей, что ведет к увеличению расслоения в развитых странах¹⁴. Это может усилить риск социального недовольства. Но рост расслоения заметен и в других развитых странах. Данная тенденция характерна для крупнейших западных государств. Таким образом, размывание среднего класса ведет к дефляционным процессам, так как сокращаются (или не растут) доходы населения, а в развивающихся странах, напротив, рост среднего класса влияет на рост инфляции.

Заключение. В целом есть основания считать, что страны Европы заболевают «японской болезнью», а также что эта «болезнь» может прогрессировать либо носить хронический характер. В США, хотя и в меньшей степени, также имеются признаки этой «болезни». В результате финансовые вливания могут стать, как и в Японии, постоянными. Главная беда – ослабевает мотор роста, экономики уже не могут расти без эмиссии и подкачки. Хуже того, они не могут расти даже и с подкачкой, в лучшем случае едва «плетутся». Отсюда реальные силы бизнеса уходят в финансовые и прочие технологии, что ослабляет инвестиции в реальные технологии.

В условиях экономических трудностей эмиссию будут требовать все и во все возрастающих масштабах. Возникает также некая гонка эмиссий между государствами. Однако в ситуации относительно низкого спроса в мире не стоит ждать быстрого роста инфляции, обесценивания доллара и других вещей в результате этой эмиссии. Но и совсем бесследно она, конечно, не пройдет. Однако проявится это, скорее всего, через несколько лет, и как обычно, неожиданно. Постоянное накопление денег и финансовых инструментов тем более при ускорении их оборота или ослаблении дефляционных процессов способно сыграть роль детонатора. Это приведет к тому, что в том или ином месте лопнет очередной финансовый «пузырь», что может вызвать очередной кризис.

Перевод денежных потоков в другое русло (за счет фактического погашения долгов с помощью эмиссии и выкупа «плохих» активов) существенно искажает пропорции и создает большой навес **в виде переоцененных биржевых активов,**

¹⁴ В развивающихся странах, напротив, меньшая роль финансового сектора ведет к росту доходов значительной части населения, поэтому там происходит рост среднего класса за счет реального роста экономики и возрастающего значения слоя образованных людей.

которые, скорее всего, и лопнут. Разумеется, предсказать, когда, где и как – крайне сложно. Следует учитывать важный момент: в акции и другие бумаги вкладывают множество социальных фондов и владельцев капиталов, что сделает обвал тяжелым для всех.

Таким образом, вероятно, цикл перенакопления денег в мировой системе еще не закончился, и потребуются несколько лет, чтобы нарыв где-то прорвался. Опасность может увеличиваться, если в процесс количественного смягчения начнут втягиваться все новые страны (в том числе ЕЦБ), а также если США и Японии не удастся выйти из этого процесса, как они планируют. Есть риск, что **процесс станет уже неуправляемым и может привести к обвалу.**

В ближайшие же годы дефляционные факторы сохранятся или даже усилятся. Как пишет Пол Кругман (2010), пора начинать фокусироваться на устойчивости к снижению и на том, что она означает. В конце концов, все указывает на то, что мы будем иметь дело **с подавленной экономикой в течение долгого времени.** Чтобы выйти из состояния подавленности, потребуются большие усилия и реформы. Насколько западные страны готовы к таким жертвам, покажет время.

Литература

Бирюкова О., Пахомов А. Мировая торговля: состояние и перспективы. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecpol.ru/2012-04-05-13-42-46/2012-04-05-13-43-05/788-mirovayatorgovlya-sostoyanie-i-per-spektivy.html>.

Богатым странам мешает низкая инфляция. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/36414>.

Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI века. Челябинск : Социум, 2005.

Гринин Л. Е. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег // Философия и общество. 2009. № 1. С. 5–32.

Гринин Л. Е. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы / отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград : Учитель, 2012.

Гринин Л. Е. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций // Кондратьевские волны: палитра взглядов / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград : Учитель, 2013.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М. : ЛКИ/URSS, 2009.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М. : ЛКИ/URSS, 2012.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Математическая модель среднесрочного экономического цикла // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого. М.: ЛКИ/URSS, 2010. С. 287–299.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. Циклы развития современной Мир-Системы. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2011.

- Доронин И. Г. Мировые фондовые рынки // *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет* / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 101–133.
- Кругман П. Тайны дефляции. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kontinent.org/article_rus_4c69a7a06_f19f.html.
- Кругман П. Когда экономическая осмотрительность становится безрассудством. 2013а [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/krugman/2013-05-27/5_wariness.html.
- Кругман П. Развитые страны не могут обанкротиться. 2013б [Электронный ресурс]. URL: <http://lcmmedia.com.ua/news/pol-krugman-razvityie-stranyi-ne-mogut-obankrotitsya-6278>.
- Лескюр Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб. : Общественная польза, 1908.
- Михайлов Д. М. Мировой финансовый рынок. Тенденции и инструменты. М. : Экзамен, 2000.
- Надуваем пузыри вместе с Полом Кругманом. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://nmm.me/blogs/sphinks/naduvaem-puzugi-vmeste-s-polom-krugmanom>.
- Никольский А. Кругман: «Нас спасут пузыри и вторжение инопланетян». 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3552122>.
- Пауэлл Б. Объяснение японской рецессии // *Маэстро бума. Уроки Японии* / под ред. А. В. Куряева. Челябинск : Социум, 2003. С. 108–136.
- Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение / под ред. С. С. Сулакшина. М. : Научный эксперт, 2012.
- Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск : Социум, 2003а.
- Ротбард М. Показания против Федерального резерва. Челябинск : Социум, 2003б.
- Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. 2-е изд. Челябинск : Социум, 2004.
- Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: с колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск : Социум, 2005.
- Рубцов Б. Б. Мировые фондовые рынки: современное состояние и закономерности развития. М. : Финансовая академия, 2000.
- Рубцов Б. Б. Глобальные финансовые рынки: масштабы, структура, регулирование // *Век глобализации*. 2011. № 2. С. 73–74.
- Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М. : Директ-медиа Паблишинг, 2008.
- Херберер Дж. Объяснение японской рецессии // *Маэстро бума. Уроки Японии* / под ред. А. В. Куряева. Челябинск : Социум, 2003. С. 138–154.
- David P. A., Solar P. A Bicentenary Contribution to the History of the Cost of Living in America // *Research in Economic History*. 1977. Num. 2. Pp. 1–80.
- Fels R. The Long-Wave Depression, 1873–97 // *The Review of Economics and Statistics* (The MIT Press). 1949. Vol. 31(1). Pp. 69–73.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations. 1. The Global Financial System: Pros and Cons // *Journal of Globalization Studies*. 2010. Vol. 1(1). Pp. 70–89.

Hilsenrath J. 2010. Deflation Defies Expectations – and Solutions [Электронный ресурс]. URL: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052748704249004575384944103200032?mg=reno64-wsj&url=http%3A%2F%2Fonline.wsj.com%2Farticle%2FSB10001424052748704249004575384944103200032.html>.

IMF [International Monetary Fund]. World Economic Outlook (WEO). Recovery Strengthens, Remains Uneven. Washington, DC: International Monetary Fund. Statistical Supplement. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>.

Rothbard M. The Case against the Fed. Auburn, AL : Mises Institute, 1994.

Rothbard M. Wall Street: Banks and American Foreign Policy. Auburn, AL : Mises Institute, 1995.

UN Population Division. World Population Prospects: The 2012 Revision. New York, NY : United Nations, 2014.

Vimont C. Evolution demographique, marche du travail et croissance de la productivite // Problemes economiques. 2000. L. 2656(2657). Pp. 37–41.

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC : World Bank, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.

**ВОПРОСЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Ильин И. В.

д. полит. н., профессор, декан факультета
глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: molsovet-msu@yandex.ru

Каверин М. А.

аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: m.a.kaverin@gmail.com

Исследование продолжает тему глобального управления, освещенную в ряде статей журнала «Век глобализации». В статье рассмотрены теории международных организаций как основных элементов формирующейся системы глобального управления. Процессы глобализации ведут к преобразованию системы международных отношений в глобальную политическую систему, что отражается в становлении целостной системы международных организаций. Более того, изменяются сами организации как институты и акторы глобальных отношений, что влияет на теоретическое осмысление международных организаций. Формирование системной целостности в совокупности международных организаций может послужить началом становления системы глобального управления.

Ключевые слова: *международные организации, реализм, идеализм, институционализм, теории межорганизационных процессов, теории внутриорганизационных процессов, глобальное регулирование, глобальное управление, глобальная политическая система, глобализация, социоприродная коэволюция.*

The research continues global governance topic highlighted in a series of articles in the journal “Age of Globalization”. The article dwells on the theories of international organizations as the major elements of emerging global governance system. Global processes evoke transformations of international system into global political system, which is reflected in the formation of integral system of international organizations. Moreover, organizations as the institutions and actors of global relations pass through considerable changes that affect the theoretical understanding of the international organizations. The formation of system integrity within the unity of international organizations may signify the inception of global governance system.

Keywords: *international organizations, realism, idealism, institutionalism, theories of interorganizational processes, theories of intraorganizational proc-*

esses, global regulation, global governance, global political system, globalization, socationatural coevolution.

Наиболее важным вопросом развития современных международных институтов является их преобразование в институты глобального управления с целью регулирования глобальных процессов и управления ими. Это означает способность институтов предоставить и обеспечить принципы дальнейшего взаимодействия сообществ в глобальном мире и коэволюции систем общества и природы. Институты, включающие в себя международные традиции, нормы и правила, международные организации, изменяются под воздействием параметров мирового развития, характер которых в настоящее время отражен в процессах глобализации и регионализации. Аспект трансформаций международных организаций в институты глобального управления представлен в данном исследовании в продолжение темы глобального управления на страницах журнала «Век глобализации».

Статья А. Б. Вебера «Современный мир и проблема глобального управления» [Вебер 2009] посвящена проблемам управления глобальными процессами в условиях глобализации Вестфальской системы международных отношений. Детально рассмотрены вопросы становления мирового сообщества и построения соответствующих институтов, регулирующих отношения в нем. Автор предлагает конфигурации системы глобального управления на основе существующих и новых национальных институтов.

Проблема глобального управления в условиях целостного глобального мира рассмотрена в работе А. Н. Чумакова «Глобальный мир: проблема управления» [Чумаков 2010]. В статье с философской точки зрения определены концепты регулирования и управления, а также проведена связь между ними. Основным является тезис о безальтернативности глобального управления как пути эволюции человечества [Там же: 8]. Глобальное управление представлено в статье в качестве проекции имеющихся видов и форм отношений власти и задач управления на глобальный уровень. Обозначены проблемы построения этой системы и показана ее возможная структура. Работа была проанализирована Г. А. Дробот, которая в своей статье «Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений» выявила два ключевых основания методологии Чумакова – «понимание глобализации как потенциально бесконфликтного миросостояния» [Дробот 2011: 42] и «роль морали и права в управлении общественными системами» [Там же: 45]. На базе положений реалистической школы международных отношений была проведена критика этих оснований и сделан вывод об их значимости для исследования проблемы глобального управления. Дискуссия была продолжена в статье А. Н. Чумакова «Проблема управления как повод для дискуссии» [Чумаков 2012], где автор в полемической форме критикует положения Г. А. Дробот и проводит анализ возможностей и проблем построения системы глобального управления.

Таким образом, глобальное управление рассматривается преимущественно на межгосударственном и надгосударственном уровнях анализа в контексте процессов глобализации и становления глобального сообщества, в котором формируются соответствующие институты регулирования отношений и управления ими. Современную систему международных организаций нельзя назвать целостной, что

выражается не только в росте их количества и многообразия, расширении повестки дня, но и в пересечении сфер компетенции, неэффективности координации, недостаточной демократичности, ограниченной способности решать новые, глобальные проблемы. Системная целостность подразумевает наличие определенной цели деятельности элементов, в соответствии с ней образуются структура и функции, внутренняя среда, взаимосвязи с внешней средой. Международные организации, которые являются институционализацией норм межгосударственного взаимодействия и отражают стремления преодолеть международную разобщенность, призваны развивать сотрудничество и кооперацию в международной системе, с помощью многосторонних механизмов создавать единое правовое поле принятия решений, в котором реализуется коллективное лидерство, а в перспективе – осуществлять глобальное регулирование и управление. Современные международные организации берут свое начало со второй половины XIX в. и образуют институты межнациональных и наднациональных сфер отношений.

Международные межправительственные организации – институты, учрежденные на основе международных договоров государствами, которые являются их членами [Лебедева 2007: 354].

Международные неправительственные организации не учреждены на основании межправительственных соглашений и действуют не только в рамках одного государства (транснациональность), цели их деятельности не связаны с получением прибыли [Там же].

Основу деятельности международных межправительственных организаций составляют [Decision... 2004]:

1. Формальный механизм согласования между тремя или более государствами. В уставе отражены цели, средства, функции, он регулирует действие и создание специальных органов, правовых процедур, членства, правил принятия решений. В нем определены пределы создания правил, в дальнейшем кодифицируемых в международном праве.

2. Международная конференция, собираемая представителями стран-участниц для принятия решений, на которой также представители негосударственных структур могут присутствовать для лоббирования интересов посредством своего консультативного или наблюдательного статуса или распространения идей и экспертных оценок. Начатая в XIX в. международными общественными движениями инновационная практика конференций *ad hoc*, в которой проявились возможности воздействия на международную повестку дня, межгосударственные переговоры, реализацию межгосударственных решений, после 1910 г. сменилась на регулярные, ежегодные конференции, организованные международными организациями.

3. Постоянный секретариат для выполнения текущих задач, состоящий из представителей национального и международного уровня. Модель «министра иностранных дел» и помощников – связанных агентов между государствами была изменена на Версальской конференции 1919 г. в пользу модели интернационального секретариата Лиги Наций, перенесенной также в ООН и другие международные организации.

Теории международных организаций и взаимодействия между ними, в отличие от теорий межгосударственного взаимодействия, только развиваются и опи-

ссылают надгосударственный уровень отношений в глобальной политической системе. Теории международных организаций освещаются преимущественно в иностранной научной литературе. Существуют три основных подхода к изучению международных организаций [Кутейников 2008]: реалистический, идеалистический и институционалистский, который является преобладающим на данный момент. В рамках институционалистского подхода исследуются политические аспекты международных организаций: функционирование их как политических систем, автономность их деятельности. В рамках реализма и функционализма, которые также продолжают играть важную роль в теоретическом дискурсе, изучаются природа и логика действия международных организаций, вопросы соотношения права и силы, функций международных организаций. Также можно отметить теории межорганизационных процессов, сетей, отношений «принципал – агент», внутриорганизационных процессов [Karns, Mingst 2010]. Теории межорганизационных процессов рассматривают отношения кооперации и конфликтов между организациями. Теории сетей обращают внимание на особенности современной структуры формирующейся системы международных организаций и их отношений с другими политическими и социальными сетями. Теории отношений «принципал – агент» изучают вопросы делегирования полномочий международным организациям со стороны государств по тем или иным причинам, проблемы автономности международных организаций. Теории внутриорганизационных процессов включают в себя теории организационной культуры, адаптации и обучения. В процессе развития организации формируют собственную культуру – систему норм и ценностей, становясь акторами системы глобальной политики, а не просто структурами международной кооперации. Культура международных организаций многообразна и развивается с течением времени. Собственная культура способна оптимизировать работу организации и влиять на действия государств. Вопросы развития организаций описываются теориями адаптации, когда происходит процесс расширения сфер компетенции, и обучения, когда меняются организационная база, ценности и внутрисистемные процессы на основе получения нового знания и информации внутри организации и вне нее. В целом в теориях международных организаций рассматриваются проблемы реформирования, осуществления «рационального дизайна» международных организаций, их роли в миротворческой деятельности, вопросы об ответственности, транспарентности, финансировании, управлении. Основным предметом исследований становится не сфера многосторонней дипломатии, а сфера глобального управления. Международные организации рассматриваются как институты глобальной политики, а вопросы согласования воли государств в рамках межправительственных учреждений отводятся на второй план. Ключевым вопросом построения системы глобального управления является проблема взаимозависимости и координации действий между организациями.

Эволюция взаимодействий сообществ в глобальном мире определяется процессами глобализации, характеризующимися усилением и усложнением взаимозависимости между всеми элементами глобальной системы, ведущими к развитию социоприродной целостности и формированию системы глобальной политики. Данная система представляет собой систему глобальной стратификации акто-

ров мировой политики, совокупность взаимодействующих и взаимозависимых глобальных институтов политической власти и управления [Ильин и др. 2013]. Основная роль международных организаций в качестве акторов системы глобальной политики заключается в обеспечении связей между ее элементами путем реализации глобального регулирования и управления.

Регулирование в широком смысле – процесс организации и контроля экономической, политической, социальной и других сфер деятельности человека с помощью создания, внедрения, мониторинга и выполнения правил и норм [The Politics... 2010]. Глобальное регулирование – процесс организации и контроля с помощью установления, создания, внедрения, мониторинга и выполнения правил и норм в системе глобальной политики [Там же].

Глобальное управление – это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих между государствами и распространяющихся на них, на рынки, на отдельных граждан и организации, как межправительственные, так и неправительственные, посредством которых на глобальном уровне определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры. Глобальное управление – всеохватывающий, динамический, комплексный процесс согласованного принятия решений в системе глобальной политики, который постоянно развивается и призван реагировать на изменяющийся мир [Karns, Mingst 2010]. ООН обосновывает необходимость глобального управления тем, что развитие глобального управления является частью эволюции человеческих усилий в деле разумной организации жизни на планете [Our Global... 1995]. Глобальное управление с целью решения глобальных проблем означает [Ильин 2010]:

- 1) управление на территории всей планеты;
- 2) общепланетарный характер управления глобальными процессами, в том числе тем или иным направлением глобализации;
- 3) делегирование властных полномочий от государств к глобальным структурам (институтам).

Управляемость системы международных отношений – свойство этой системы, отражающее ее способность снижать вероятность конфликтов и кризисов, которые могут угрожать стабильности ее системы или безопасности основных ее участников, предотвращать, а также контролировать и рационально направлять главные протекающие в системе международных отношений процессы и тенденции. Факторы управляемости: природа, количество и иерархия субъектов регулирования; действия по регулированию, их непротиворечивость; нормы, правила, механизмы, институты регулирования. Управляемость – это условие достижения международной системой стабильности, а ее главными игроками – безопасности в условиях глобализации [Суслов].

Именно глобализация является ключевым процессом в развитии глобального управления как системы, определяющим новые формы отношений, создаваемых акторами глобальной политики на разных уровнях. Становление глобальных отношений на основе международных является «не только пространственно-географическим процессом, но и системно-содержательным» [Ильин 2010]. В XXI в. проблемы распределения власти и собственности, конвергенция и син-

хронизация национальных экономических систем, автономность действия государств и культурная идентичность обретают глобальное измерение. Комплексность данных процессов проявилась в переходе управляющих структур мировой экономики от системы взаимозависимости к сетевой организации, появлению поствестфальских государств и новых международных организаций.

Таким образом, система глобального управления с учетом универсальных тенденций мирового развития и современных процессов изменения системы глобальной политики является системой институтов будущего. Ее формирование связано с эволюцией институтов в условиях глобализации. Именно возникновение системной целостности в совокупности международных организаций может послужить началом становления системы глобального управления.

Система глобального управления является закономерным этапом развития политических институтов в условиях глобализации. Уже сейчас действуют механизмы глобального регулирования в качестве элементов системы глобального управления, которая, возможно, появится в будущем. Становление целостной системы международных организаций под влиянием процессов глобализации означает переход от международных отношений к глобальным и усиление комплексности глобальной политической системы. Увеличение количества организаций и их многообразия, расширение сфер компетенции свидетельствуют о возрастающей роли международных организаций в глобальной политике, а также о появлении системных качеств в данной совокупности, имеющей общую цель. Международные организации в XXI в. призваны предоставлять решения глобальных проблем и осуществлять глобальное управление процессами мирового развития в ходе коэволюции социальной и природной систем.

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 41–52.

Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов. М. : Изд-во МГУ, 2010.

Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во МГУ, 2013.

Кутейников А. Е. 2008. Новое в исследовании международных организаций [Электронный ресурс] : Международные процессы. № 2(17). URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/006.htm> (дата доступа: 26.04.2014).

Лебедева М. М. Мировая политика. М. : Аспект Пресс, 2007.

Суслов Д. В. Управляемость как категория анализа международной системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wpec.ru/text/200709171301.htm> (дата доступа: 26.04.2014).

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2(6). С. 32–42.

Decision Making within International Organizations / Ed. by B. Reinalda, B. Vebeek. London : Routledge, 2004.

Karns M., Mingst K. International Organizations: the Politics and Processes of Global Governance. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, Inc., 2010.

Our Global Neighborhood: The Report of the Commission on Global Governance. Oxford : Oxford University Press, 1995.

The Politics of Global Regulation / Ed. by W. Mattli, N. Woods. Princeton : Princeton University Press, 2010.

О ГЛОБАЛИЗАЦИИ С ОБЪЕКТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Чумаков А. Н.

д. ф. н., проф., зав. кафедрой философии Финансового университета
при Правительстве РФ, первый вице-президент
Российского философского общества.
E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Статья посвящена обсуждению генезиса и сущности глобализации, а также вытекающих из нее негативных для общества последствий. В полемической форме опротестовывается точка зрения, что глобализация – субъективный процесс, отстаивается ее объективно-исторический характер. Дискуссия разворачивается вокруг позиции известного ученого, изложенной в его книге, посвященной проблемам государства и глобализации.

Ключевые слова: глобализация, глобалистика, субъективный процесс, объективный процесс, унификация, стандартизация, общественная жизнь.

The paper dwells on the discussion about the genesis and the nature of globalization and its negative consequences for the society. In a polemical form the point of view about the globalization as the subjective process is challenged, and its objective and historical character is maintained. The discussion is revolved around the position of the famous scientist which is presented in his work, dedicated to the problems of the state and globalization.

Keywords: globalization, globalistics, subjective process, objective process, unification, standardization, social life.

Пусть мне дороги друзья и истина, однако долг повелевает отдать предпочтение истине.

Аристотель

Вводные замечания

К написанию этой статьи меня подвигли обстоятельства, проигнорировать которые не позволяют как основные принципы научного творчества, требующие искать истину и отстаивать свою позицию невзирая на авторитеты, так и возникающее время от времени вербальное полшутливое пикирование с профессором Иваном Аршаковичем Гобозовым по вопросам глобализации. Сразу оговорюсь: знаком с Иваном Аршаковичем с тех пор, когда еще был студентом, затем аспирантом философского факультета МГУ, а он – преподавателем и одним из самых перспективных молодых ученых этого факультета. Но личные, достаточно теплые и уважительные отношения сложились в более поздние годы и теперь являются таковыми. Ценю Ивана Аршаковича за такие редкие в нашей среде качества, как высокий профессионализм в области социальной философии, принципиальность и умение бороться за свои убеждения, прекрасное чувство юмора и взвешенный

Век глобализации 2/2014 39–51

оптимизм, за способность поиронизировать, в том числе и над собой, наконец, за его порядочность и прекрасные деловые качества.

И вот теперь, когда на последнем заседании семинара по глобальным исследованиям в Институте философии РАН в очередной раз проявилось наше серьезное разногласие по поводу понимания сущности глобализации, мы там же прилюдно пришли к обоюдному согласию продолжить этот разговор, но уже на серьезном уровне, оставив в стороне наши хорошие личные отношения, дабы они не мешали объективно установить суть дела. Именно поэтому, приступая к написанию данной статьи, я взял в качестве эпиграфа знаменитые слова Аристотеля, обращенные к его учителю и другу Платону. А поскольку сослаться на устные высказывания в теоретической статье не принято, я взял за основу любезно подаренную мне книгу Ивана Аршаковича, где он более подробно, чем в других своих работах, высказывается о глобализации и ее последствиях.

Суть проблемы

Поскольку начало становления современной глобалистики принято соотносить с деятельностью Римского клуба и публикацией его первых докладов, то история этого нового научного междисциплинарного направления насчитывает уже без малого столетие. Срок вполне достаточный, чтобы закончить непрерывные дискуссии как о статусе самой глобалистики, так и о важнейших понятиях, составляющих костяк ее категориального аппарата: *глобализация, глобальные проблемы, глобализм, антиглобализм, глобальный мир, глобальное человечество, интернационализация, глобальная экономика, глобальная политика, глобальная преступность, глобальная культура* и т. п. Однако не все так просто. Разногласия по поводу указанных понятий продолжаются, и кажется, им не будет конца.

Почему так происходит? Причин тому несколько. Прежде всего следует указать на достаточно сложный предмет глобалистики, который касается целостности глобального мира и протекающих в нем процессов планетарного масштаба, что требует, с одной стороны, специальных знаний, а с другой – междисциплинарного подхода и способности комплексного, холистического мышления. К сожалению, не каждый, кто берется рассуждать о глобализации, придает этому серьезное значение. Другая причина заключается в субъективном восприятии социально обусловленных естественных процессов (что, собственно, и являет собою глобализация), когда каждый трактует происходящее через призму личных представлений и интересов, а это в очередной раз заставляет вспомнить хорошо известную истину, что «если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, они бы опровергались». Наконец, поскольку глобализация сегодня так или иначе затрагивает практически каждого, никого не оставляя равнодушным к данной теме, то мало кто, рассуждая о делах, непосредственно с ней не связанных, удерживается от того, чтобы не высказаться в том числе и по этому поводу. Уровень компетенции и профессиональные познания в области глобальных исследований при этом нередко попросту игнорируются, чем и объясняется тот факт, что масса не только популярной, но подчас и серьезной научной литературы содержит такие доводы и «размышлизмы» (а то и вовсе перлы собственного изобретения), которые весьма далеки от дефиниций и теоретических знаний, сложившихся в современной глобалистике.

По существу наших разногласий

Ярким примером литературы подобного рода является книга, как я уже отметил, весьма авторитетного российского философа, признанного специалиста в области социальной философии И. А. Гобозова «Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация?» [Гобозов 2013]. Взявшись за изложение своих представлений о государстве и национальной идентичности, он, прекрасно владея материалом и литературой по этой теме, на протяжении первых трех глав¹ предлагает глубокий и содержательный анализ обсуждаемых вопросов². Однако уже в следующей, четвертой главе «Глобализация – субъективный процесс» Иван Аршакович уходит в область, где он, мягко говоря, не погружается на достаточную глубину уже имеющихся теоретических знаний и потому делает заявления, не согласующиеся с достижениями современной глобалистики. Отсюда и заключительная пятая глава «Кризис общества и перспективы его преодоления» написана, как мне представляется, тенденциозно и малоубедительно, поскольку в основе рассуждений здесь лежит представление о глобализации, превратно истолкованной в предыдущей главе.

Обратимся в этой связи непосредственно к тексту и идеям, которые И. А. Гобозов положил в основу своих представлений о глобализации, посвятив ей даже отдельную главу. Но прежде чем он станет «основательно» рассуждать о глобализации, уже в предисловии, буквально во втором абзаце, читаем: «В обширной литературе, посвященной проблемам глобализации, утверждается, что ее истоки уходят в далекое прошлое человечества, когда еще первобытные люди обменивались материальными и духовными ценностями. До недавнего времени подобной точки зрения придерживался и автор данной монографии. Однако затем он пришел к совершенно противоположному выводу, а именно: **глобализация началась после умышленного развала Советского Союза**» [Там же: 5].

Оставить без внимания подобное высказывание никак нельзя, поскольку уже здесь высказываются суждения принципиальной важности, основанные исключительно на субъективных представлениях автора. К сожалению, и здесь, и далее, где дело касается глобалистики, И. А. Гобозов не утруждает себя ссылками на специальную литературу³, а, изредка обращаясь к ней, как мы покажем ниже, упоминает источники второстепенные, не обнаруживая, однако, знакомства с литературой основательной, признанной в профессиональном сообществе тех, кто серьезно исследует глобализацию и ее последствия⁴. В итоге остается только за-

¹ Глава 1. «Государство – форма бытия народа»; Глава 2. «Этнос. Нация. Национальное государство»; Глава 3. «Интернационализация общества – объективный процесс».

² Несомненные достоинства и дискуссионные моменты данной монографии по части социальной проблематики заслуживают отдельного разговора, выходящего за рамки глобалистики, с позиции которой обсуждаемая книга нуждается в серьезном критическом осмыслении.

³ Это замечание касается только глобальной проблематики, тогда как по проблемам государства, этноса, нации и социальной философии в целом автор демонстрирует великолепное знание и первоисточников, и различных подходов к решению обсуждаемых проблем, что делает и его собственные суждения, даже если с ними не соглашаться, высокопрофессиональными и хорошо аргументированными.

⁴ Вот только некоторые из них, хорошо известные и вполне доступные каждому русскоязычному читателю: Глобалистика... 2003; Глобалистика... 2006; Глобалистика... 2001; Глобализация как процесс... 2001; Глобализация... 2002; Глобализация. Цивилизационные... 2001; Бек 2001; Ласло 2004; Гидденс 2004; Многолика... 2004; Чешков 2005; Чумаков 2005; 2006 и мн. др., среди которых, конечно же, надо знать и работы таких отечественных ученых, как И. Т. Фролов, Н. Н. Моисеев, В. В. Загладин, А. Д. Урсул,

метить Ивану Аршаковичу, что «обширной литературы» по глобализации, где утверждалось бы, что «ее истоки уходят в далекое прошлое человечества», просто не существует. Редкие работы, авторов которых можно было бы упомянуть в этой связи (А. П. Назаретян, В. И. Пантин), дали в свое время основание подискутировать на эту тему, но серьезный разговор по данному поводу достаточно быстро исчерпал себя. Я тогда (в 2005 г.) отмечал, что в глобалистике проявились «две крайности в истолковании как самого феномена глобализации, так и истории его появления. Одна из них состоит в том, что планетарный характер социальных связей и отношений трактуют неправомерно расширительно, пытаясь усмотреть их уже в первобытном обществе, и с этой точки зрения даже ранние этапы развития человечества характеризуют как глобальные⁵. Другая крайность заключается в том, что глобализацию трактуют слишком узко, когда современные процессы общественного развития рассматриваются в отрыве от их фундаментальных причин и генезиса, то есть не учитывается история и динамика становления международных структур и транснациональных связей» [Чумаков 2005: 90–91].

Итак, как мы видим из признания самого И. А. Гобозова, он из одной крайности как-то неожиданно быстро и без объяснения причин перемены своих взглядов впал в другую крайность, утверждая теперь, причем абсолютно бездоказательно, что «глобализация началась после умышленного развала Советского Союза». К сожалению, дискутировать с автором такого сенсационного «открытия», пока еще не встречавшегося в серьезной литературе по данной теме, трудно, поскольку остается только догадываться, что же он понимает под глобализацией. Дело в том, что ни в упомянутом предисловии, ни где-либо в дальнейшем (даже в четвертой главе, посвященной этой теме) он не дает соответствующей внятной дефиниции, как, например, делает это (основательно, со скрупулезным анализом и активным цитированием авторитетных первоисточников) в предыдущих трех главах, когда дело касается таких понятий, как «общество», «государство», «культура», «мораль», «совесть», «этнос», «нация», «национализм» [Гобозов 2013: 12–14, 33–37, 75, 76, 82, 84, 91, 100], из чего сразу видно, что разговор ведет знаток своего дела, хорошо разбирающийся в тонкостях рассматриваемых вопросов. Но разве понятие «глобализация», которой посвящена специальная глава, да еще с претензией на его исключительно новационное истолкование (!), заслуживает меньшего внимания по части его определения, чем упомянутые выше вполне установившиеся термины?

Однако обратимся к тексту самой четвертой главы, где глобализация объявляется субъективным процессом и уже с первой строки еще раз утверждается, что она «начинается с развала СССР в 1991 году» [Там же: 133]. «После развала Советского Союза <...> Началась **глобализация**, искусственно навязанная всему остальному миру» [Там же: 134], – еще раз декларирует автор свою точку зрения уже на следующей странице, приводя в «доказательство» полуторастраничную цитату из работы А. И. Уткина, где тот сам, фактически переписывая текст эко-

В. А. Лось, Н. М. Мамедов, Э. В. Гирусов, А. А. Горелов, В. И. Данилов-Данильян, А. Б. Вебер, М. А. Чешков, не говоря уже о регулярном чтении журнала «Век глобализации».

⁵ Такое понимание глобализации характерно, например, для А. П. Назаретяна, что отражено в его работе «Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование)» [Назаретян 2004]; В. И. Пантина в его книге «Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении» [Пантин 2003] и др.

номиста Дж. Вильямса, касается вопросов сугубо финансовых и экономических, к тому же в контексте, далеком от глобализации [Гобозов 2013: 134–136]. Но разве современную многоаспектную глобализацию, даже если действительно рассматривать глобальные аспекты экономического развития, можно свести только к экономике?! Очевидно, понимая неправомочность такой позиции, И. А. Гобозов подытоживает пространный, малозначащий для понимания сущности глобализации текст от А. И. Уткина всего двумя строчками своего умозаключения: «Это есть концентрация экономической глобализации, под которую подгоняются и другие сферы общественной жизни» [Там же: 136]. Обосновать же или хотя бы кратко пояснить суть столь серьезного и весьма содержательного утверждения автор не посчитал нужным, как оставил без ответа и вопросы: так что же такое «экономическая глобализация»? Все ли, и если нет, то какие именно «сферы общественной жизни» он имеет в виду? Наконец, кто и как подгоняет эти сферы общественной жизни под глобализацию?

Зато следующий абзац автор снова начинает с никоим образом не следующей из предыдущего текста громкой декларацией. «В отличие от интернационализма **глобализация разрушает единство и многообразие мировой истории. Она унифицирует, стандартизирует и примитивизирует социальный мир**, – утверждает он. – Глобализация не есть объективный процесс, она искусственно и порою насильственно насаждается США и их союзниками с целью защиты своих национальных и геополитических интересов» [Там же]. Поскольку все доказательство столь радикальных и требующих серьезных аргументов высказываний свелось лишь к двум практически никак не поясняющим суть дела цитатам из работ Н. Хомского и З. Баумана, то вступить в содержательную дискуссию с автором декларативного заявления не представляется возможным, ибо логика его личных рассуждений на этот счет осталась за кадром.

Хотел бы только заметить в этой связи, что «унификация и стандартизация социального мира» обусловлены далеко не только глобализацией и вовсе не могут быть отнесены лишь к негативным явлениям, ведущим к примитивизации общества. А как «глобализация разрушает единство и многообразие мировой истории», если она как раз и предполагает единство при сохранении разнообразия? Еще большее недоумение вызывает отрицание объективности глобальных процессов, не говоря уже о коварстве и злом умысле США и их союзников, которые якобы придумали глобализацию «с целью защиты своих национальных и геополитических интересов»⁶.

Насчет искусственного насаждения глобализации, как и определения самого этого понятия, а также по другим моим высказанным выше утверждениям не стану приводить здесь особые доводы и доказательства. Причем не потому, что этого не делает И. А. Гобозов, а потому, что уже давно, многократно и основательно писал на этот счет [см.: Чумаков 2005: 48–102; 2008; 2009; 2012а; 2012б; 2013], не встретив, кстати, пока еще сколь бы то ни было серьезных возражений. Был бы рад услышать таковые, в том числе и от Ивана Аршаковича, если мои аргументы из указанных в ссылке и других моих работ покажутся ему неубедительными.

⁶ Такого рода обвинения в устах специалиста по социальной философии звучат по меньшей мере странно, поскольку в современном мире все национальные государства, будучи вовлеченными по существу в «войну всех против всех», только и делают, что всеми средствами защищают свои национальные и геополитические интересы.

А вот мне действительно вышеприведенные высказывания, претендующие буквально на сенсацию, показались совсем неубедительными, поскольку, заведя столь серьезный разговор о глобализации, И. А. Гобозов в доказательство своей позиции ограничился лишь тремя упомянутыми цитированиями да полутора десятками строк своих заключений после этого, где, в частности, так «раскрыл» содержание глобализации: «Глобализация – это индивидуализм, а не коллективизм»; «Глобализация – это своего рода “плавильная печь”, куда брошено более шести миллиардов населения земного шара» [Гобозов 2013: 137]. Если кто-то понял из этих «дефиниций», что же на самом деле является глобализация (в представлении И. А. Гобозова) и какова ее сущность, пусть поможет и другим понять его точку зрения. Хотя, зная Ивана Аршаковича как серьезного и отвечающего за свои слова ученого, полагаю, что он и сам внесет ясность по этому вопросу уже в очередной своей публикации, хотелось бы думать, в качестве ответа на эту статью.

Ну хорошо, это была вступительная часть к рассматриваемой главе. А что же дальше? Быть может, в следующих пяти параграфах данной главы, на которые по совокупности приходится всего-то два десятка страниц, мы найдем ответы на затронутые вопросы? Посмотрим. Вот первый параграф, озаглавленный «Экономическая унификация». Хотелось бы сразу заметить, что унификация и глобализация – не одно и то же. Отсюда, даже предложив хороший содержательный текст, автор все равно не раскрывал бы общую, заявленную в названии главы тему, но он и этого не сделал. На неполных двух страницах, отведенных первому параграфу, он смог, по существу, опять-таки лишь выступить с пространными заявлениями типа того, что «в глобализованном обществе все подвергается стандартизации и унификации» и что «стандартизация приводит к потере оригинальности, индивидуальности, многообразия, национального колорита и своеобразия» [Там же: 137]. Из этих, мягко говоря, сомнительных утверждений он делает окончательное заключение: «В эпоху глобализации все упрощается, примитивизируется: экономика, политика, культура, вообще духовное творчество...» [Там же: 138].

И с чего это Иван Аршакович взял, что в глобальном обществе все будет на одно лицо – и люди, и архитектура, и искусство (а как иначе, если *все* стандартизируется и унифицируется)? По этой логике выходит, что все будут одинаково одеваться, одинаково питаться и проявлять одинаковые интересы, в воображаемом им обществе не будет ни писателей, ни художников, ни дизайнеров, ни русского балета, ни китайской оперы, ни итальянской моды, ни шотландских юбок, ни африканских танцев или бразильских карнавалов? Но разве одно исключает другое?!

В серьезной литературе по глобалистике уже давно введен и активно используется специальный термин, поясняющий суть данной коллизии – *глокализация*, который был образован путем совмещения слов «глобализация» и «локализация». Первоначально он «получил распространение в трудах ряда исследователей феномена глобализации (Р. Робертсон, У. Бек, М. Эпштейн и др.) в качестве слова, отражающего сложный процесс переплетения глобальных тенденций общественного развития и локальных, местных особенностей культурного развития тех или иных народов» [Глобалистика... 2003: 268]. Другими словами, «глокализм (glocalism) – сочетание процессов глобализации и локализации в развитии чело-

вечества. Термин образован из сочетания антонимов «глобальный» и «локальный». Глокальный (glocal) – соединяющий глобальное с локальным, всемирные центры с периферией; то, что имеет отношение и к глобальному, и к локальному; то, что служит связи, опосредованию, соотносению, сближению всемирного и местного» [Глобалистика... 2003: 268].

Так будем мы обращаться к специальной литературе (ну хотя бы к справочной), рассуждая о сути глобализации, или будем выдавать «на-гора» заявления, которые противоречат установившимся в научном сообществе представлениям и не содержат должного обоснования того, что сделавший эти заявления автор прав? Если мы имеем дело с серьезным научным текстом, то такие доказательства и соответствующий анализ проблемы просто необходимы. А если текст написан по принципу «ну кто же этого не знает?» или «это же и так очевидно», тогда зачем засорять серьезную книгу банальностями и расширять ее объем за счет ничего не доказывающих параграфов?

К сожалению, не лучше обстоят дела и с остальными параграфами данной главы. Последующие три из них также посвящены не *глобализации*, а *унификации* еще трех сфер общественной жизни. И к ним с полным на то основанием можно отнести существо замечаний, высказанных относительно первого параграфа.

На что еще можно было бы обратить внимание, так это на то, что второй параграф «Политическая унификация» начинается словами: «Не только экономическая глобализация примитивизирует людей, но и политическая. В эпоху интернационализации каждое государство имело свою национальную политику, свои национальные ориентиры, свой, так сказать, национальный дух» [Гобозов 2013: 139]. Конечно же, не дав определения *экономической глобализации* (на что уже указывалось раньше) и теперь также не утруждая себя хотя бы пояснением того, что имеется в виду под *политической глобализацией*, И. А. Гобозов не в состоянии объяснить, как именно они «примитивизируют людей». Да он и попыток таких не предпринимает, что роднит представленный на трех с половиной страницах текст не с научным творчеством, а скорее с высказываниями оракула. К тому же немотивированные перескоки с *унификации* на *глобализацию*, затем на *интернационализацию* также не добавляют ясности касательно действительных посылок и объективных оснований приведенных суждений автора. А вот относительно прав народа и отдельного человека Иван Аршакович высказывается вполне внятно, когда пишет: «В эпоху интернационализации на первом месте было право народа на самоопределение, а затем права человека... Теперь в эпоху глобализации редко вспоминают о праве народа на самоопределение, зато все СМИ постоянно твердят о правах человека... Но в эпоху глобализации все упрощается, все примитивизируется (опять оседлал своего конька! – А. Ч.). Легче и проще защищать права человека, чем права народов» [Там же: 141–142]. Дабы не отвлекаться от глобальной проблематики, оставляю без комментария данный тезис, с которым никак не могу согласиться, поскольку к пониманию общества иду от человека, а никак не наоборот, что обычно характерно для сторонников различных форм тоталитарного общественного устройства.

Что касается третьего параграфа «Правовая унификация», очень сложно понять, зачем такой параграф вообще нужен, если ему отведена всего лишь одна страница текста. Здесь мы опять видим перескок с унификации (что, собственно, и следовало бы раскрывать, отталкиваясь от заявленного названия параграфа)

на глобализацию. Так, в частности, в конце этой единственной страницы читаем: «В эпоху глобализации формально сохранилось национальное право. Но из него выхолащивается, если можно так выразиться, национальный дух, поскольку глобализация требует унификации правовых норм и правил международных отношений, которые идут вразрез с национальными интересами» [Гобозов 2013: 143].

А Вы, Иван Аршакович, за что ратуете? За то, чтобы более семи миллиардов населения Земли, проживающих сегодня в почти 200 национальных государствах мира (а это Вам не 1,6 млрд человек на всей планете в начале XX в.), да еще овладевших ядерными и прочими технологиями массового истребления всего живого на планете, продолжали жить в своих национальных квартирах и руководствовались только своими национальными интересами и выстроенными под них же правовыми нормами?! Вот это и есть цена Вашего поверхностного отношения как к понятию, так и к самой сути глобализации, причем не той, которую Вы вчера понимали излишне расширительно, а сегодня предельно узко (судя по Вашим же декларациям), а той реальной, многоаспектной, в которой мы все сегодня живем и которая представляет собой прежде всего объективно-исторический процесс «универсализации, становления единых для всей планеты Земли структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [Чумаков 2009: 31].

Четвертый параграф «Духовная унификация и примитивизация» начинается опять с той же самой «заезженной пластинки» о всеобщей и неперемнной деградации, которую якобы несет глобализация. «Если взять духовную жизнь, – говорит уже с первой строки И. А. Гобозов, – то ее можно обозначить терминами “унификация” и “примитивизация”» [Гобозов 2013: 144]. Упрекая затем современную литературу и современное искусство в том, что они не поднимают людей до своего уровня и не помогают им «обогащать свой внутренний мир», он апеллирует к лучшим образцам мировой литературы: Пушкину, Чехову, Гоголю, Тургеневу, Толстому, к литературе Франции, Германии, Англии и др., чтобы показать на этих примерах, как далека от них современная художественная литература, характерными чертами которой являются «отсутствие сколько-нибудь художественного анализа реальной жизни людей со всеми ее проблемами, радостями и горем» [Там же: 145]. Далее идут рассуждения о современном искусстве, которое, как утверждает автор, уже перестало быть таковым, превратившись в «индустрию псевдоискусства». Заканчивается пятистраничный текст этого параграфа обширным пассажем, где автор ставит своей задачей показать, как современная «эстрада превратилась в грандиозное шоу».

Ну что ж, автор выражает свою позицию по достаточно актуальным вопросам, и это было бы вполне уместно в контексте иного, посвященного соответствующей теме разговора. Но давайте вернемся к названию главы, которую должен раскрывать данный параграф. Вы же, Иван Аршакович, хотите доказать, что *глобализация* – это *субъективный процесс*. Но тогда как данный параграф работает на достижение этой цели? Когда Вы апеллируете к тому, что и литература, и искусство связаны с современной глобализацией, это только лишний раз доказывает, что многоаспектная глобализация так или иначе затрагивает сегодня все сферы общественной жизни. И кто же с этим спорит? Но как это доказывает то, что глобализация – *не объективный, а субъективный процесс*, на чем Вы так упорно настаиваете? В формальной логике такая ошибка именуется «потерей тезиса», когда начинают разговор о «бузине в огороде», а заканчивают «дядькой в Киеве».

Но, может быть, последние 8 страниц самого объемного в данной главе пятого параграфа «Деинтеллектуализация общества» что-то поправляют и вносят свой вклад в доказательство главного тезиса? Отнюдь. Читателю предлагается текст о рационализме и иррационализме и их исторической эволюции начиная от древних греков до современности. Со ссылками на философские первоисточники (Ф. Х. Кессиди, М. Вебер, И. Кант, Ф. Ницше) и с апелляцией к Платону, Аристотелю, Дидро, Гольбаху, Гельвецию, Декарту, Толанду, Коллинзу, Локку, Гартли, Пристли, Лессингу, Гердеру, Фихте, Гегелю, Марксу, Дильтею, Зиммелю, Бергсону, Гете, Бальзаку, Пушкину, Михайловскому обосновывается мнение автора о том, что рационализм – это хорошо, поскольку без него «не было бы наук», а иррационализм – это плохо, так как он «в современном обществе сопровождается **деинтеллектуализацией** общества в целом» [Гобозов 2013: 153]. Затем обосновывается, что «в результате деинтеллектуализации происходит **деантропологизация** человека», что «сегодня труд не в почете. Собственно говоря, он презирается», и что «сегодня нет ни одного философа, чьим учением могли бы вдохновляться молодые исследователи» [Там же: 154].

Ну что ж, вполне приличный текст, написанный профессором философии. Но для кого и зачем? Вы хотите этим доказать, что глобализация – субъективный процесс? И что те исследователи глобальных процессов, которые в анализе мировых тенденций приходят к выводу об их изначально объективно-исторической обусловленности, неправы? Но тогда оставьте в покое громкие и авторитетнейшие философские и литературные имена, которые к глобалистике не имеют равным счетом никакого отношения, и обратитесь к обширной литературе по глобальной проблематике, в рамках которой Вы делаете не то что громкие, а просто сенсационные заявления. Если согласиться с Вами и принять то, что Вы говорите, следовало бы произвести буквально революционный переворот во взглядах на современную глобалистику, объявив многочисленные результаты многолетних исследований устаревшими и не соответствующими действительности.

Понимаю, такая непростая задача в рамках лишь одной главы книги, посвященной в том числе и другим вопросам, полностью не решается. Но ведь Вы, Иван Аршакович, как было показано выше, даже и не приблизились к ее решению, поскольку говорили по большей части просто не о том. Как следствие, и пятая, заключительная глава «Кризис общества и перспективы его преодоления» «хромает на обе ноги», поскольку базируется на превратных представлениях о глобализации. Не стану анализировать данную главу так же подробно, как и предыдущую, поскольку это был бы уже другой разговор. Но некоторые моменты в контексте обсуждаемой темы не могу оставить без внимания.

Итак, обратившись преимущественно к историко-философской и художественной литературе и утверждая на этой основе, а также на основе своих субъективных представлений, что глобализация – это субъективный процесс, И. А. Гобозов теперь уже в заключительной главе еще раз повторяет свое сенсационное заявление, что «глобализация исходит от Соединенных Штатов Америки» [Там же: 186]. Что ж, логично, если речь идет о субъективном процессе, то как же не указать источник, субъект глобализации! Нетрудно теперь догадаться, какие рекомендации и предложения будут давать сторонники такого взгляда на мир. Они-то точно знают, кто придумал и умышленно запустил процесс глобализации, а потому легко и однозначно скажут, как с ней справиться и что для этого надо

делать, что предпринимать, с кем конкретно бороться... Они договорятся даже до «возможности деглобализации», как это и делает, например, И. А. Гобозов. В рассматриваемой главе он даже посвящает данной теме целый параграф, так и называя его – «Возможность деглобализации», где, в частности, пишет: «Исторический процесс объективен, но не фатален. Поэтому вполне возможна деглобализация. Для этого требуется лишь политическая воля правящих классов Запада» [Гобозов 2013: 190].

Как говорится, приехали. Ни убавить, ни прибавить. Выходит, что стоит только Западу проявить свою политическую волю, и глобализации не будет! Счастье-то какое! Ведь тогда не станет и глобальных проблем современности, поскольку они с точки зрения современных знаний в области глобалистики являются составной частью и в значительной мере следствием глобализации. Однако не будем спешить радоваться. Что-то здесь не стыкуется. Если глобализация началась после развала Советского Союза, то как тогда понимать все написанное о глобальных проблемах в советской и зарубежной литературе до этого времени? И в самом деле, как проигнорировать хотя бы деятельность образованного еще в 1968 г. Римского клуба и его знаменитые на весь мир доклады или публикации таких советских ученых, как И. Т. Фролов, Н. Н. Моисеев, А. Л. Яншин, М. И. Будыко, Н. Н. Иноземцев, Ю. А. Израэль, А. Д. Урсул, Э. В. Гирусов, и многих других, приложивших столько усилий для выявления сущности глобальных проблем современности и заложивших основы современной глобалистики?⁷ Выходит, что полученные многолетними усилиями такого количества первоклассных отечественных и зарубежных ученых знания являются ошибочными?! Но тогда такие ошибки, если они действительно ими являются, не исправляются декларациями, которые не только игнорируют в том числе упомянутых авторов и соответствующие первоисточники, но и в корне противоречат им.

Наконец, еще на одно весьма серьезное высказывание следовало бы обратить внимание. «Как уже отмечалось, – говорит И. А. Гобозов, – глобализация разрушает национальные экономики...» [Там же: 186]. Ладно, оставим США и даже весь Евросоюз вместе с Канадой, Австралией, Японией... Но вы спросите об этом тех, кто, по Вашей, Иван Аршакович, логике, глобализацию не затевал, например китайцев, разрушается ли их экономика из-за глобализации? Спросите Индию, Бразилию, не говоря уже о Южной Корее, Тайване, Сингапуре: сильно ли разрушила глобализация их экономики?

Сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы, и в частности тот, что, провозгласив один ошибочный тезис, с неизбежностью приходишь к таким заключениям, которые в лучшем случае вызывают удивление.

Не будем, однако, искать причины ошибочных суждений далеко за пределами научного творчества. Достаточно и этой сферы, чтобы понять, где собака зарыта. И. А. Гобозов как солидный и многоопытный ученый сам указывает нам на необходимость и системно мыслить, и не игнорировать основные принципы научной работы. В той же пятой главе он абсолютно правильно пишет: «Никогда челове-

⁷ Если кому-то неостанет времени познакомиться с оригинальными работами этих и других авторитетных специалистов в области глобалистики, то пробел знаний в этой области можно определенным образом компенсировать, обратившись к специальному справочному изданию: Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Альфа-М, 2012.

ческое общество не представляло такого единого и целостного организма, как сейчас. И, как никогда, оно нуждается во всестороннем и глубоком анализе» [Гобозов 2013: 179]. Вот взять бы ему это положение за основу при обсуждении глобализации! Да еще использовать бы тот хороший методологический принцип, который он вполне справедливо вспоминает, когда критикует Сорокина, Арона и других по части противоречий между трудом и капиталом, указывая, что «сторонники таких взглядов видят только явление и не хотят анализировать сущность тех изменений и процессов, которые происходят в современном мире» [Там же: 168].

Ученье бы все это при написании четвертой главы обсуждаемой книги – может быть, и пятая глава перестала бы «хромать», да и эту статью не пришлось бы писать в таком ключе за ненадобностью. Хотя я несколько не жалею о времени, потраченном на предельно внимательное прочтение столь небесспорной книги, из которой я почерпнул немало и поучительного. В частности, как не согласиться с его мнением о том, что отношение к диалектике является исключительно негативным и что «не только в академических исследованиях, но и в учебниках по философии исчезла диалектика... Утверждается, что диалектический метод якобы не подходит для анализа современных природных и социальных явлений, что теперь требуются якобы какие-то неклассические средства познания объективной действительности. При этом, конечно, никаких научных аргументов противниками диалектики не приводится. «Просто диалектика не нравится и все, – резонно замечает он. – Ее сторонники априорно объявляются ретроgrадами» [Там же: 159]. Это слова настоящего ученого, хорошего, принципиального полемиста, неважно, разделяем ли мы его позицию или нет.

Справедливости ради надо сказать, что, заявляя свою особую точку зрения на глобализацию и вытекающие из этого следствия, Иван Аршакович не считает ретроgrадами тех, кто смотрит на глобализацию иначе, чем он. Он их просто игнорирует, не замечает, в лучшем случае не считает заслуживающими внимания. Ну а то, что, приступая к написанию главы по столь актуальной теме, он их даже и не читал... мне не хотелось бы так думать.

Эпилог

Сторонний наблюдатель дискуссии по вопросу об объективной или субъективной сущности глобализации может подумать, что это схоластический спор, не имеющий принципиального значения. На самом деле это не так. И более того, это вопрос принципиальной важности, поскольку глобалистика как никакая другая область научного знания непосредственно связана с интересами людей и принятием решений. От того, как понимается глобализация, во многом зависит характер поведения людей, а также то, какие действия они предпринимают, на что направляют свои силы и имеющиеся ресурсы.

Так, при объективно-историческом истолковании природы глобализации проблемы и задачи, сопряженные с ней, будут решаться с учетом обстоятельств, которые задаются естественным ходом исторического развития, и уже на этой основе будут рассматриваться цели, интересы, поступки и деятельность людей, организаций, государств, то есть всего того, что принято называть субъективным фактором.

Во втором случае, когда глобализация объявляется субъективным процессом, необходимо определить субъект, инициирующий глобализацию. А далее логика

уже сама поведет к изобличению коварных замыслов, раскрытию истинных целей тех, кто задумал ее и управляет ходом ее развития, не говоря уже о том, что всем становится ясно, в чьих интересах осуществляется глобализация. После этого остается только объявить недругов и начать бороться с врагами...

Являясь сторонником первой точки зрения, я вовсе не хочу сказать, что она единственно правильная и все должны придерживаться только этой позиции. Не претендуя на истину в последней инстанции, я хотел бы тем не менее слышать от оппонентов аргументированные суждения, свидетельствующие о том, что они знакомы и с противоположной точкой зрения, причем не поверхностно, а детально, с опорой на первоисточники. А вот далее уже будет предметный и конструктивный разговор, в основу которого, как того требовали еще древние греки, надо положить отыскание истины, а не личные отношения, чтобы не пришлось потом, отдав предпочтение дружбе, сказать в свое жалкое оправдание: «Аристотель, ты неправ».

Литература

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Гидденс Э. Ускользящий мир: Глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004.

Глобализация как процесс: Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М. : Новый век, 2001.

Глобализация. Цивилизационные и гуманитарные аспекты. М. : ИСП РАН, 2001.

Глобализация: контуры XXI века: реф. сб.: в 3 ч. Ч. 1–3 / под ред. Ю. И. Игрицкого. М.: РАН, ИНИОН, Горбачев-фонд, 2002.

Глобалистика как отрасль научного знания: Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3. М., 2001.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк : Элима, Питер, 2006.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / Гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Альфа-М, 2012.

Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М. : ЛИБРОКОМ, 2013.

Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М. : Тайдекс Ко, 2004.

Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004.

Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003.

Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М., 2005.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : ТК Велби; Проспект, 2005.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: КАНОН +, 2006.

Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1(1). С. 7–16.

Чумаков А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 32–39.

Чумаков А. Н. Актуальные проблемы современной глобалистики: социоприродный аспект // Философские науки. 2012а. № 12.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012б. № 7. С. 3–16.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 23–37.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ОТ МИРОВОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДО ГЛОБАЛЬНОГО НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Горелов А. А.

д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

E-mail: Gorelovata@mail.ru

Рассматриваются причины и динамика развития и гибели мировой колониальной системы, становление в эпоху глобализации после разрушения СССР системы глобального неокOLONИализма, его структура, сферы функционирования и основные особенности. Делается вывод, что становление системы глобального неокOLONИализма является основным направлением продвижения тенденции глобализации в современном мире.

Ключевые слова: колония, капитализм, экспансия, глобальный неокOLONИализм, метрополия, эксплуатация.

The paper considers causes and dynamics of development, destruction of the world colonial system and formation of a system of global neocolonialism in the epoch of globalization after the dissolution of the Soviet Union, its structure, functional spheres and peculiarities. The conclusion is made that the formation of a system of global neocolonialism is the main direction of the tendency of globalization in the modern world now.

Keywords: colony, capitalism, expansion, global neocolonialism, metropolis, exploitation.

Характеристика классического колониализма

Колонии появились еще до Рождества Христова, хотя первоначальный смысл этого слова был иной. Латинское слово *колония* означает «место для поселения». Предприимчивые люди из какой-либо, как правило, продвинутой, цивилизации, когда старое место обитания оказывалось относительно перенаселено или переставало хватать ресурсов для жизнедеятельности, перебирались на новые земли. Так поступали и первобытные люди в древности, когда они, осваивая землю на стадии охотничье-собираетельского способа хозяйствования, переходили из обедневших ресурсами регионов на новые территории, а на стадии земледельческо-скотоводческого способа хозяйствования мигрировали с истощившихся земель на нетронутые почвы и пастбища.

В эпоху цивилизаций процесс переселения, а, скорее, более широкого распространения человечества по планете в форме организации колоний, получил новый стимул. Колонии образовывали египтяне, финикийцы, греки, римляне. Основная

территория, откуда переселялись люди и которая продолжала существовать, в той или иной степени управляя новыми освоенными землями, получила название *метрополии* (от греч. «столица»).

Первый период существования колоний приходится на рабовладельческий строй (с 250 г. до н. э. по 480 г. н. э.). Он характеризуется тем, что представители названных выше народов устраивали поселения на новых землях вдали от метрополии с целью занятия сельским хозяйством или торговлей. Такие колонии были, конечно, спорадическими образованиями, хотя каждая из них могла существовать веками и быть относительно независимой и даже находящейся в изоляции от метрополии.

Новый импульс открытию колоний придало в Средние века развитие мореплавания. Здесь особенно выделились итальянские города-республики – Генуя и Венеция, между которыми сразу же наметилась борьба за сферы влияния. Постепенно сформировался второй этап существования колоний, связанный со становлением капиталистического общества и с Великими географическими открытиями. Как только европейцы открыли Америку, они стали устраивать там свои поселения и переправлять золото и другие материальные ценности в Европу, подчинив местные государства и народы.

Открытие Америки привело к созданию крупных колониальных держав европейскими странами, которые первыми начали осваивать новый материк, – Португалией и Испанией. Затем из-за небольших размеров Португалии и того, что Испания потратила слишком много сил для сохранения под своей властью Нидерландов, первенство в колониальном соперничестве в результате непрекращающейся борьбы между претендентами на заокеанское господство перешло к Великобритании и Франции. Британская и Французская колониальные империи были созданы в XVII в. Затем подключились и Голландия с Бельгией. В то же время Российская и Османская империи расширялись за счет соседних территорий и не были колониальными державами в строгом смысле слова. Критически настроенный читатель может здесь остановиться и воскликнуть: «Автор явно тенденциозен в своей попытке обвинить в колониализме Запад. Какая разница, где находятся колонизируемые земли – рядом с метрополией или далеко от нее!» Но на принципиальное отличие западных колониальных захватов и расширения за счет приобретения сопредельных территорий указывает не кто иной, как З. Бжезинский, которого если и можно упрекнуть в тенденциозности, то в противоположную сторону [Бжезинский 2012: 18]. Западный колониализм к моменту своего крушения стал почти глобальным, что также принципиально отличает его от Римской, Монгольской и других империй древности и Средних веков, которые были региональными державами.

Иметь колонии оказалось очень выгодно, и «с XVI до середины XX в. этот культурно-политический охват обеспечил европейским государствам североатлантического региона дискретное политическое господство почти по всему земному шару» [Там же]. Португалия и Испания завоевали и колонизировали Южную Америку, Британия и Франция – Северную Америку. Затем настал черед Азии и Австралии, а в начале XIX в. – Африки. Создались огромные колониальные империи, причем каждая последующая была могущественнее предыдущей и имела большую территорию. Если Португальская империя в период своего наи-

высшего могущества (1815 г.) имела 10,4 млн кв. км, испанская (1800 г.) – 14, Французская (1920 г.) – 15, то самая мощная Британская империя в 1920 г. имела площадь 34 млн кв. км.

Главным стимулом приобретения колоний служили потребности капитализма в источниках сырья и рынках сбыта. Постепенно возникла мировая колониальная система, охватившая весь земной шар. Можно сказать, что мировая колониальная система стала первым западным глобальным проектом.

В Северной Америке европейские переселенцы, когда их территория сама еще была колонией Англии, проводили «войну на уничтожение» по отношению к коренному индейскому населению. Средствами уничтожения с самого начала открытия Америки стали более совершенное огнестрельное оружие, более прочная сталь и... микробы. Смертность до 95 % индейцев была вызвана болезнями Старого Света. Колонизаторы сознательно старались распространить болезни среди коренного населения, у которого отсутствовал иммунитет к ним (оспа, корь, сифилис и т. п.). Говоря современным языком, это был *биотерроризм* в действии. Следует отметить, что колониализм вообще несет в колонии новые болезни, крушение здравоохранения и образования.

После создания Северо-Американских Штатов эти процессы продолжались в ускоренном темпе. В 1830 г. Конгресс США одобрил «Закон о переселении индейцев», ставший *первым примером узаконенной этнической чистки*. Одновременно для работ на американских плантациях ввозились рабы из Африки. Рабство было отменено только после гражданской войны между Севером и Югом, но не было изжито полностью и переросло в дальнейшее притеснение и сегрегацию темнокожих.

После уничтожения индейцев на их собственной территории начались захватнические войны с соседями. Они закончились в 1848 г. присоединением Техаса, Калифорнии и юго-западных штатов (около половины тогдашней территории Мексики). «Америка расширялась за счет захвата мексиканских территорий, с имперским размахом и жадностью к чужим землям» [Бжезинский 2012: 63].

Затем Соединенные Штаты начали захватнические войны с другими колониальными империями с целью передела мира. Первые настоящие колонии США получили после испано-американской войны. Фактическими их колониями стали центрально-американские страны (Куба до 1959 г.). З. Бжезинский говорит о США: «Экспансионистская захватническая держава, безжалостно преследующая свои материальные выгоды, вынашивающая имперские амбиции и лицемерящая в своем демократизме» [Там же].

Первая мировая война в Европе была, по существу, борьбой за колонии. После ее окончания колонии побежденных стран были разделены между победителями как мандаты Лиги Наций, а по сути поменяли хозяев. Вторая мировая война стала могильщиком классического колониализма на волне национально-освободительных движений 1960-х годов. В 1962 г. ООН создал специальный комитет по деколонизации. Период крушения колониальных империй продолжался с начала XX в. (Афганистан, Иран, Индия, Китай и др.) до 1997 г., когда Великобритания вернула Гонконг Китаю.

Национально-освободительное движение победило колониализм под главенством интеллигенции и национального сектора экономики. Интеллигенция способствовала зарождению национального самосознания, созданию национальных

партий. Империалистической экспансии с Запада Восток дал «цивилизированный ответ». Победа СССР во Второй мировой войне стимулировала антиколониальную глобальную революцию. Многие освободившиеся страны вступили на путь строительства социализма как альтернативы капитализму.

Итак, колониализм представлял собой глобальный проект западного политического доминирования с XVI по XX в. Это политика приобретения и поддержания колоний специально для эксплуатации и контроля над зависимой областью и людьми. *Колониализмом называют экспансию развитых стран, осуществивших некогда территориальный раздел остального мира, а также всю систему экономических, политических, идеологических отношений между метрополиями и колониями*, между местным большинством и меньшинством иностранных захватчиков. Фундаментальные решения, затрагивающие существование колонизируемых людей, принимались колониальными правителями, преследующими интересы метрополий. Особенности колониальных отношений: неэквивалентный обмен между туземным населением и метрополией, дискриминация местного населения, вывоз продовольствия и сырья и ввоз иностранных товаров. Разновидности колониализма: *колониализм поселенца* (использование местной плодородной земли); *колониализм эксплуататора* (извлечение ресурсов, использование труда аборигенов, экспорт товаров); *колониализм плантатора* (завоз рабов и экспорт товарной культуры). Колониализм – идеологическая теория и практика, направленная на территориальную экспансию и навязывание режима, не соответствующего традициям и интересам страны; инструмент системной эксплуатации, искажающей местную экономическую систему, производящей социопсихологическую дезориентацию, массовую бедность и т. п. Отклоняя культурные компромиссы с колонизируемым населением, колонизаторы убеждены в собственном превосходстве и их изначальном мандате управлять.

Последствия колонизации хорошо видны на таком примере: «В течение восемнадцати столетий в общемировом ВВП неизменно преобладала доля Азии. Еще в 1800 году на Азию приходилось около 60 % мирового ВВП – по сравнению с европейскими 30 %. Одна доля Индии в мировом производстве доходила <...> в 1750 году до 25 % – примерно столько же составляет сегодня доля США... К 1900 году, когда Индия уже достаточно долгое время находилась под властью Британии, ее доля снизилась до жалких 1,6 %» [Бжезинский 2012: 24–25].

Причинами колониализма являются капитализм как общественно-экономическая формация, особенности западной цивилизации, прежде всего ее «стремление к пространственной экспансии» (О. Шпенглер). Еще Н. Я. Данилевский определил насильственность как характерный признак романо-германского типа. Он считал, что это идет от чрезмерно развитого чувства индивидуальности. Выявив принципиальное различие между славянским и европейским культурно-историческими типами, Данилевский пришел к выводу, что европейцы рассматривают славян как нечто чужое и чуждое, и так будет всегда. Английский историк А. Тойнби назвал западную и русскую цивилизации «сестринскими», но это не препятствует принципиальному различию данных культурно-исторических типов.

Объяснение феномена стремления к власти, исходя из идеи детерминированного циклического развития культуры, дал О. Шпенглер. Он рассматривает цивилизацию с ее практическим духом как последнюю фазу развития культуры, для ко-

торой характерен единый центр – город. И так, одной из культурных причин кризиса может быть переход данной культуры в ее завершающую стадию – цивилизацию. Но Шпенглер указывает в своей работе и другую культурную причину – специфику самой западной культуры, которой он уделяет особое внимание. Душу западной культуры Шпенглер называет фаустовской и прасимволом ее считает чистое беспредельное пространство в противоположность аполлоновской душе античной культуры, избравшей «чувственно наличное отдельное тело за идеальный тип протяженности» [Шпенглер 1923: 194].

«Душевной статике аполлоновского бытия... противостоит душевная динамика фаустовской – деятельной жизни <...> Фаустовская культура есть культура воли <...> Чистое пространство фаустовской картины мира есть совершенно особая идея, не только экстенсивность, но также протяженность как действие, как преодоление только чувственного, как напряженность и тенденция, как воля к власти <...> Вследствие этого фаустовская культура была в высшей мере завоевательной, она преодолела все географически-материальные границы: в конце концов она превратила всю поверхность земли в одну колониальную область. То, к чему стремились все мыслители, начиная от Экхарта и до Канта, а именно подчинить мир “как явление” заявляющему свое притязание на власть познающему “я”, это же выполняли все вожди, начиная от Оттона Великого до Наполеона» [Там же: 316, 360, 321, 353]. Ведущие западные философы И. Кант и Г. В. Ф. Гегель занимали антропоцентрическую позицию, в соответствии с которой неевропейцы понимались как недочеловеки.

Преобразовательные тенденции нарастали, достигнув наивысшего выражения в философии Ф. Ницше, представившего волю к власти в качестве фундаментального принципа жизни, которому подчинены и познание, и практика. «Добиться власти над природой и для сего известной власти над собой», – так представлял себе цель развития человечества Ницше. По существу, эта программа и реализовалась в западном мире. Воля к власти выступает как следствие обособления человека от природы и себе подобных, от породившей его целостности. Обособившийся человек пытается познать и преобразовать целое с помощью редуционистских и экспансионистских методов. Воля к власти – способ борьбы обособившегося от природной среды и собственной природы человека.

Стремление к пространственной экспансии стало отправной точкой геополитики, создатели которой заявили, что одной из основ политики любого крупного государства является стремление к территориальной экспансии. По мнению основателя немецкой школы геополитики Ф. Ратцеля, государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений. Именно Ратцель ввел понятие «жизненного пространства», которое играло определяющую роль в обосновании агрессивных планов Гитлера (Ratzel 1897). Социал-дарвинизм был распространен на государства, жизнь которых, по Р. Челлену, подчинена закону борьбы за существование, который проявляется в борьбе за пространство. Естественной границей завоеваний может быть только вся территория Земли. Челлен предложил свой категорический императив: расширять свою территорию путем колонизации, объединения или завоеваний различного рода (Kjellén 1917). Стратегической точкой отсчета, по Х. Макинделу, для всей мировой политики будет оставаться непримиримая борьба за Евра-

зию – «сердце мира» (Хартленд), обладание которым – ключ к мировому господству (Mackinder 1904).

Тенденция глобализации стимулируется и собственно экономическими причинами. Капиталу необходимо реализовать полученную им в товарах прибавочную стоимость, чтобы обеспечить прибыль. Он не может продать все товары самим изготовителям, так как у них зарплата меньше, чем стоимость произведенных товаров (на величину прибавочной стоимости). Поэтому нужны новые рынки сбыта. «Капитал – это организм, который не в состоянии обеспечивать собственное существование иначе, как устремляясь за свои пределы, обескровливая окружающую среду» [Хардт, Негри 2004: 219]. Капитализм – это вампир, высасывающий соки из покоренных народов. Капиталистические способы объединения мира ведут не к ослаблению, а к усилению эксплуатации, которой все труднее становится избежать.

Классический колониализм неотделим от капитализма и его можно рассматривать как звено превращения капитализма в империализм. Монополистический капитализм через колониализм достиг в конце XIX в. стадии империализма. В конце XX в. капитализм превратился в глобализм и создал идеологию глобального неокOLONИализма.

Во главе осуществления данного идеологического проекта стоит самая могущественная страна мира, единственная на сегодняшний день сверхдержава – США. Она, как это свойственно капиталистической идеологии вообще, прикрывается двумя дымовыми завесами: защитой национальных интересов США и борьбой с международным терроризмом.

Становление системы глобального неокOLONИализма

Мы живем в расколоте, расщепленном мире, в котором господствуют социальные противоречия. Их обострение приводит к кризисам, становящимся глобальными. Социальные противоречия никуда не уходят из нашего мира, но под влиянием динамики его развития сдвигаются, видоизменяются, приобретают глобальный характер. Сейчас главное социальное противоречие – не внутригосударственное противоречие между трудом и капиталом, собственниками предприятий и рабочими (данные противоречия остаются, но отходят на второй план), а глобальное противоречие между двумя группами государств – богатым Севером и бедным Югом. 1,2 млрд людей тратят менее 1 доллара в день на человека, 40 % населения планеты живут меньше чем на 2\$ в день, в то время как 20 % населения потребляют 80 % мирового дохода. Относительный классовый мир в богатых странах покупается ценой обострения социальных противоречий в бедных странах, куда эти противоречия «сбрасываются» из первого мира. Большинство населения Земли по-прежнему составляют эксплуатируемые.

Распад мировой колониальной системы, казалось бы, представлял собой поражение капитализма, но последнему удалось использовать это в своих целях. Прежняя колониальная система представляла собой совокупность империй, в каждой из них – отдельная европейская метрополия. Это создавало напряжение внутри капиталистического мира. В результате освобождения стран Азии и Африки от колониальной зависимости перегородки были сломаны. Однако эти страны остались объектами эксплуатации со стороны бывших хозяев, создавших одну глобальную метрополию. Мировая колониальная система была разрушена благо-

даря помощи Советского Союза. Но вот вторая сверхдержава перестала существовать, а стремление к пространственной экспансии, присущее западной цивилизации, осталось. При отсутствии противовеса в лице СССР Запад стал создавать в новых условиях систему глобального неокOLONИализма.

Средством ее становления является глобальная война. Если в XX в. имели место мировые войны, то в XXI в. им на смену пришла война глобальная. Запад встал на тропу войны, напав на Югославию, Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и идеологически подготовив новые войны. Трагические события на Украине также вписываются в сценарий становления глобального неокOLONИализма.

XX в. стал не только концом колониализма, но и началом неокOLONИализма. Последний начался сразу после крушения мировой колониальной системы в середине 60-х гг. XX в. Глобальный неокOLONИализм – современное направление глобализации и практика глобального империализма. Он превращает империализм в глобализм. Создается единая глобальная империя, по-новому управляемая из одной коллективной (корпоративной) метрополии. Таковой является уже не столица (город, откуда приехали колонизаторы), а государство или даже совокупность государств. «Столицей» глобальной империи можно считать США; весь остальной мир превращается в одну глобальную неокOLONИю. Основным принципом глобального неокOLONИализма – «одна метрополия – одна колония».

Система глобального неокOLONИализма строится Западом как единым целым по принципу вертикального структурирования. «Считается, будто некая “невидимая рука” рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики-сверхгосударства, исполнительным органом которой является денежный механизм» [Зиновьев 2007: 485]. Это не безличный Левиафан, а вполне конкретные люди, обладающие сверхкапиталами; круг лиц, владеющих главными государственными и частными финансовыми учреждениями – банками, страховыми компаниями, крупными фирмами и концернами, обладающими колоссальными суммами денег и выполняющими функции, аналогичные функциям банков. Эти люди управляют экономикой второго уровня, использующей создающую материальные ценности экономику первого уровня в качестве источника доходов. Миром правит символическая, виртуальная экономика, в которой циркулируют суммы «условных денег», во много десятков раз превосходящих суммы, обращающиеся в реальной экономике.

Править миром экономике второго уровня дают возможность не только огромные суммы, циркулирующие в ней, но и приоритет денег как высшей ценности западного общества, навязываемой всему миру. Суть денежного тоталитаризма в том, что «из формы (средства) социальных отношений людей деньги превратились в самодовлеющую сущность, сделав людей средством для своего бытия» [Там же: 111]. Мамоне, как мы знаем из Ветхого Завета, поклонялись как идолу и богу, но теперь это перешло на глобальный уровень. В западном обществе скорее деньги дают власть, чем власть дает деньги, хотя последнее тоже имеет место.

Рынки ценных бумаг, фондовые рынки – это инструменты господства сверхвласти финансово-кратии. Главный из них – Федеральная резервная система США, независимая от государства частная организация, занимающаяся эмиссией долларов [Сулакшин 2013: 55]. Она печатает не обеспеченные материальными ценно-

стями банкноты, на которые скупают реальные материальные активы всего мира. Столицей финансовократии называют Нью-Йорк (иногда к нему добавляют Лондон; это свидетельствует о том, что столицу не так легко локализовать), в отличие от столицы государства США Вашингтона, тем самым отделяя центр метрополии от центра государства.

За сверхвластью финансовократии следует власть экономическая – транснациональные корпорации – и власть политическая – государство. Экономическую власть, в свою очередь, можно разделить на финансовую и производительную. Имеет место триумвират власти: финансово-экономической, производственно-экономической и политической, причем первая является главенствующей. В. Ю. Катасонов ввел понятие «военно-банковский комплекс». Если назвать все три части триумвирата, то следует говорить о финансово-военно-промышленном комплексе, причем первое место слова «финансовый» здесь не случайно.

ТНК подчиняются финансовократии и являются «государствами в государстве». Особенностью этих «финансовых и промышленных монстров» является то, что они должны руководствоваться в своей деятельности исключительно мотивом получения материальной выгоды.

Государство как таковое с его специальным сложным аппаратом образует третий уровень управления системой глобального неокOLONИализма, не главный, но наиболее заметный, поскольку на нем основана военная мощь глобального неокOLONИализма. Следует учитывать, что помимо государственной власти существует еще и сверхгосударственная. Она формируется по четырем основным линиям. Первая – это внутренняя власть государственной системы, состоящая из представителей администрации, сотрудников личных канцелярий и т. п. Вторую линию образует совокупность секретных учреждений. Третья линия – всякого рода объединения из множества активных личностей, и, наконец, четвертая – образование учреждений и организаций блоков и союзов западных стран.

В общей структуре системы глобального неокOLONИализма можно выделить: 1) метрополию; 2) промежуточные страны различной степени зависимости от метрополии; 3) колонии разного уровня. Государства также вертикально структурируются: высший уровень – США, затем последовательно европейские страны (без стран Восточной Европы), Израиль, Япония, дружественные сателлиты (например, Саудовская Аравия), не вполне дружественные и опасные (например, Россия), соперники, которых приходится терпеть (Китай), обрекаемые на роль изгоев (Иран). Конфигурация может меняться в связи с изменением конкретной политической ситуации.

Цель западнизации, т. е. западной стратегии установления нового мирового порядка, – «довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний нового типа» [Зиновьев 2007: 417]. За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета, с ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В неокOLONИзируемой стране «создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере – как явно западные или совместные предприятия... Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживаю-

щейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада... До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее псевдокультура западнизма» [Зиновьев 2007: 420]. Торговля людьми и их органами, ограбление народов до их полного обнищания и геноцида является частью нового мирового порядка США. В колонии выносятся грязные производства (в том числе алюминия, никеля, меди) и отходы (прежде всего радиоактивные). Свое технологическое превосходство западная цивилизация осуществляет за счет эксплуатации людских и природных ресурсов других стран. Весь мир платит дань метрополии. В технологической пирамиде глобального неокOLONИализма на высших этажах имеет место примат планирования, а на нижних – рынка. У метрополии существует разветвленная сеть в каждой из колоний: тысячи СМИ, НКО, добровольных сторонников и т. п.

В целом можно дать такое определение. *Глобальный неокOLONИализм – это система неравноправных (экономических и политических) отношений, навязанная западными странами остальному миру, основанная на их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций и ТНК.* Соответственно можно выделить два тесно связанных между собой вида глобального неокOLONИализма – военно-политический и финансово-экономический. Уничтожая страны, не желающие подчиниться диктату США, неокOLONИализм в то же время не предполагает неперменного военного или административного присутствия в колониях, хотя целенаправленно создает военные базы и опорные точки с неопределенным международно-правовым статусом, образующие глобальную сеть.

НеокOLONИализм – новый вид отношений, когда в дополнение к прямому политическому подчинению используются финансово-экономические средства, основанные на военной и экономической мощи. НеокOLONИализм применяет более тонкие и незаметные на вид механизмы, но суть остается прежней – неравноправные отношения и использование ресурсов покоренных стран.

Важными элементами неокOLONИальной политики стали кредиты и займы, создание филиалов крупнейших западных компаний и смешанных предприятий в неокOLONИях, вывоз капитала и др. К методам неокOLONИализма можно отнести насаждение коррупции и прямой подкуп политических элит, разжигание конфликтов для передачи власти подконтрольным лидерам, поставки оружия политическим фаворитам, использование так называемой гуманитарной помощи в качестве инструмента манипулирования и вооруженной силы якобы во имя поддержания мира.

В результате в неокOLONИальных странах находится и выращивается местная элита, выражающая интересы метрополии. Главной особенностью, отличающей коллективный (корпоративный) неокOLONИализм от традиционного колониализма, является то, что управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту неокOLONИй, но в интересах метрополии. Управление это не столь жестко и линейно, как при колониализме, поскольку оно дополняется не менее эффективным экономическим управлением посредством международных организаций и транснациональных корпораций. Глобальный характер современной неокOLONИальной системы определяется тем, что формируется единая метрополия, осуществляющая руководство всеми неокOLONИями. При этом глу-

бинная суть взаимоотношений метрополии и колонии остается неизменной. Глобальное управление со стороны метрополии ведет к потере неокOLONИЯМИ политического суверенитета, периферийности их экономики, уменьшению численности населения, снижению обороноспособности, засилью чуждой местным традициям массовой культуры, идущей из метрополии. Основные признаки неокOLONИИ: отсутствие науки и высоких технологий; низкая продолжительность и качество жизни населения; ориентированное на подготовку узких и недалеких специалистов образование; потребление населением продуктов, изготовленных в соответствии с упрощенными стандартами; низкий уровень здравоохранения; вынужденность политических решений в интересах метрополии; выкачивание интеллектуальных и сырьевых ресурсов; желание жителей неокOLONИИ эмигрировать и посылать своих детей учиться в метрополию и т. д.

У глобальной метрополии три взаимообусловленные цели: гегемония над миром, доступ к планетарным ресурсам и господство на рынках сбыта. Последовательность действий такова: 1) всячески способствовать дезинтегративным процессам в границах национальных государств (управляемый хаос для того, чтобы мир захотел единого правительства); 2) «взламывать» национальные экономики под лозунгом «открытого общества» (соответствующая концепция «открытого общества» разработана К. Поппером); 3) устанавливать контроль над источниками ресурсов и рынками сбыта; 4) контролировать количество и качество населения (биовласть) посредством продвижения идей планирования семьи, ювенальной юстиции и практически путем снижения стандартов питания и контроля за его качеством, пропаганды наркотиков, алкоголя и т. п.

Рассмотрим кратко отдельные сферы глобального неокOLONIALИЗМА.

Политическая сфера заключается в контроле над правительствами якобы суверенных государств и обеспечении военного присутствия в стратегически важных регионах. Государство – объект глобального неокOLONIALИЗМА – почти всегда превращается в механизм обеспечения интересов метрополии и местной элиты и дискриминации большинства населения.

При этом ярко проступает отказ от соблюдения метрополией норм международного права. США осуществляют «беспрецедентное самоосвобождение от действия международного права и договорных обязательств» [Хомский 2007: 113]. Именно в отношении бомбардировок Югославии в 1999 г. впервые была пущена в оборот формулировка «незаконно, но легитимно». Практикой иракской войны США «отказались от роли державы – гаранта международного права» (Ю. Хабермас), действуя по принципу: у кого сила, у того и право. Под лозунгом борьбы за права человека допускается сколь угодно активное вмешательство во внутренние дела других государств. Национальный суверенитет объявляется анахронизмом. Если правительства злоупотребляют доверенной им властью, а народ не может это исправить, то внешнее вмешательство, с точки зрения правителей США, оправданно. Это называют «обязанностью защищать». В стратегии национальной безопасности США подчеркивается доктрина «упреждающей самозащиты». Говорится также о праве на интервенцию по гуманитарным причинам. Все это резко противоречит первому разделу статьи 2 Устава ООН, в котором зафиксирован принцип равенства и невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Но что может сделать ООН, если бюджет ее составляет 4 % бюджета

города Нью-Йорка? Американское насилие под предлогом искоренения насилия ведет к его эскалации.

Экономическая сфера достигла в глобальном неокOLONIALИЗМЕ впечатляющего могущества. Горстка англо-американских невероятно богатых банковских семей пытается управлять миром. Невоенная экономическая власть получила название стратегии «мягкой силы», но, конечно, военная мощь всегда наготове, поддерживая экономическое давление и время от времени приходя ему на помощь. Инструментом управления миром является наднациональный финансовый контроль.

Важным элементом финансового закабаления мира является категорический запрет Запада расходовать валютные резервы неокOLONIALЬНЫХ стран на внутреннее потребление и экономическое развитие. Поскольку банковские системы неокOLONIALЬНЫХ стран находятся в зависимости от метрополии положения, отсутствуют их финансовый суверенитет и финансовая безопасность. Продукция «печатных станков» ФРС и других ЦБ из зоны «золотого миллиарда» используется наряду с танками и самолетами. «Пятая колонна» в захваченных странах готовит национальные активы к приватизациям и занимается удушением национальных предприятий. Запад всячески противится национализации частных банковских учреждений, и такая система действует как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Главную производственную функцию в глобальном неокOLONIALИЗМЕ осуществляют ТНК. Особенность стратегии большинства компаний развитых стран проявляется в том, что на начальном этапе производство перемещается ближе к рынкам сбыта, далее следует период «закрепления», после чего начинают создаваться особые «расширенные» центры производства. По мере проникновения ТНК в другие страны увеличивается их прибыль и откачка ресурсов из неокOLONIALЬНЫХ стран ведет к их обнищанию с вкраплением «островков перепотребления». Что же касается передачи высоких технологий из метрополии, то технологический трансферт включает устаревший для страны-разработчика материал, используемый для захвата национального рынка. Развитые страны стремятся максимально исключить возможность доступа к своим технологическим достижениям. Ф. Жолио-Кюри говорил: «Если страна не развивает свою науку, она подвергается колонизации».

Мировой рынок – экономическая оболочка глобального неокOLONIALИЗМА – основывается на неэквивалентном обмене (до 2000 раз). В результате «в западных странах на одну единицу национального дохода, созданного собственным трудом, приходится две и более единиц, полученных в результате эксплуатации других народов» [Катасонов 2012: 218]. Особенно наживаются США. На них приходится только 4–5 % мирового населения, а их доля в мировом потреблении природных ресурсов оценивается в 40 %. На Америку работает вся экономика колонизируемых стран.

Военная сфера. В экономической сфере метрополия действует последовательно и постоянно, но, когда в этом есть необходимость, она прибегает и к вооруженному нападению. Вторжение в другие страны может происходить в соответствии с решением СБ ООН и с использованием международных сил (инспирируют эти решения и наиболее активно участвуют в военных акциях такого рода США). Но если такие решения не удается пробить, то Америка может начать

вторжение в одиночку или с НАТО. Во время агрессии в Югославии и Афганистане использовались силы НАТО (при этом США противодействуют планам создания независимых от НАТО европейских вооруженных сил). Оправдание войны гуманитарной риторикой называют «военным гуманизмом». После бомбардировок Югославии появилось понятие «гуманитарная интервенция».

Нападение на Югославию было согласованной акцией НАТО, но когда речь зашла об агрессии против Афганистана и Ирака, в европейском стане произошел раскол, и США пришлось создавать «коалицию послушных», то есть готовых подчиниться их диктату, в число которых попали и такие всегда стоящие на страже демократии страны, как Либерия и Узбекистан. Смешно выглядит название Министерством обороны военного ведомства страны, которая под лживым предлогом наличия у другой страны средств массового поражения (как в случае с Ираком) или под каким-либо другим нападает на государство, заведомо не могущее угрожать ей. Не было ни одного из двух условий, которые могли бы оправдать интервенцию США в Ираке: «ни соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, ни непосредственной угрозы нападения со стороны Ирака» [Хабермас 2008: 78].

Протесты мировой общественности, в том числе одновременные демонстрации в столицах европейских стран 15 февраля 2003 г., в которых приняли участие сотни тысяч человек, заставили американских правителей в дальнейшем изменить тактику, не отказываясь от своих целей. Они начали набирать «повстанцев» по всему миру, вооружать их и посылать в страну, которая является очередной в их списке государств, подлежащих захвату. Главным препятствием для продвижения неокOLONИализма на африканском континенте был М. Каддафи. На Ливию напали собранные со всего света наемники. Затем, сделав здесь свое дело, они перебрались в Сирию для того, чтобы низложить законное правительство этой страны (число несирийцев среди боевиков достигает 80 %). Продолжающаяся политика неокOLONИализма – источник международного терроризма, выступающего как ответ на глобальную войну, развязанную метрополией.

Демографическая сфера. После того как ученые показали, что комфортабельное существование на Земле обеспечено только одному, названному золотым, миллиарду населения, все остальные, по плану творцов глобального неокOLONИализма, за исключением тех, кто непосредственно обслуживает хозяев мира, оказались лишними. Таковыми объявлены до 80 % населения планеты. Вторая форма сокращения населения неокOLONИИЙ – это экзорабство, избирательная иммиграционная политика Запада для обретения без войн и захватов готовых работников ценой ухудшения социогенофонда поработенных народов. Эмиграция из России составила за 20 лет 10 млн человек.

Экологическая сфера. Конференция в Рио-де-Жанейро в 1992 г., в которой приняли участие руководители 173 стран, выработала итоговый документ «Повестка дня на XXI век», в котором утверждались разработанные экологами принципы устойчивого развития человечества. Однако «Повестка дня» ни для одной страны не стала программой действий. Устойчивое развитие человечества и глобальный капитализм оказались вещами несовместными. Технологии на базе частной собственности, как уже давно стало ясно, уничтожают экосистемы. Финансокрация «золотого миллиарда» потребляет 70 % всех ресурсов мира. Ей нужен путь неокOLONИализма, тогда как большинству населения планеты – путь устойчивого развития. Конференция в Йоханнесбурге в 2002 г. («Рио + 10») признала, что ни

одно из положений конференции в Рио-де-Жанейро не выполнено, а это значит, что экологический кризис на планете будет продолжаться.

Культурная сфера. Во всем мире имеет место засилье западной, прежде всего американской, культуры. Это можно назвать культурным тоталитаризмом. Западная интеллектуальная элита в целом поддерживает конкретные политические действия и общую идеологию глобального неокOLONIALИЗМА. Глобальный «человек» превращается в скопище стандартных серых людей, в котором полностью исчезло разнообразие культур и историческая память наций и этносов.

Информационная сфера. Все большее значение в современном мире приобретают СМИ, а точнее средства создания массовой информации и дезинформации. СМИ системы глобального неокOLONIALИЗМА следует рассматривать как единое целое. Это «третья сила» западнизма после экономики и государства. Управляет этим целым «невидимая рука» – сравнительно небольшое число лиц, подающих сигнал к согласованной деятельности СМИ по определенным проблемам. Дополняют СМИ другие средства формирования общественного мнения, различные НКО, например, приобретающие в эпоху глобализации огромное значение, в которые вкладываются многомиллиардные суммы.

* * *

Классический колониализм вел к «закату Европы». Современный глобальный неокOLONIALИЗМ, который не ограничивается порабощением народов, а требует их вымирания как лишних по отношению к «золотому миллиарду», что сейчас отрабатывается на России и большинстве других стран мира, ведет к «закату Мира». Используя весь мир как «заправочную станцию» (по выражению М. Хайдеггера), Запад по причинам, подробно изложенным О. Шпенглером в книге «Закат Европы» [Шпенглер 1923], погибнет, увлекая за собой весь остальной мир. Таков может быть результат глобального проекта неокOLONIALИЗМА.

Литература

- Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2012.
- Зиновьев А. А. Запад. М., 2007.
- Катасонов В. Ю. Мировая кабала. М., 2012.
- Сулакшин С. С. О причинах мировых финансовых кризисов: модель управляемого кризиса // Век глобализации. 2013. № 2. С. 48–62.
- Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
- Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
- Хомский Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию. М., 2007.
- Шпенглер О. Закат Европы. М.; Пг., 1923.
- Kjellén R. Der Staat als Lebensform. Leipzig, 1917.
- Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. Pp. 421–437.
- Ratzel F. Politische Geographie. Munich; Leipzig, 1897.

РИСКОГЕННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Яскевич Я. С.

д. ф. н., профессор, директор Института социально-гуманитарного
образования БГЭУ (Минск).

E-mail: Yaskevich@bseu.by

Выявляются статус и специфика политического риска в условиях глобализации, его взаимодействие с экономической политикой национальных государств, рассматриваются содержательные модели современных геополитических сценариев в контексте синергетической методологии.

Ключевые слова: *геополитика, геополитический риск, глобализация, новое мироустройство, политический риск, рискогенное общество, синергетическая методология.*

The status and specifics of political risk in the conditions of globalization, its interaction with economic policy of the national states are defined. The substantial models of modern geopolitical scenarios in a context of synergetic methodology are considered in the paper.

Keywords: *geopolitics, geopolitical risk, globalization, new world order, political risk, risk society, synergetic methodology.*

Противоречивая, конфликтная и рискогенная модель современного социального развития постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, признание современного общества «позднего модерна» обществом риска и трактовкой риска как положительного феномена, понимание рискогенности современности, для которой характерны неопределенность и увеличивающийся индетерминизм социальных структур и социальных агентов. Для минимизации рисков, их регулирования и обеспечения безопасности в обществе риска прежде всего важно признание утверждения о невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности [Гидденс 2004: 4–9].

Основополагающий момент в исследовании риска – неопределенность, которую нельзя элиминировать, устранить полностью, однако можно существенно снизить, привлекая различные средства – от всестороннего информационного обеспечения до соответствующей нравственной и психологической подготовки лидеров в экономической политике, субъектов принятия решений в различных социальных сферах. Риск как раз и является деятельностью, связанной с преодо-

лением неопределенности в ситуациях постоянного выбора, осуществляемого политиками, экономистами, менеджерами и другими субъектами социального действия. Именно в ситуациях неизбежного выбора имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудач и отклонений от поставленной цели. Рациональное аналитическое отношение к исследованию проблемы риска, а также оперативное использование некоторых знаний и рекомендаций в социальной практике способствует обоснованию адекватной технологии поведения в реальных ситуациях политического риска, позволяет защитить зарубежные инвестиции компаний путем прогнозирования возможных рисков в условиях глобализации. Создание фундаментальной концепции риска предполагает междисциплинарный синтез различных теоретических моделей, отражающих закономерности и механизмы формирования рискового мышления и поведения в различных сферах.

В соответствии с этим *методология риска должна строиться по типу открытой рациональности*, предполагающей поливариантность, многовекторность, отход от концепций жесткого детерминизма, отличающихся строго заданным характером всех без исключения связей и зависимостей и исключающих выбор альтернативы. Целью прикладных исследований риска является не полное устранение неопределенности, а по крайней мере снижение ее остроты, прогнозирование возможных негативных последствий развития этой неопределенности и стратегии деятельности. Отталкиваясь от этих подходов, рассмотрим взаимодействие политического риска и экономической политики в условиях глобализации и особенности геополитических сценариев развития современного рискогенного общества в контексте синергетической методологии.

Политический риск: специфика, виды, рейтинги

Методологический анализ политического риска следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое пространство, в механизмы мирового разделения труда. С этой точки зрения *политический риск представляет собой вероятность нежелательных политических событий, учет которых необходим в экономике и политике*, то есть политический риск отражает вероятность как нежелательных политических событий деструктивного характера для бизнеса, так и вероятность острых политических событий, которые являются следствием деятельности правительственных структур, что характерно для ряда стран в современных условиях. Неслучайно политический риск рассматривается исследователями этого феномена *в тесной неразрывной связи со стратегией экономической политики*, развитием рыночных отношений, действиями национальных правительств, а также различных политических сил, партий, движений как внутри страны, так и за ее пределами, оказывающих воздействие на деятельность экономических субъектов.

Поиск критериев и механизмов снижения политического риска внутри страны, формирование «защитного пояса» от политического риска невозможны вне анализа международной компоненты, преодоления деструктивных процессов централизованного управления, обоснования альтернативных подходов, экономических и политических стратегий, разворачивающихся на авансцене мирового глобального развития. Ситуация неизбежного выбора своего исторического пути стоит сегодня перед многими странами и направлена на преодоление порой про-

являющейся неопределенности, нерешительности, экономической и политической нестабильности и цивилизационное вхождение в мировое экономическое пространство.

Для современных политиков, экономистов, специалистов в области риска важно учитывать сложившийся в международной практике подход, заключающийся в выделении трех основных уровней при анализе природы политического риска: мега-, макро- и микрориски.

Внешний, международный, или глобальный риск – *мегариск*, особенно остро заявляющий о себе в эпоху глобальных финансовых и экономических кризисов, влияющий на финансово-экономическую и социально-политическую деятельность всех стран. Внутренний, страновой – *макрориск*, под которым следует понимать нестабильность внутривнутриполитической обстановки страны, оказывающей влияние на результаты экономической деятельности в бизнесе, предпринимательских фирмах и структурах, в связи с чем возникает риск ухудшения их финансового состояния вплоть до банкротства. Особенно это сказывается на предприятиях различных форм малого и среднего бизнеса, поскольку напряженность политической ситуации в стране приводит к нарушению хозяйственных связей, ставит их на грань банкротства вследствие необеспеченности сырьем, материалами, оборудованием. Уровень отдельных субъектов (политиков, экономистов, предпринимателей и т. д.), отдельных фирм, партий, движений – *микрориск*, когда приходится принимать решения с учетом мега- и макрориска в конкретных структурных подразделениях страны.

Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами мирового экономического и политического риска, то есть макрориск является составной частью мегариска. Принятие стратегических решений, обеспечение государственной безопасности на уровне макрориска нацелено на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. Размещение капитала за границей, торговые операции отдельных национальных фирм и предприятий на уровне микрориска требуют от лидеров, осуществляющих политическую власть в государстве, выработки системы гарантий от политического риска, *элиминации неблагоприятных политических факторов в стране, где размещаются инвестиции, то есть анализ микрориска всегда должен упреждаться анализом и оценкой макрориска.*

Поскольку *политический риск* – это возможность возникновения убытков или сокращения размеров прибыли, являющихся следствием глобальной и национальной политики, он связан с возможными изменениями в курсе правительства, переменами в приоритетных направлениях его деятельности. Учет политических рисков особенно важен в странах с неустоявшимся законодательством, отсутствием прочных традиций и культуры предпринимательства.

Наряду с выделением мега-, макро- и микрориска в классификации политических рисков обращают внимание на четыре их группы:

- риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации;
- риск трансферта, связанный с возможными ограничениями на конвертирование местной валюты;
- риск разрыва контракта из-за действий властей страны, в которой находится компания-контрагент;

- риск военных действий и гражданских беспорядков [Политические...].

Риск национализации на практике толкуется предпринимателями очень широко – от экспроприации до принудительного выкупа властями имущества компании или просто ограничения доступа инвесторов к управлению активами. При определении риска национализации сложность состоит в том, что в любой стране власти никогда не рекламируют возможность экспроприации или национализации. Как следствие, ни в одном документе юридически точно не определяется, чем, например, отличается национализация от конфискации.

Риск трансферта связан с переводами местной валюты в иностранную. Примером может служить ситуация, когда предприятие работает рентабельно, получая прибыль в национальной валюте, но не в состоянии перевести ее в валюту инвестора, чтобы рассчитаться за кредит. Причин может быть множество – например, принудительно длинная очередь на конвертацию.

Риск разрыва контракта предусматривает ситуации, когда не помогают ни предусмотренные в договоре штрафные санкции, ни арбитраж: контракт разрывается по не зависящим от партнера причинам, например в связи с изменением национального законодательства.

Риск военных действий и гражданских беспорядков – это риски, в результате которых предпринимательские фирмы могут понести большие потери и даже обанкротиться.

Сложная динамика некоторых глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мирового рынка капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы и глобального обмена товарами и услугами, тенденция к некоторой синхронизации международных экономических процессов обуславливают необходимость анализа *мегариска*, сценариев развития геополитических рисков.

Политический риск обуславливается множеством факторов неопределенности, вызванных недостаточной рациональностью политики, с одной стороны, сложностью и обширностью этой области – с другой. В качестве таких факторов некоторые авторы называют:

– *экономические*, связанные с тем, что причиной политического риска может стать отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, отсутствие развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т. д.;

– *информационные*, к которым относятся отсутствие четкой и полной информации обо всех текущих политических процессах, недостаточность анализа политической ситуации в целом, неадекватное реагирование властей на нее, отсутствие четкого подсчета приобретений и утрат, непонимание и игнорирование интересов других участников политических действий и т. д.;

– *социальные*, вызванные нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населения проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем;

– *персональные*, связанные с личностью политика, неустойчивостью его поведения, склонностью к автономии без учета коллективного характера политических действий, повышенной склонностью к риску. Правда, нужно отметить, что некоторые политики более эффективны именно в необычных и опасных ситуациях, ощущают удовольствие в них и иногда их сами же и создают;

– *правовые*, обусловленные тем, что зачастую политический риск возникает вследствие правового и морального нигилизма, невыполнения принятых условий политических взаимодействий и коммуникаций, нарушения требований закона и норм соглашений, имеющих морально-политический характер.

Предупреждение нежелательных событий на уровне микрориска требует от субъектов политической и экономической деятельности глубоких знаний относительно тенденций развития отдельной страны и мирового сообщества в целом. Междисциплинарные и трансдисциплинарные стратегии современной науки, ее ценностные и антропологические повороты, переосмысление сути, принципов и моральных устоев демократии, диалог либеральных и традиционных ценностей, национальных и глобальных приоритетов оказывают фундаментальное влияние на понимание природы риска в современном мире. В контексте междисциплинарной и синергетической методологии политический риск характеризуется следующими свойствами.

Альтернативность и нелинейность политического риска, проявляются в многовариантности и открытости возможных сценариев реализации политической, экономической и социальной ситуации на различных уровнях в условиях реального выбора.

Универсальность риска характерна для политических решений любого уровня – от избирательных кампаний при голосовании за отдельного кандидата до радикальных трансформаций национальных государств и принятия решений на глобальном уровне.

Иерархичность характеризует политический риск с точки зрения принятия решений на различных структурных уровнях: микро-, макро-, мегариски.

Системно-синергетический характер политического риска заключается в его способности выступать как в качестве самостоятельного фактора политики и экономики, так и одновременно являться элементом системных кризисов и рисков различных видов: социального, коммерческого, инвестиционного, экологического и т. д.

Противоречивость политического риска, которая проявляется в диалектическом взаимодействии *позитивного* и *негативного* векторов реализации в конкретных социальных ситуациях принятия решений, *коллективного* (направленность на реализацию групповых политических интересов) и *индивидуального* (стремление политических субъектов к лидерству, использование политиками различных технологий власти), *объективного* (реальная политическая и экономическая ситуация в стране, регионе) и *субъективного* (личностное восприятие и интерпретация полученной информации о происходящих событиях, политиках и т. п.), *национального* (оценка социально-политического и экономического статуса отдельных государств) и *глобального* (геополитические модели устройства мира в контексте глобализационных процессов) и т. д.

Неопределенность и непредсказуемость политического риска проявляются в отсутствии четко обозначенных процедур и общепринятых методов организа-

ции социально-политических действий и принятия решений в силу открытого характера объективно сложившейся ситуации в политике и экономике и дефицита информации, времени и т. д. «здесь и сейчас».

Вероятностность (вероятность достижения желаемого результата – выигрыша, удачи; вероятность получения нежелательного исхода – неудачи, потери, болезни; вероятность корреляции цели в случае ее трансформации в процессе рискованной деятельности).

Управляемость и оптимизация политического риска заключаются в возможности и необходимости эффективного регулирования им на основе синтеза и интеграции качественных и количественных экспертных подходов в оценке социально-политической ситуации, рациональной и психологической подготовки субъектов принятия управленческих решений на различных уровнях.

Таким образом, риск представляет собой такой вид деятельности, который осуществляется в ситуациях обязательного выбора, нацеленного на снятие неопределенности и на вероятностное достижение желаемого результата (выигрыша), альтернативой которому может выступать вероятность неуспеха (неудачи, проигрыша), обуславливавшие вероятность трансформации поставленной цели (как с положительным, так и с отрицательным векторами).

Исследование закономерностей рискованного мышления является междисциплинарной проблемой, имеющей не только теоретическую, но и практическую, прикладную значимость в самых различных сферах. В этом отношении можно говорить об экономическом и коммерческом, технологическом и экологическом риске, исследовать механизмы личностного и социального риска, политического и стратегического риска.

Для анализа оценки политического риска в международной деловой практике разработаны *различные прикладные модели*, отличающиеся друг от друга по уровню исследования (мега-, макро- и микрориск), по направленности (ориентированные в большей или меньшей степени на экономическую или политическую среду) и т. д. Задача прикладных исследований риска состоит в том, чтобы снизить остроту неопределенности, предусмотреть возможные негативные и позитивные ее последствия. Мониторинг политического риска нацелен на защиту зарубежных инвестиций компаний путем прогнозирования возможных рисков, возникающих в политической среде.

Составление временных рядов экономического, демографического, связанных с внешней торговлей, внешним долгом страны и других индикаторов или индексов характерны для *количественного подхода*. Сравнимость и объективность используемых индикаторов – несомненная заслуга данного подхода.

Среди факторов, влияющих на оценку рисков, выделяют: *материальные ресурсы* (капитал, трудовые ресурсы, профессиональные навыки, культура управления, технологии, природные ресурсы); *социально-политические факторы* (социальная неоднородность, расслоение общества, распределение дохода, политическая система, внутренние конфликты, легитимность правящей элиты, роль военных, земельные реформы, репрессии); *политика правительства, входящая в состав социально-политических факторов* (цели, финансовая политика, денежная политика, промышленная политика, политика занятости, торговая политика, инвестиционная политика, структурная политика, внешняя политика, политика доходов); *международные факторы* (геополитические, цены на нефть, цены

на товары, валютные курсы, процентные ставки, инфляция, торговые тенденции) [Страновой... 2008].

Составление рейтинга стран по уровню риска включает в себя несколько этапов:

- выбор переменных (политическая стабильность, степень экономического роста, степень инфляции, уровень национализации и др.);
- определение веса каждой переменной (максимальный вес имеет переменная политической стабильности);
- обработка показателей по методу Delphi с использованием экспертной шкалы;
- выведение суммарного индекса, теоретически располагающегося в пределах от 0 до 100 (минимальный индекс означает максимальный риск и наоборот) [Там же].

Смешанный (комбинированный) подход синтезирует информацию экспертов и объективные данные, обеспечивая тем самым формирование наиболее оптимальной модели к исследованию политического риска.

Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International и Data Resources Inc. (Policon). Большинство из них доступны в режиме онлайн и, как в случае с Policon, пользователи могут исключать вес различных переменных либо включать свою собственную оценочную информацию. Большим шагом вперед стало создание банков политических данных (World Handbook of Political and Social Indicators). На поле «экспертного» рейтинга известна Futures Group, отчеты которой, Political Stability Prospects, сочетают данные наблюдений в формальных моделях с экспертными оценками для создания индексов стабильности по вероятностному распределению. И. А. Подколзина указывает и на две финансово ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 и 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т. д. [Подколзина].

Геополитические сценарии: от классической к постклассической глобальной геополитике

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития, выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования [Чумаков 2010: 6–7].

Глобальные трансформации, характерные для современной экономики, политики, социокультурного пространства, увеличивают степень социально-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост *геополитического риска* с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государ-

ства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [Глущенко 2000].

Интегративные тенденции в культуре, политике, экономике конца XX – начала XXI в. сопровождаются глубокими качественными изменениями в содержании и структуре аналитико-методологической рефлексии по сравнению с ее предшествующими формами, требуя выявления механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, фундаментальных жизненных смыслов ее универсалий, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний, чтобы затем представить в сжатом виде философско-категориальную матрицу человеческого бытия на изломе, позволяющую прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Будучи междисциплинарной областью, *классическая геополитика зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым их вдумчивость и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении* [Яскевич 2011: 153–154]. История демонстрировала при этом свои жесткие выводы, показывая, что даже слишком большая геополитическая мощь не создает реальных предпосылок для контроля над бесконечно большими пространствами, а известные истории попытки установления мирового господства (Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер) приводили к неизбежному краху. Геополитика как наука в ее отношении к власти установила, что иногда преимущества получает тот субъект, который *контролирует геостратегически-ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависят от его склонности к риску, от степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки*. Было показано, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства в силу того, что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. *Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности* [Семенов 1994: 63–68].

Важной характеристикой геополитики является ее проектная направленность, то есть геополитика исследует географическое пространство исключительно с целью политического проектирования, связывая проектность или с формулировкой и обслуживанием пространственных запросов государств (О. Мауль), или с усмотрением возможных политических и географических целостностей более высокого уровня, чем государства (Дж. Паркер). Из совокупности разнородных данных в геополитике выстраиваются такие образы географических ансамблей, которые в данный исторический момент приобретают актуальный политический смысл. *Технологии геополитики опираются как на способы преобразования географических регионов в явления политические – государства, союзы, буферные зоны и т. п., так и на методы низведения политических образований до уровня «чистой географии», типа переработки государств в «населенные территории», «проблемные зоны».*

С точки зрения современных геополитических исследований классическая, например тойнбианская, модель цивилизационного развития в виде пяти локальных цивилизаций (индо-буддийская, китайско-конфуцианская, арабо-мусульманская, западно-христианская, славяно-православная) с присущим им миром духовной культуры, равным положением перед лицом истории, правом на рождение, жизнь и смерть не оставляет места европоцентризму и дополняется идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов. Вместе с тем формируются и концепции о доминировании, подчинении, установлении мирового порядка, контроле со стороны крупных геополитических центров по отношению к современному миру. Концепция, например, мир-системного анализа *И. Валлерстайна* отталкивается от того, что в XVI в. борьба мир-империй, основанных на политическом властвовании, и мир-экономик, основанных на торговле, завершилась в Европе победой последних, становлением современной мир-капиталистической системы и поэтапным перемещением центров силы из Испании в Голландию, далее в Великобританию и наконец в США. Анализ 500-летней динамики позволил Валлерстайну выявить ряд закономерностей: страна-гегемон обеспечивает свою геополитическую и идеологическую защиту под лозунгами свободной торговли и идей либерализма; развитие, как правило, начинается с агропромышленной сферы; наибольший подъем приходится на этап торговли; переход в этап банковско-финансовых операций означает утрату гегемонии. Приверженность однополюсному миру, европоцентристский дух данной модели во многом компенсируется за счет прогностического ее компонента, фиксирующего перемещение мирового центра силы в XXI веке в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Согласно концепции цивилизационно-культурологического синтеза американского исследователя С. Хантингтона, мир после конца холодной войны и развала Советского Союза будет определяться уже не идеологическим противостоянием, а взаимодействием (конкуренцией и борьбой) 7–8 различных цивилизаций (к пяти основным Хантингтон добавил еще три – японскую, латиноамериканскую и африканскую) [Хантингтон 1994: 33–57]. Как видим, автор концепции придерживается идеи множественности центров силы, конфликты между которыми, вплоть до войны (возможно, мировой), будут осуществляться на стыках цивилизаций, по линиям цивилизационных разломов. Между Западом и остальным миром будет проходить главная ось международных отношений, западные страны при этом будут играть все меньшую роль. Цивилизационный разлом проходит и через США, результатом его может стать «разрушение Америки». Отмечая разрешающие механизмы цивилизационного подхода, Хантингтон подчеркивает важную роль религиозных идей и национальных политических культур в современном мире. В отношении России он предостерегает от попыток восстановления бывшего Советского Союза, отталкиваясь от традиционных идей геополитики о роли континентальной Евразии. Идеи Хантингтона относительно того, что страны Тихоокеанской цивилизации в ближайшее время потеснят США, которые за последние 30 лет «постоянно снижали свою долю на рынке машиностроения» и ничего нового, кроме микропроцессора, не изобрели, придерживается и Ж. Аттали [1993: 64].

На современном этапе *классическая геополитика*, которую называют *силовой геополитикой*, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империа-

листорическими государствами, трансформируется в *глобальную (цивилизационную) геополитику*, в основе которой должны стать постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии геочивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества. В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь оборачивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли [Глобальная... 2010: 11–15].

Цивилизационная матрица выступает как координатор и интегратор основных восьми признанных современных цивилизаций (западноевропейская, арабомусульманская, индо-буддийская, конфуцианско-китайская, славяно-православная, латиноамериканская, тропическо-африканская и японская) и формируется в ответ на региональные ритмы, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы.

Пришедшая на смену *Вестфальской геополитической эпохе* мировой истории (1648–1814), основанной на принципах баланса сил и национального суверенитета, *Венской* (1814–1914), приведшей к утверждению многополярного мира на евразийском континенте, *Версальско-Вашингтонской* (1919–1939), в рамках которой реализовались итоги Первой мировой войны и возникло первое в мире социалистическое государство, *Ялтинско-Потсдамской* (1945–1991), связанной с победой СССР в Великой Отечественной войне, коалицией СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне, зарождением мировой системы социализма и установлением биполярного мира, так называемая *Беловежская геополитическая эпоха* (1991, Post-Cold-War era), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение холодной войны с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несилевой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, идеалами взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [Ильин 2007].

Постклассические геополитические сценарии основываются в своих подходах на том, что геополитический субъект должен сочетать при создании различных моделей мирового развития универсальный (мировой), региональный (цивилизационный) и страновой (государственный) векторы безопасности. Ясно, что национальные интересы государства представлены достаточно фундаментально на национально-государственном уровне. Как решить проблему соотношения безо-

пасности на трех названных уровнях при учете цивилизационно-культурологической динамики и общечеловеческих интересов? Такого рода вопросы требуют от современного геополитического субъекта рационально-взвешенной позиции в духе идей глобальной единой мировой истории, определенной интуиции и навыков рискованного поведения.

Сегодня аналитики, подчеркивая своего рода «разломы» по линии Восток – Запад, актуализируют феномен «дипломатической революции», поводом для которой становится экономический подъем Китая, а причиной – его военное возвышение, начавшееся в последние годы и не контролируемое даже самим политическим руководством Китая. Эдвард Люттваг, выдающийся американский историк и политолог, специалист по политической и военной стратегии, по теории международных отношений, старший советник Центра стратегических и международных исследований США, отмечает, что на протяжении последних лет китайцы инициировали не только серьезные споры и размолвки с Индией, Вьетнамом и Японией, но и стратегически противопоставили себя США, начав строительство военного флота. Вместе с тем Китаю следовало бы принять в расчет, что три азиатских государства – Япония, Индия и Вьетнам – вместе взятые имеют больше жителей, больше финансовых ресурсов и больше современных технологий, чем Китай, и ничто им не мешает через очень короткое время создать вооруженные силы вдвое более сильные, чем Китайская народная армия [Люттваг 2011: 5–18].

Модернизация Индии в первой половине XX в. осуществлялась в основном по модели перенятия западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, формирования местной буржуазии и становления демократических институтов. Однако вестернизация Индии не приводила к прерыванию традиции. Неведомые ранее индийской цивилизации формы и ценности демократии, за которые выступал конгресс, «вписывались» через архетипы национального сознания, индийское религиозно-философское наследие, и в частности благодаря концепции ненасилия Махатмы Ганди.

Конец Второй мировой войны явился определенным рубежом в трансформации Востока. Авторитарно-военная модель Японии потерпела под ударами союзников крах, модернизация страны стала развиваться под контролем американцев. В Китае же нашли отражение две модели: первая, ориентированная на агрессивное отторжение традиционных структур с последующей борьбой за торжество западных, победила с установлением Китайской Народной Республики, вторая, связанная с перенятием западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, утвердилась на Тайване. Обе модели, родившиеся в результате смуты, в 1949 г. появились на свет в качестве определенных осей координат государственности. Индия приобрела независимость именно в рамках национальной модели, заимствующей западные артефакты.

Для первого этапа трансформации Востока начала 50-х – рубежа 80–90-х гг. XX в. характерны три группы цивилизационных переломов и феноменов. Одна из групп – *строительство небывалой, невиданной цивилизации на основах коммунистического эсхатологизма*. Начавшись с грандиозной победы революции в Китае, радикально изменившей и мировой баланс сил, и мировой цивилизационный баланс, коммунистический эсхатологизм перекинулся в Северную Корею и Индокитай. *Вторая группа феноменов трансформации Востока этого этапа определила*

развитие по квазиазиатскому пути с привнесением рыночных отношений, либеральных институтов, интеграции в мировое сообщество. Экономический скачок Японии, Южной Кореи, Сингапура объясняется не только волшебной силой рынка, но и абсолютной подчиненностью личности интересам высших структур. Третья группа феноменов, вовсе не обозначающая отдельную группу стран, но практически присутствовавшая во всех странах Азии, может быть названа поисками своего традиционного лица в новом цивилизационном потоке. Ни одна страна не осталась в стороне от процессов поиска своего нового Я в контексте периода трансформации под влиянием Запада, определенной фрустрации, ущербности национальных азиатских Я, мучительной деперсонализации, вызванной новой цивилизационной волной.

Второй этап трансформации Азии завершился вместе с послевоенным миропорядком в целом, главнейшим фактором которого стал планетарный распад социализма. Демократическое движение в Китае, реформы во Вьетнаме, Лаосе, дальнейшее обострение кризиса в Северной Корее знаменовали конец революционного социалистического эсхатологизма и социалистической флуктуации, как это произошло в Восточной Европе и Советском Союзе. Началась новая волна национального и государственного самоопределения. Вместе с тем сегодня произошла окончательная интеграция Азии в мировое сообщество, ибо невозможно быть изолированным от всепроникающего и всеобщего цивилизационного потока [Люттваг 2011: 12].

В настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискогенного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении термоядерной войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей среды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении. Решение этих проблем, характерных как для современного Запада, так и для Востока, возможно только на пути признания *целостности и взаимозависимости современного мира*, необходимости диалога культур, их взаимообогащения, признания приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание, ибо XXI столетие знаменует собой духовное единство человечества, мировой истории не как абстрактной идеи, а как актуальной реальности.

Литература

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия: М. : Международные отношения, 1993.

Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь М. : Весь мир, 2004.

Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М. : МГУ, 2010.

Глушенко В. В. Теория государства и права: системно-управленческий подход. Железнодорожный : Крылья, 2000.

Ильин В. В. Мир GLOBO: Вариант России. Калуга : Полиграф-Информ, 2007.

Люттваг Э. В политике самое важное – знать, когда нужно остановиться // Свободная мысль. 2011. № 3(1622). С. 5–18.

Пискунова Н. Г. Страновой риск и методы его оценки // Международные банковские операции. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm.

Подколзина И. А. Проблемы оценки политического риска [Электронный ресурс]. URL: http://consulting.ru/econs_art_845354567/cons_printview.

Политические риски [Электронный ресурс]. URL: <http://www.risk24.ru/politriski.htm>.

Семенов В. Геополитика как наука // Власть. 1994. № 8. С. 63–68.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблемы управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Яскевич Я. С. Политический риск и психология власти. Минск : Право и экономика, 2011.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦИКЛИЧНЫХ И ЛИНЕЙНЫХ ПОДХОДОВ
К ДИНАМИКЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ**

Лось В. А.

д. ф. н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.

E-mail: los@sumail.ru

Рассматриваются два подхода к оценке социокультурной динамики цивилизации, а именно – циклизм и линейность. Анализируется исторический генезис этих подходов, предлагается их современная интерпретация.

Циклизм трактуется как парадигма, в рамках которой развитие социоприродных систем различного уровня и масштаба рассматривается как повторение (в новых исторических условиях) прошлых их форм и ипостасей. Выделяются различные формы циклизма (природный, экономический, цивилизационный и др.), которые прослеживаются от античных воззрений до современных концептуальных построений.

Линейность предстает как принцип оценки исторического динамизма цивилизации в направлении регресса или прогресса. И если в условиях Нового времени доминировало позитивное представление о перспективах цивилизации, то к середине XX в. усилились алармистские воззрения, в том числе и на социально-экологических основаниях.

Идеи синергетизма, оказывая существенное влияние на реальность социокультурных прогнозов, тем не менее не отвергают статуса принципов циклизма и линейности при интерпретации исторических процессов. При этом подчеркивается, что циклизм и линейность – две взаимосвязанные ипостаси глобального процесса, устремленного в будущее.

Ключевые слова: *циклизм, линейность, исторический метод, прогресс, регресс, алармизм, глобализм, глобальная история.*

Two approaches to the estimation of the sociocultural dynamics of civilization: cyclism and linearity are considered in the paper. The historical genesis of these approaches is analyzed, their contemporary interpretation is proposed.

Cyclism is viewed as the paradigm in which the development of the socionatural systems of different levels and scale is considered as the repetition (under the new historical conditions) of their past forms and hypostases. Various forms of cyclism (natural, economic, civilizational, etc.) which are outlined from the antique views to the contemporary conceptual constructions are defined.

Linearity appears as the principle of the estimation of the historical dynamism of civilization in the direction of regress or progress. And if under the conditions of modern age positive idea about the prospects for civilization prevailed, then by the middle of the twentieth century alarmists views strengthened, including the ones based on the social-ecological bases.

The ideas of synergetism, having an essential effect on the reality of sociocultural forecasts, nevertheless, do not reject status of the principles of cyclism and linearity with the interpretation of historical processes. Though it is emphasized that cyclism and linearity are two interconnected hypostases of the global process, directed in the future.

Keywords: *cyclism, linearity, historical method, progress, regress, alarmism, globalism, global history.*

Цикличность как механизм исторического динамизма

Цикличность – процесс определенного повторения этапов развития социо-природных систем, в рамках которых (этапов) учитываются их временные изменения (природные, экономические, социокультурные и др.). В соответствии с этим выделяются различные циклы: природные, экономические, культуролого-цивилизационные и т. п. Циклизм трактуется как мировоззрение, акцентирующее внимание на циклической целостности мирового исторического развития.

Истоки представлений о цикличности. Воззрения о цикличности как форме развития первоначально возникли в рамках восточного сознания.

Еще древние халдеи открыли цикличность астрономических явлений (например, лунный цикл). Космическая цикличность мира – одна из ключевых идей буддизма. Конфуцианская традиция исходит из выявления периодичности малых социальных циклов [Кузищин 2003].

Философия цикличности социокультурного развития истории была творчески воспринята античной традицией. Гераклит обосновывал положение о вечном круговороте вещей и явлений в мире. В историософии Платона динамика полиса носит циклический характер: от тирании через различные социальные формы (аристократия, олигархия, демократия, охлократия) к новой форме тирании. Тезис об исторической повторяемости социокультурных процессов развивал и Аристотель, акцентируя внимание на социальных целостностях (семья, селение, государство), которые взаимообусловлены.

Античное понимание социокультурной целостности базировалось на интегративных функциях древнегреческой культуры, позднее – на динамике Римской империи. Именно в этот период Полибием формируется представление о действительной целостности исторического процесса [Самохина 1995]. При этом целостность исторического процесса обуславливалась волей рока или судьбы, а также активными действиями великих людей. Целостность исторического процесса замыкалась, однако, границами эллинизма, имея, в сущности, доминирующее региональное измерение.

Средневековая астрология устанавливала взаимосвязь между космическими (планетарными) и земными процессами [Антология... 2001]. На основании циклических закономерностей астрология стремилась предсказать судьбы человека, государства и человечества.

В период Возрождения идея циклизма не только получает отчетливое секуляризованное выражение (в противовес иудеохристианской модели), но и все более явный всемирно-исторический цивилизационный контекст. Исторический динамизм обуславливался имманентно циклическим характером развития цивилизации, представлением о неуклонном поступательном движении социума по пути прогресса.

Ж. Боден в своей работе «Метод легкого познания истории» (1566) сформулировал тезис, в соответствии с которым мировая история представляет собой процесс продвижения социума по единой цивилизационной схеме [Баязитова 2006], а именно: от дикости и варварства к периоду цивилизации, обусловленному достижениями науки.

Эти воззрения были развиты Дж. Вико в работе 1725 г. «Основания новой науки об общей природе наций» [Вико 1994]. Им выделены три эпохи (божественная, героическая и человеческая) в процессе продвижения наций по пути прогресса. При этом каждая из них, в итоге приходя к упадку, тем не менее в целом обеспечивала поступательное движение цивилизации. Анализ «общей природы наций» сочетается в его представлениях с выявлением циклической периодичности развития наций.

Концепции природного циклизма. В современных условиях обосновываются традиционные представления о природных ритмах, зависимости человека (и социума) от сезонных природно-космических колебаний циклического характера.

Для славянской мифологии характерно выделение природных суточных циклов. Древние славяне считали, что полночь и полдень – самые опасные периоды суток. Именно в это время активизируются злокозненные духи, насылающие болезни, бессонницу и т. п.

Социокультурные концепции «географического детерминизма» XVII–XVIII вв. (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.) исходят из существенной зависимости развития цивилизации от природных условий [Гринин 2011]. Н. А. Бердяев, развивая эти идеи спустя два столетия, полагал, что особенности национальной ментальности в значительной мере являются функцией «необъятности» русской земли [Бердяев 1992].

Природные ритмы воздействуют соответственно на культуролого-цивилизационные процессы. В 20-х гг. XX в. А. Л. Чижевский, собрав и проанализировав исторические факты, сформулировал закономерности зависимости мирового цивилизационного процесса от физических факторов космического характера [Карнаух 2001]. На основе изучения разнообразного исторического материала им выявлено положение о взаимосвязи между циклами солнечной активности, урожайностью сельскохозяйственных культур и заболеваемостью (и смертностью) человека, а также его социальной активностью. В рамках сформулированного им представления о гелиобиологии рассматривалась взаимосвязь между циклической деятельностью Солнца и исторической динамикой.

В современных условиях продолжаются исследования солнечной активности и циклическости, изучается влияние Солнца на биологические и социокультурные процессы. Анализируются суточные ритмы и колебания гормонов в крови (гормональные циклы), исследуются «часовые гены» биоритмов здоровья.

В геологической истории Земли выявлены четыре порядка циклическости, функционально связанные с галактическим годом. На основе данных мониторинга второй половины XX в. вскрывается динамика закономерностей поля концентраций парниковых газов, исследуется трансформация естественных биогеохимических циклов биосферы под воздействием технико-антропогенных факторов.

Экономический циклизм. Рыночная экономическая теория исходит из взаимосвязи экономического роста, прибыли и движения капитала.

Рыночный процесс трактуется как цикл сменяющих друг друга состояний экономической системы, а именно: от развития производства и его роста к кризису перепроизводства, депрессии и выходу из нее – оживлению и подъему.

Марксистская экономическая теория исходит из того, что капиталистические страны через сравнительно небольшие исторические интервалы (около 20 лет) оказываются в состоянии кризиса перепроизводства. При этом интервалы между ними имеют тенденцию к сокращению (теория коротких экономических циклов). Позднее в теории государственного регулирования экономического развития (Дж. Кейнс и др.) доказывалось, что экономические кризисные фазы могут быть смягчены (или исключены вообще) динамикой рыночных отношений.

В 20-е гг. XX в. Н. Д. Кондратьев сформулировал теорию длинных волн, открыв долгосрочную динамику (40–60 лет) различных экономических показателей (масштабов производства, процентных ставок, банковских вкладов и др.). Он показал, что волнообразная динамика экономического развития обуславливается не столько внешними факторами (войны, социальные потрясения и т. п.), сколько внутренними процессами национального и мирового рынка [Кондратьев 2002].

В соответствии с его теорией любой способ производственно-хозяйственной деятельности социума рано или поздно сталкивается с ограничениями экономической динамики, преодоление которых предполагает выход на уровень инноваций (технологических, научных, управленческих и др.). Именно в эту сферу экономики перетекают ресурсы (финансовые, экономические, информационные и др.), что и обеспечивает вхождение экономики в новую волну цикла. Из теории Н. Д. Кондратьева следует, что длинный структурный цикл является как экономическим, так и социокультурным процессом, поскольку именно общество (и его составные элементы) выступает в качестве активного субъекта циклической динамики.

После Второй мировой войны теория длинных волн была забыта. Казалось, что эффективность государственно-монополистического управления создает реальные предпосылки для смягчения (или устранения вообще) социально-экономических кризисов рыночных отношений. Однако нефтяной кризис 1970-х гг. возродил интерес к этим теоретическим построениям. Современные исследователи [Капица 2010; Коротаев и др. 2010] отмечают, с одной стороны, ограничения, характерные для прогностических возможностей любой модели стохастического типа (именно к такой относятся кондратьевские циклы), а с другой стороны, выявляют эвристические перспективы циклических представлений.

Интерес к циклам Кондратьева, возрастая в периоды социально-экономических кризисов, снижался во времена экономических подъемов. Современная мировая экономическая теория начиная с XIX в. насчитывает до 5 циклов кондратьевского типа. 6-й длинный цикл должен завершиться, как предполагается, в первой половине XXI в. В его основе – эффективное использование информационных ресурсов, позволяющих в полном объеме реализовать интеллектуальный человеческий потенциал.

Научно-технические циклы. В циклизме этого типа выявляется волновой характер динамики развития науки и техники.

Мировой исторический процесс трактуется Э. Тоффлером [2010] в контексте смены волн (циклов), а именно: первая волна (аграрная цивилизация) сменяется

второй волной (индустриальная цивилизация), которая и трансформируется в современный цикл – третью волну (супериндустриальная цивилизация). Ей придаются черты и характеристики информационной цивилизации. Тем самым «волны» цивилизационного развития обуславливаются сменой научного и научно-технологического основания социума.

В истории естествознания принято выделять три научные глобальные революции – классическую, неклассическую и постнеклассическую, оказывающих радикальное воздействие на специфику технико-технологических циклов [Степин 2000]. При этом классическая революция в естествознании ассоциируется с техническим прогрессом, неклассическая – с научно-технической революцией, а постнеклассическая – с компьютерно-информационной революцией.

При философском рассмотрении циклизм нередко трактуется как смена стилей научного мышления, которые проходят определенные исторические этапы. Первоначальные формы научного мышления (античный «гомогенный интегрализм») тяготели к интегральному подходу, который сменился доминированием дифференциального подхода («гетерогенный дифференциализм» Нового времени). Для современных представлений в науке характерен интегральный подход (при сохранении и дифференциальных воззрений). В несколько другой интерпретации этот процесс рассматривается как переход научно-философского сознания от метафизичности через диалектичность и механистичность к представлениям синергетизма.

В науковедческом контексте научно-технический цикл – укрепляющаяся взаимосвязь научно-исследовательских, конструкторско-технологических и внедренческих разработок. Это цикл работ от теоретических исследований до их практического воплощения как в опытном образце, так и в рамках серийного производства.

Культуролого-цивилизационные концепции циклизма. Возникновение их современных вариантов относится к периоду между второй половиной XIX и XX в.

В конце XIX в. Н. Я. Данилевский [1995] возродил представление о цикличности развития цивилизации, которая проходит единый исторический путь от рождения к росту, дряхлению и умиранию. При этом цикличность цивилизационного развития сочетается в его интерпретации с культурно-исторической замкнутостью социума.

Если Данилевский акцентирует внимание на цивилизационном характере взаимоотношений России и Европы, то в начале XX в. О. Шпенглер [1998] предложил анализ динамики западноевропейской цивилизации. Циклизм оборачивается в его интерпретации гибелью («закатом») любой исторической культуры, в том числе и западноевропейской.

Позднее, основываясь на идеях циклизма, А. Тойнби [2001] рассматривает мировую историю как совокупность развивающихся цивилизаций, которые, проходя одинаковые фазы трансформаций (от подъема к надлому, распаду и гибели), генетически мало связаны между собой. Заметим, что с учетом взаимосвязи мировых религий цикличность в его интерпретации сочеталась с динамизмом; культура рассматривается им как суть единого «древа истории».

В то же время П. А. Сорокин [2000] подходит к истории человечества как к процессу смены целостных социокультурных суперсистем. При этом их опреде-

ленная целостность обуславливается единством определенных ценностей и значений. Исторический процесс, по его мнению, – «циклическая флуктуация», то есть смена перетекающих друг в друга типов культур, каждая из которых характеризуется специфическими особенностями.

Культура любого типа, трансформируясь в цивилизацию как ее (культуры) материализованную форму, переходя через систему ступеней (этапов, «вызовов», «разломов» и т. п.), завершает культуролого-цивилизационный процесс. Выход на новый виток исторического цикла предполагает радикальные духовно-религиозные сдвиги индивидуального (и общественного) сознания.

Классические концепции циклизма XX в. при всей общности имеют тем не менее различия, подчас вполне существенные. Отметим некоторые из них.

Во-первых, по степени дифференцированности исторического процесса. В мировой истории выделяется от 7 до 30 сменяющих друг друга цивилизаций.

Во-вторых, по временному интервалу существования цивилизаций. Если, например, О. Шпенглер выделяет 1000-летний цивилизационный цикл, то П. Сорokin предлагает дробную цикличность (суточную, годовую, столетнюю и др.).

В-третьих, по характеру цивилизационной замкнутости. Если, например, Н. Данилевский фиксирует статус абсолютной замкнутости культурно-исторических типов, то А. Тойнби стремится найти взаимосвязь между различными цивилизациями, отвечающими на вызовы истории.

Во второй половине XX в. идеи культуролого-цивилизационной цикличности продолжали развиваться в новых исторических условиях. Например, Л. Н. Гумилев [2005] рассматривает культуру как процесс органического взаимодействия системы компонентов, а именно: биосферы, этноса и Космоса. Пассионарность – феномен, определяемый им как космический фактор, обуславливает циклическую способность людей к творчеству, обеспечивая исторический динамизм.

На рубеже XX–XXI вв. отчетливо проявляется глобальная циклическая смена цивилизационных доминант мирового исторического процесса. Так, если к началу I тыс. до н. э. генетические истоки мировой цивилизации были связаны с восточными культурами (Древний Египет, Индия, Китай и др.), а позднее безусловное лидерство перешло к западноевропейской цивилизации, то вторая половина XXI в. в прогностических построениях все чаще рассматривается как эпоха возвращения лидерства к цивилизациям восточного типа, тем самым на новом витке истории замыкается глобальный цивилизационный цикл. Человечество в иных формах возвращается к своим историческим истокам.

Линейная целостность всемирно-исторического процесса

Альтернатива цикличности – линейный подход к мировой динамике. Выделяют два типа линейности.

Нисходящая (регрессивная) линейность

Античный поэт Гесиод [2001], размышляя о процессе продвижения «поколения людей» от «золотого века» (прошлого) к «веку железному» (современности), приходит к следующему выводу. Если в прошлом люди жили как боги, «горя не зная, не зная трудов», то в условиях «железного века» людям не будет «передышки ни ночью, ни днем от труда и горя».

Теорию регрессивной динамики цивилизации спустя два тысячелетия возродил Ж.-Ж. Руссо [см.: Морлей 2012]. С его точки зрения, чем дальше человек от-

дается от своих истоков («естественного состояния»), то есть чем выше уровень человеческой культуры с ее «расслабляющими благами и удовольствиями», тем шире водораздел между человеком и Матерью-природой. В конечном счете, по его представлениям, это ведет к вырождению и гибели цивилизаций.

Во второй половине XX в. этот тезис, казалось, нашел подтверждение. Метод глобального моделирования, активно разрабатываемый под эгидой Римского клуба, позволил сформулировать вывод («Пределы роста», 1972 г.), в соответствии с которым противоречие между ростом населения и ухудшением качества окружающей природной среды с неизбежностью ведет, если следовать модельным построениям, к «экологическому коллапсу» планетарного (глобального) масштаба [Медоуз и др. 1991]. Спустя три десятилетия эти выводы Римского клуба были подтверждены [Медоуз и др. 2007].

С начала 1990-х гг. экологическая версия коллапса вышла на цивилизационный уровень – обосновывается представление о «конflikте цивилизаций». С. Хантингтон [2003] доказывает, что созданы все предпосылки для «столкновения цивилизаций», то есть жесткого противостояния различных цивилизационных типов (западного христианства и ислама). По его мнению, социокультурный конфликт цивилизаций – опасный фактор, угрожающий позитивным перспективам мировой динамики.

Восходящая (прогрессивная) линейность

Древнеримский мыслитель Тит Лукреций Кар [1983] одним из первых представил эволюционную картину развития «перволюдей» от их первобытного состояния, когда они были «подобны животным», не умея «возделывать поле железом», до развития материального производства и духовной культуры – «живопись, песни, стихи, валяные искусные статуи».

Иудеохристианская традиция исходит из идеи линейно-поступательного развития человечества. Христианский исторический динамизм – вехи истории, а именно: через сотворение мира к первородному греху, через искупление – ко второму пришествию и спасению.

Христианская периодизация истории носит выраженный линейный характер. Действительно, в первый день Бог сотворил небо и землю: «И стал свет». На второй день была отделена «твердь от воды». На третий день создатель сформировал сушу и растения; на четвертый – занялся устройством Космоса. В рамках пятого дня благословил Бог «рождение тварей живых». И, наконец, в шестой день был «сотворен человек». И если «день творения» рассматривать как длительный временной интервал (историческая эпоха), то эволюционный подход христианства соответствует традиционным научным воззрениям.

Один из основателей христианской церкви Августин Блаженный [Августин 1991], опираясь на библейские представления о происхождении человека, развил концепцию единства человеческого рода, в основе которой – целенаправляющие функции Бога. Именно с Ним связывается распространение абсолютной власти на природу, человека и исторический процесс. Августин рассматривает историческую периодизацию («шесть эпох истории») как всемирно-историческую динамику.

При этом человечество образует, по его представлениям, «два града»: царство зла и дьявола (светское государство) и Божье царство на земле (церковь). И эти

два «града», развиваясь параллельно, проходят одинаковый исторический путь: от сотворения Адама к Христу и к Страшному суду, когда жители «града Божия» вкусят блаженство, а «града земного» будут преданы вечным мукам.

Значительно позднее представители французского Просвещения, стремясь преодолеть христианоцентризм западноевропейского мировоззрения, приступили к формированию представлений о действительной всемирной истории [Хоркхаймер, Адорно 1997]. Например, в работах Вольтера исторический процесс предстает не как смена отдельных правителей (монархов), а как описание жизни различных этносов не только «цивилизованных», но и «диких» народов. При этом различные народы должна объединять, по его мнению, религия, «приемлемая для всех людей».

Немецкая культурологическая традиция XVIII–XIX вв. активно придает историческому процессу мировой уровень измерения. И. Гердер [1977] описывает историю цивилизации как целостный процесс, для которого характерна взаимосвязь событий и явлений в судьбах народов. Исторический процесс трактуется им как результат взаимодействия внешних (природно-климатических) и внутренних (социокультурных) сил. При этом культура рассматривается как доминирующий фактор, обуславливающий целостность социума и цивилизации.

Универсальный панлогизм. Обосновывается логически-рациональный подход к динамике мирового развития.

Уже И. Кант стремился создать «всемирную историю» в соответствии с «планом природы» [Кант 1966]. В размышлениях о философии всемирной истории ему виделось такое решение межгосударственных проблем, когда, «не ущемив интересы личности», сохраняется государственная целостность.

Определяющие подходы к типизации мировой истории предложил Г. В. Ф. Гегель [1993], выделив три социокультурные ступени развития общества, а именно: восточный мир, античный мир (греческий и римский) и германский мир. Ступени (миры) истории, по его представлениям, – этапы самопознания мирового (абсолютного) духа. Всемирная история трактуется как процесс самореализации абсолютного духа в ходе его воплощения в исторические эпохи. Каждая историческая ступень находит наиболее адекватное выражение в духе определенного народа, который и реализует эту ступень. Историю «делают люди», но вместе с тем в ней реализуется некая объективная логика. Для Гегеля единство истории человечества – единство его закономерного становления. При этом всемирность рассматривается им как имманентное свойство исторического процесса.

Представители марксизма разработали теорию материалистического понимания истории, в рамках которой общественно-экономические формации – это исторически (и логически) обоснованные ступени мирового развития: от реальных моделей (первобытно-общинный строй, феодализм и др.) к прогностическим структурам (социализм и коммунизм). В соответствии с марксизмом лишь в недрах феодального общества зарождаются предпосылки всемирной истории, обусловленные генезисом мирового рынка. Заканчивается «предыстория», начинается подлинная «всемирная история человечества». К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают всемирность исторического процесса как преодоление (снятие) «первоначальной замкнутости» отдельных народов. Всемирность – генезис «всесторонней зависимости» (торговой, экономической, производственной и др.) отдельных стран друг от друга, преодоление их обособленности.

Историческая динамика обуславливается, по Марксу, соотношением производительных сил и производственных отношений. Производственная деятельность социума рассматривается как основание всемирной связи и мировой динамики. При этом общественному разделению труда, связанному с укреплением капиталистических отношений, придается основное интегрирующее значение. Из теории марксизма следует: чем глубже общественное разделение труда, тем выше уровень социально-экономических взаимоотношений между народами, тем, следовательно, выше степень исторической целостности.

При этом, однако, как считают представители марксизма, в рамках капитализма отнюдь не преодолевается локальность мировой истории человечества. Капитализм создает лишь предпосылки действительно «целостной истории». В его рамках первоначальная замкнутость отдельных наций сменяется всесторонней зависимостью. Однако подлинно всемирной история должна стать лишь в процессе построения коммунистических отношений, которые и призваны обеспечить, в соответствии с доктриной марксизма, историческую целостность мирового развития на основе реализации принципов всеобщих интернациональных интересов.

Если марксизм связывал всемирно-исторический характер цивилизационного процесса с развитием производительных (и производственных) форм деятельности, то альтернатива была предложена, например, М. Вебером [1990]. Им доказывается, что религиозные стереотипы, а не экономическая основа, являются определяющим фактором исторического динамизма. По его представлениям, именно протестантская этика с ее нормами и правилами обусловила экономическую эффективность западноевропейского социума. Религиозный рационализм составил основу научного и индустриального прогресса западного общества. Экономический успех, возведенный протестантской этикой на уровень религиозного призвания, выступает, по его мнению, в качестве локомотива истории развитого социума.

Исторический эволюционизм. Человеческая история трактуется как процесс, идущий от простого к сложному, подчиняющийся единому ритму.

В середине XIX в. О. Конт [2011], открыв, как он полагал, закон двойной (биологической и социальной) эволюции, сформулировал концепцию трех стадий исторического развития социальных явлений. Первая стадия – доминирование теологической установки как фактора социокультурной динамики; вторая – критика теологизма и укрепление демократических стереотипов; третья – развитие науки, которая объявляется основным фактором организации социальной жизни. В перспективе предполагался новый «теологический синтез», основанный на религиозном культе человечества.

Позднее Г. Спенсер [1997] выдвигает тезис, что общественная динамика соответствует развитию живого организма. Общество развивается, по его представлениям, от однородного (гомогенного) к сложному (гетерогенному) состоянию; происходит дифференциация социальных структур, образование между ними новых связей и взаимоотношений. Развитие социума рассматривается как волнообразный процесс, обусловленный нарушением и восстановлением социального равновесия. По его мнению, общество движется (через военные и промышленные структуры) к такой организации, в рамках которой удовлетворяются как общественные, так и социальные потребности. При этом основой единства исторического процесса выступает сходство социальной и биологической эволюции.

«Осевое время» К. Ясперса. Обоснование представлений о единстве истоков и путях развития человечества.

Еще в 30-х гг. XX в. К. Ясперс [1994], выявляя смысл и назначение истории, обнаружил вневременное единство мира, не зависящее от форм организации производственно-хозяйственной деятельности, характера технологических условий или геополитических конфигураций. История человечества начинается, с его точки зрения, с доисторической стадии, на которой отсутствует историческое самосознание.

Это – первая (единая) стадия для всех культур. На второй стадии – стадии древних культур (древнеегипетская, вавилонская и др.) происходит разобщение человеческих сообществ; исторический процесс приобретает локальный характер. На третьей стадии – в I тыс. до н. э., примерно между 800–200 гг. до н. э., – возникает «осевая эпоха». Практически одновременно в разных частях мира (в Китае, Индии, Персии, Палестине, Древней Греции) формируется современный тип человека; появляются мировые религии и философские системы, создающие предпосылки для предельно широких логически-рациональных обобщений.

И, наконец, на четвертой (современной) стадии фиксируется тенденция к интеграции человеческой деятельности (на основе научных достижений) по направлению к Абсолюту – сфере вечного и неизменно существующего мира. Если до эпохи «осевого времени» существовали, по представлениям Ясперса, лишь локальные истории, то именно на современной стадии происходит становление действительной (подлинной) истории человечества. Тем самым динамика мирового развития приобретает отчетливое планетарное измерение, устремленное в историческую бесконечность.

Русский космизм. Концепции, в рамках которых система «человек – социум – биосфера» рассматривается как глобальный (космический) феномен.

Русские мыслители как религиозно-философского (В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров и др.), так и естественно-научного (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский и др.) направлений разрабатывали программы позитивного развития цивилизации, выявляя историческую возможность гармонизации взаимоотношений человека и биосферы, а также перспективной «космической экспансии» человечества [Казютинский 2009]. Автотрофно-ноосферная концепция человечества, предложенная в 20-х гг. XX в. В. И. Вернадским [1993], не только обосновывает историческую стратегию преодоления усиливающихся глобальных социально-экологических противоречий, но и намечает направления неограниченного пространственно-временного развития цивилизации.

Школа «Анналов». В ее рамках осуществляется структурно-функциональный анализ всемирной истории в представлениях экономического детерминизма.

Ее основоположники (М. Блок, Л. Февр и др.), реконструируя материальные факторы исторической жизни человека («структуру повседневности»), выходят на уровень концепции всемирной истории («глобальной истории»). Сторонники этой концепции, изучая определенный локальный пространственно-временной исторический отрезок развития социума, стремятся построить целостную историческую картину [Гуревич 1993]. Глобальная история сближается с изучением образа жизни человека (и социума). При этом историческая реальность рассматривается во всей ее целостности (социокультурной, экономической, политической и т. п.). В работах Ф. Броделя середины XX в. [Бродель 1993] вскрыта эволюция европейского капитализма как системы. Динамика капиталистической системы рассмат-

ривается в широком историко-культурологическом контексте, что открывает существенные возможности для фундаментальных прогностических построений.

Социальный технократизм. Выявляется определяющая роль научно-технического прогресса в цивилизационном развитии.

Современные приверженцы этой теории (Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский и др.) выделяют три этапа социально-технократического развития цивилизации. Первый этап – доиндустриальное общество, определяемое развитием аграрной сферы; его основные социальные институты – церковь и армия. Второй этап – индустриальное общество, основанное на машинном производстве, промышленной организации труда, свободной торговле, либерально-демократических ценностях и др. Третий этап – постиндустриальное общество, опирающееся на знание, информированность и профессиональную компетентность [Иноземцев 2000]. Его современная форма – информационное общество [Соколов 2012], в рамках которого материальная сфера производства все более отчетливо перемещается в область виртуальной реальности.

Три стадии модерна (modernity) А. Турена. Выделяются временные отрезки между XVII и XX вв. европейской истории, обусловленные спецификой развития социально-экономических отношений.

Первая стадия – формирование буржуазных государств в Старом Свете (Англия и Франция) и Новом Свете (Соединенные Штаты Америки), когда в XVIII в. закладывались основания (предпосылки) индустриального общества. Вторая стадия соответствует индустриальному периоду, который характеризуется доминантой идеи рациональности при сохранении культурной самобытности социума, ограниченной пределами национального государства. Третья стадия – генезис отрыва (примерно с конца XIX в.) национального государства от международного хозяйства, формирование и развитие мирового рынка [Турен 2011]. Современный период квалифицируется им как «программируемая стадия», поскольку формируется на основе политических решений, экономической целесообразности и социокультурных стереотипов.

Концепция «конца истории». В ее рамках предпринимается попытка выявления смысла исторического процесса.

Поиск смысла истории характерен для концептуальных построений приверженцев концепции универсального панлогизма. Например, для Гегеля «конечный пункт» исторического прогресса – достижение абсолютного знания, торжество разума и свободы. К. Маркс считает, что все предшествующие эпохи – предыстория человечества. Действительная история берет отсчет, по его представлениям, лишь с наступлением эпохи коммунизма, когда начнется неограниченный во времени и пространстве процесс совершенствования человека (и человечества).

Современные теоретики [Фукуяма 2007], развивая в новых исторических условиях воззрения панлогизма, исходят из представлений, в соответствии с которыми побеждает разумная основа жизни. Завершается, по их воззрениям, идеологическая эволюция человечества, обеспечивая универсальность западной либеральной демократии. Наступает, как прогнозируется, эпоха нового мышления – постисторического сознания. Мировая история должна превратиться в «музей человеческой истории».

Однако если в конце 1980-х годов, когда, как казалось, завершилась конфронтация двух мировых систем, идеология «конца истории» имела под собой фундаментальные основания, то уже к началу XXI в. мировая история выходит на но-

вый виток цивилизационной конфронтации («столкновение цивилизаций»), покидая сферы музейной скуки.

Различия между отмеченными линейными концепциями носят исторический характер. Например, исследования Ф. Броделя и его школы хотя и тяготеют к изучению взаимосвязи экономических и социокультурных процессов (что характерно для марксизма), тем не менее далеки от жесткой каузальной связи между базисными и надстроичными явлениями.

Очевидно также, что противоречия между цикличностью и линейностью мирового исторического процесса носят условный характер. Это – две стороны единого процесса цивилизационного развития. Цикличность представляется как этап (ступень) сравнительно неограниченного пространственно-временного продвижения цивилизации по оси времени.

Вместе с тем современный синергетизм, преодолевая линейные стереотипы исторического мировоззрения, повышает «степень неопределенности» прогностических построений оценки цивилизационной динамики. Однако нелинейность исторического развития, корректируя футурологические социокультурные схемы, тем не менее не отвергает в своей основе статуса принципов циклизма и линейности в развитии цивилизации.

Литература

Августин. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко, вступ. ст. А. А. Столярова. М. : Ренессанс, 1991.

Антология средневековой мысли: в 2 т. Т. 1. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001.

Баязитова Г. И. Политико-правовые воззрения Жана Бодена: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006.

Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992.

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993.

Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М. : Педагогика-Пресс, 1993.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев : REFL-book; ИСА, 1994.

Гесиод. Полн. собр. текстов. Поэмы. Фрагменты. М. : Лабиринт, 2001.

Гегель Г. Философия истории. М. : Наука, 1993.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977.

Гринин Л. Е. Природный фактор в аспекте теории истории. Философия и общество. 2011. № 2. С. 168–198.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, Астрель, 2005.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М. : Индрик, 1993.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб. : Глаголь, 1995.

Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М. : Логос, 2000.

Казютинский В. В. Проблемы типологии космизма как феномена мировой культуры // Научные чтения памяти К. Э. Циолковского. Калуга, 2009.

- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Соч.: в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966.
- Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М. : Альпина нон-фикшн, 2010.
- Карнаух В. К. Космические циклы и социальные ритмы: концепция А. Л. Чижевского // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. I. СПб., 2001.
- Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М. : Экономика, 2002.
- Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 3-е изд., суц. перераб. и доп. М. : URSS, 2010.
- Кузищин В. И. (ред.) История Древнего Востока. М. : Высшая школа, 2003.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й., Беренс В. В. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества». М. : МГУ, 1991.
- Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста. 30 лет спустя. М. : Академкнига, 2007.
- Морлей Д. Руссо. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.
- Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995.
- Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. М. : Алетейя, 2012.
- Сорокин П. 2000. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000.
- Спенсер Г. Синтетическая философия. М. : Ника-Центр, 1997.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. Т. В. Васильевой. М. : Художественная литература, 1983.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории: сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Рольф, 2001.
- Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2010.
- Турен А. Возвращение человека действующего. М. : Новый мир, 2011.
- Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1998.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2007.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Понятие просвещения / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно // Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. : СПб., 1997.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М. : Республика, 1994.

ИДЕОЛОГИЯ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Зуйков Р. С.

к. полит. н., научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений РАН.

E-mail: RZuikov@yandex.ru

На основе системного подхода в социальной и политической теории анализируются процессы трансформации идейно-политической сферы в общем контексте политической глобализации. Обосновывается концептуальная интерпретация процессов политической глобализации как тенденции формирования мирового общества – социальной системы особого типа. Рассматривается проблема идеологической легитимации «космополитического суверенитета» становящейся политической подсистемы мирового общества в качестве гипотетической системы глобального управления. Делаются выводы о направлении развития идейной сферы в контексте политической глобализации.

Ключевые слова: политическая глобализация, идеология, системный подход, мировое общество, система глобального управления, космополитический суверенитет, права человека, космополитизм.

The processes of ideological and political sphere transformation within the general context of political globalization are analyzed on the basis of a systemic approach in the social and political theory. The conceptual interpretation of the processes of political globalization as a tendency of formation of the world society – a social system of a particular type – is proved. The author considers a problem of ideological legitimation of “cosmopolitan sovereignty” of the forming world society's political subsystem as a hypothetic global governance system. The conclusions about the direction of ideological sphere development within the political globalization context are given.

Keywords: political globalization, ideology, systems approach, world society, system of global governance, cosmopolitan sovereignty, human rights, cosmopolitanism.

Развитие процессов текущего этапа глобализации в конце XX – начале XXI в., совпавшее с окончанием эпохи политико-идеологической конфронтации XX в., вносит радикальные изменения в различные сферы общественного устройства, включая и политическую. В этой связи становится актуальным вопрос о том, влечет ли политическая глобализация соответствующую трансформацию идейно-политической сферы, и если таковая происходит, то каково ее направление. Для ответа на данный вопрос представляется необходимым поставить ряд задач и предложить их решение:

1) опираясь на социальную и политическую теории, показать место и функции идеологии в общественно-политическом устройстве;

Век глобализации 2/2014 91–104

2) определить обусловленное глобализационными процессами направление трансформации социально-политического контекста существования идеологии как общественного феномена;

3) выяснить, существует ли некий запрос на идеологию, обусловленный политической глобализацией, и если да, то в чем он заключается;

4) на основе решения предшествующих задач определить наиболее вероятное центральное направление развития идейной сферы в контексте политической глобализации.

Прежде чем перейти к решению поставленных задач, целесообразно привести обобщенное определение идеологии как социально-политического феномена. Достаточно универсальной видится дефиниция, данная основоположником теории политической системы Д. Истоном. Идеологии, по его мнению, – это режимные ценности, состоящие из сформулированных этических интерпретаций и принципов, которые объясняют цели, организацию и границы политической жизни. Эти идеалы и цели помогают членам политической системы интерпретировать прошлое, объяснять настоящее и предлагают видение будущего [Easton 1965: 290].

Место и функции идеологии в обществе с позиций системного подхода в социальной и политической теории

Для определения места и функций идеологии в обществе представляется необходимым обратиться к социологическим и политологическим концепциям, посвященным разработке системных моделей общества в целом и его политической сферы в частности. Прежде всего весьма полезным для решения поставленных задач может оказаться структурно-функциональный подход в теории социальных систем. Его ведущим представителем Т. Парсонсом были заложены социально-философские основы, позволяющие осуществить политико-системный анализ идеологии как общественного феномена.

«Переменные» действия, обусловленные ценностными ориентациями субъектов действия, выступают в концепции Парсонса необходимыми компонентами системы социального действия (далее – ССД). В соответствии с ними одним из существенных признаков социального действия является наличие у его субъектов определенной сферы выбора в отношении целей и средств их достижения в сочетании с нормативной ориентацией субъектов [Парсонс 2000: 96–98]. При этом общество как самодостаточная социальная система (включающая в качестве одной из подсистем интересующую нас политическую систему), являясь в свою очередь одной из подсистем ССД, не обладает самодостаточностью лишь с точки зрения самолегитимации собственного нормативного порядка. В качестве системы, легитимирующей нормы и установления данного общества, выступает другая подсистема ССД – культурная. «В процессе легитимации нормативного порядка общества культурные ценностные образцы обеспечивают непосредственную связь между социальной и культурной системами. Способ легитимации, в свою очередь, основывается на религиозных ориентациях» [Он же 1993: 103].

Необходимо пояснить, что под нормативным компонентом социальной системы Парсонс понимает совокупность универсалистских правил (норм), которые определяют ожидания в отношении деятельности таких структурных компонентов системы, как роли и коллективы (последние выполняют в социальной системе функцию целедостижения в рамках ее политической подсистемы), тогда как цен-

ности – это нормативные образцы, определяющие в универсалистических терминах схему ориентации, желательной для системы в целом [Парсонс 2002: 579]. Иными словами, ценности – это наиболее общие представления о желаемом типе социальной системы. Среди ее структурных компонентов они занимают ведущее место в исполнении системой функции сохранения и воспроизводства образцов институционализированной культуры, определяющих структуру системы. В ССД существует важное соответствие между иерархией отношений контроля над поведением субъектов действия и уровнями общности компонентов нормативной культуры. Ценности составляют высший уровень комплекса представлений о желаемом и не связаны с детальным определением функции или ситуации. Нормы дифференцированы на основе конкретизации функций единиц, к которым они применяются (пример институционализированных норм – законодательство) [Там же: 583]. Принципиально важно то, что нормы узакониваются ценностями, институционализированными в данном обществе.

Парсонс различает религиозные и социетальные ценности, принадлежащие соответственно культурной и социальной подсистемам ССД. При этом он подчеркивает, что вторые находятся на более низком уровне шкалы ценностных образцов, чем первые. То есть с аналитической точки зрения в основе всех социетальных ценностей лежат религиозные [Там же: 616].

Система ценностей (убеждений) данного общества, выступающая в качестве универсально-заданных ориентаций социальной деятельности субъектов действия, образует его **идеологию**. Признать данную систему убеждений идеологией общества (или иного коллектива) позволяет наличие согласия его членов с тем, что *она ориентирована на ценностную интеграцию коллектива*. Идеология возникает на основе системы убеждений тогда, когда существует оценочная обязательность убеждений как аспект членства в данном коллективе, когда поддержка системы убеждений институционализирована как часть роли члена коллектива. То есть актор, разделяющий систему убеждений, должен ощущать, что благо коллектива зависит от сохранения системы убеждений и от воплощения ее в действие. Именно такая система убеждений, в отношении которой проявляется данная установка, приобретает для коллектива интегрирующее значение [Там же: 477–478]. Таким образом, согласно Парсонсу, идеология служит одной из главных основ для когнитивного узаконивания стандартов ценностной ориентации коллектива и его акторов.

Значение, придаваемое Парсонсом идеологии, в его теории столь существенно, что он считает ее одной из двух основных характеристик **общества** – социальной системы особого типа. Общество, по его мнению, – целостная система, организованная в форме, во-первых, единого политического коллектива, и, во-вторых, институционализирующей единой более или менее интегрированной системы ценностей [Он же 1965: 30]. Оно, в отличие от других коллективов, не является подсистемой коллектива более высокого порядка, и значит, обладает самодостаточностью за исключением способности к самолегитимации нормативного порядка. Самодостаточность, согласно Парсонсу, – главный критерий общества [Он же 2002: 580–581]. Консенсус между членами общества в отношении ценностных представлений о нем обеспечивает институционализацию ценностных образцов. Поэтому самодостаточность общества, с точки зрения наличия второй из его характеристик, определяется степенью консенсуса, в которой институты об-

щества легитимированы общепринятыми обязательствами по поводу ценностей со стороны его членов [Parsons 1969: 39]. Данное мнение Парсонса о необходимости наличия интегрированной системы ценностей и консенсуса в ее отношении, обеспечивающего легитимацию общественных институтов, следует учесть при последующем рассмотрении перспектив становления так называемого «мирового общества».

Далее целесообразно привести предложенную Д. Истоном и полезную для решения задач настоящего исследования классификацию типов идеологий в соответствии с целями (объектами), к которым они относятся. Это, в частности, позволит дифференцировать социально-политические функции идеологии.

(Узко)партийная идеология (*partisan ideology*) служит для мобилизации поддержки конкурирующих претендентов на лидерство. Такая идеология относится к специальным группам убеждений, помогающим организовать (общественное) мнение о тех видах повседневной политики и практики, которые стремятся осуществлять политические власти [Easton 1965: 291, 336].

Легитимирующая идеология (*legitimizing ideology*) – это такие множества убеждений, которые проникают в сердцевину политического режима. Она относится к тем аспектам совокупного множества убеждений, которые ориентированы на поддержку или вызов режиму, и праву властей управлять. Принципы и ценности такой идеологии придают действенность структуре, ее нормам и участникам с точки зрения представлений о будущем, интерпретации настоящего и концепций прошлого. Она необходима в политической системе как основа поддержки (осуществляемой в виде так называемого «входа поддержки» в систему) существующего режима и его властей перед лицом невозможности любой системы удовлетворить все потребности ее членов или уладить все противоречия. Легитимирующий аспект систем убеждений, ориентированный на поддержку режима, особенно важен в политических системах, в которых есть конфликт в отношении легитимности режима или властей [*Ibid.*].

Коллективная идеология (*communal ideology*) относится к устойчивости или изменчивости политического сообщества. Это особые убеждения, обнаруживающиеся среди множества убеждений в политической системе, которые выражают и укрепляют чувство политического единства среди ее членов как группы индивидов, разделяющих общий набор структур, норм и ценностей в политических целях [*Ibid.*: 336]. В функциональном отношении данный тип, по-видимому, соответствует интегрирующей функции идеологии в концепции Т. Парсонса.

Предлагая данную классификацию, Д. Истон при этом не считает, что выделенные типы идеологии выявляются отдельно в эмпирической политике. Они служат как аналитические категории, оставаясь аспектами общей идеологии, обеспечивающей мобилизацию рассеянной поддержки в политической системе [*Ibid.*: 340].

Итак, на основе рассмотрения концепций Т. Парсонса и Д. Истона можно выделить следующие социально-политические функции идеологии:

- 1) формирование универсально заданных ценностных ориентаций социальной деятельности субъектов действия;
- 2) ценностная интеграция коллектива;
- 3) легитимация нормативного порядка (институционального устройства) общества;

4) мобилизация поддержки политического режима либо конкурирующих политических сил.

Глобализация и перспективы становления мирового общества

В целях настоящего исследования теперь необходимо выявить обусловленное глобализационными процессами основное направление трансформации мирового политического контекста, в котором идеология как явление, возможно, заново обретет подходящее ей место.

Как отмечает один из ведущих теоретиков глобализации У. Бек (исследования которого имеют ключевое значение и для переосмысления роли идеологии в глобальную эпоху), к настоящему времени разработано два подхода к этому феномену. «Первый осмысливает и исследует глобализацию в духе растущей *interconnectedness*... Второй подход делает упор на “упразднение пространства временем”... благодаря новым средствам коммуникации... Глобализация уже мыслится здесь не как при первом подходе – растущей взаимозависимостью между продолжающими свое существование национально-государственными общественными пространствами, а как *внутренняя* глобализация самих этих пространств» [Бек 2007: 9]. Согласно этому подходу «мы переживаем создание глобального общества такого рода и такого масштаба, свидетелем которого еще не приходилось быть человечеству... “Глобализация” – это все те процессы, благодаря которым народы мира инкорпорируются в единое мировое общество, “глобальное общество”» [Globalization... 1990: 8, 9]. В этом ключе и будет вестись дальнейшее исследование идеологии в современной политике.

Таким образом, при анализе феномена глобализации с позиций второго подхода представляется возможным рассматривать его в качестве макроисторического процесса становления общества как социальной системы особого типа (в парсонсовском понимании) в мировом масштабе. Соответственно такому пониманию процессы экономической, социальной, политической и институциональной глобализации ведут к становлению определенных функциональных подсистем мирового общества. При данном подходе к феномену глобализации становится научно корректным и применение методологии структурно-функционального анализа для исследования мирового общества и его подсистем.

Здесь целесообразно сосредоточить внимание на концептуальной интерпретации процессов политической глобализации, чтобы затем рассмотреть проблему идеологической легитимации становящейся мировой политической системы. Применительно к мировой политической сфере второй из названных подходов означает, по словам У. Бека, следующее: «...игравшее до настоящего времени ведущую роль во взгляде на мир *различение между национальным и интернациональным растворяется* в пока еще нечетко очерченном силовом пространстве **всемирной внутренней политики** (выделено мной. – Р. З.)» [Бек 2007: 9]. Разрабатываемая им применительно к условиям глобальной эпохи новая теория власти – космополитический реализм – дает ответ на два ключевых вопроса. «Во-первых, как, с помощью каких стратегий мировые экономические акторы навязывают государствам свой образ действия? Во-вторых, как государства в свою очередь могут отвоевать у мировых экономических акторов государственно-политическую метавласть, чтобы заставить всемирно-политический капитал принять *космополитический режим*, включающий политическую свободу, глобаль-

ную справедливость, социальную безопасность и экологическую устойчивость?» [Бек 2007: 10].

Как было отмечено выше, с точки зрения социальной теории Т. Парсонса говорить о существовании мирового общества как целостной системы можно лишь при наличии его особой организации: 1) в форме единого политического коллектива; 2) в виде институционализирующей интегрированной системы ценностей (идеологии), в отношении которой между членами общества существует согласие с тем, что она ориентирована на его ценностную интеграцию. Здесь уместно так-же отметить, что и авторы, выдвигающие специальные концепции «мирового общества», подчеркивают условие наличия консенсуса по поводу ценностей между членами такого общества как его обязательную характеристику. Так, Х. Булл особо отмечал, что «под мировым обществом понимается не просто степень взаимодействия, связывающая все части человеческого сообщества друг с другом, но чувство общего интереса и общих ценностей, на основе которых могут быть созданы общие правила и учреждения» [Bull 1977: 279]. Р. Дж. Винсент применяет понятие «мировое общество» для обозначения моральных рамок тех акторов и институтов мировой политики, чьи интересы выпадают из сферы «дипломатии и международных отношений» [цит. по: Zuzan 2004: 41]. В данной связи Б. Бьюзен отмечает, что «мировое общество в этом смысле должно также быть обществом подобных в идеологическом отношении государств, расходящихся с основным потоком международного общества» [Ibid.]. Схожее мнение высказывал и О. Узвер, согласно которому мировое общество подразумевает «культурную гомогенность и взаимосвязь обществ» [цит. по: Ibid.: 45].

Таким образом, далее стоит задача выявления в мировой политической сфере двух выделенных Т. Парсонсом характеристик, позволяющих признать существование мирового общества. О наличии единого мирового политического коллектива как организационного структурного компонента мирового общества, образующего его политическую подсистему, свидетельствует наличие устойчивых механизмов сотрудничества между ведущими государствами мира, коллективно осуществляющими функцию целедостижения. При этом сформировался достаточно развитый нормативный компонент как необходимая предпосылка мирового общества (образующая его институциональное устройство): совокупность международно-правовых норм, определяющих ожидания в отношении деятельности коллективов (государств, МПО, НПО), включая и группу ведущих государств как мировой политической коллектив. По мнению автора настоящего исследования, сотрудничество государств этой группы (Группа восьми при участии в последние годы Группы двадцати) в рамках комплекса международных институтов имело особое значение для формирования на данной основе политической подсистемы мирового общества. Выступая в качестве координатора и организационного центра по отношению к международным институтам, Группа восьми обеспечивает их взаимосвязь и взаимодействие. Это свидетельствует о том, что комплекс данных институтов объединен в мировую институциональную структуру. Названная структура является, в сущности, совокупным *объектом* (включающим множество объектов – институтов) *отношений* между государствами Группы. Причем их взаимоотношения, направленные на этот объект, обладают таким свойством, как устойчивое сотрудничество (кооперация) между членами Группы с целью коллективного обеспечения регулирования мировых процессов посредством международных институтов. Согласно А. И. Уемову, наличие объекта, на котором реа-

лизуются отношения, обладающие заранее фиксированным свойством, является критерием, позволяющим считать такой комплекс системой [Уемов 2004: 40]. С этой точки зрения мировая институциональная структура является *институционально-политической системой регулирования мировых процессов*. «Политической» ее можно считать потому, что хотя данное регулирование в значительной мере направляется неофициальным коллективным политическим субъектом (Группой восьми), оно осуществляется посредством легитимных механизмов в рамках официальных международных институтов. Их легитимность (в данном случае имеется в виду нормативная, а не ценностная) основана на действующем международном праве. Реализации принятых решений способствует происходящая, в сущности, интеграция легитимных полномочий официальных органов и международно-политического влияния неофициального субъекта. В результате решения институционально-политической системы при необходимости для данного субъекта могут быть реализованы на правовой основе при помощи тех или иных мер принуждения акторов к их исполнению. Это позволяет ставить вопрос о начале процессов формирования в рамках данной системы механизмов нового уровня и типа власти – «мировой власти», которая может осуществляться с помощью разнообразных инструментов: влияния, согласования, рекомендаций, стимулирования, санкций и даже принуждения при помощи силы.

Сказанное также означает, что на смену традиционной Вестфальской системе международных отношений (являвшейся по своему типу системой центростремительных взаимодействий, в которой отношения взаимного «сдерживания» центров силы служили средством сохранения их суверенитета) приходит мировая институционально-политическая система управленческого типа¹. Ее функция в формирующемся мировом обществе – целедостижение, осуществляемое мировым коллективным политическим субъектом. Цель деятельности названного субъекта в рамках данной системы – обеспечение регулируемости глобальных процессов, происходящих в различных сферах (становящихся подсистемах) мирового общества [Зуйков 2010].

Таким образом, мировое социальное устройство может быть признано «мировым обществом» в соответствии с первым из двух критериев, выделенных Т. Парсонсом. Теперь стоит задача поиска второй необходимой основы организационного устройства мирового общества. Имеется в виду институционализирующая интегрированная система ценностей (идеология), в отношении которой между членами мирового общества существовало бы согласие с тем, что она ориентирована на ценностную интеграцию данного общества. Именно наличие такой идеологической основы, с точки зрения теории, призвано обеспечивать *ценностную* легитимацию деятельности мирового коллективного политического субъекта по обеспечению так называемого глобального управления².

¹ Поэтому, в частности, для характеристики формирующегося в конце XX – начале XXI в. мирового политического устройства некорректно применение широко распространенных центростремительных определений, основанных на учете количества центров силы «моноцентричное», «полицентричное», часто также называемые псевдонаучными терминами «однополярное», «многополярное»). Центростремительные определения корректны для обозначения той или иной структурной конфигурации системы центростремительных взаимодействий. Поскольку же ей на смену приходит мировая институционально-политическая система, коллективный состав ее политического субъекта позволяет характеризовать устройство данной системы как **ограниченно многостороннее** или, с функциональной точки зрения, обозначать ее как **систему коллективного мирорегулирования**.

² О проблематике глобального управления см., например: Approaches... 1999; Rosenau 2005; Khagram 2006; New Modes... 2006; Немчук 2004; Кустарев 2007; Темников 2007; Барабанов 2009; Вебер 2009; Чумаков 2010.

Проблема идеологической легитимации космополитического суверенитета мировой институционально-политической системы

Процесс становления мирового общества, включающий формирование особой политической подсистемы, управляющей им, предполагает замену международной анархии глобальной властью и управлением. Разработчик теории нового глобального властного и правового порядка У. Бек обозначает таковой понятием «космополитический режим». Беком также поставлен вопрос об источниках легитимности такого режима и теоретически обоснован ответ на него. Поэтому целесообразно проанализировать его аргументацию.

Прежде всего Бек отмечает, что ответ на вопрос об источниках легитимности правил «метаигры мировой политики» в эмпирической политике дается игроками, исходя из перспектив их действия. «Сторонники национальной игры в шашки... играют в новую игру за власть, предполагая, что любые, в том числе будущие правила игры в конечном счете соответствуют легитимности правил национальной игры в шашки» [Бек 2007: 37]. Глобальный порядок, согласно этим представлениям, в его легитимной основе есть национальный, выводимый из национально-государственной легитимности порядок. То есть «методологический национализм предполагает национальное государство в качестве неизменного и абсолютного источника легитимности наднациональных норм и организаций» [Там же].

Сторонники космополитического режима, напротив, считают, что космополитика располагает автономными источниками легитимности. «Глобальные проблемы – права человека, предотвращение климатической катастрофы, борьба против нищеты и за справедливость – открывают новые внедемократические, внесударственные источники обосновывающей самое себя легитимности: голосование заменяется одобрением» [Там же: 36]. Целью метаигры мировой политики являются, по мнению Бека, сами основы ее легитимации. Таким образом, «метаигра включает возможность *смены парадигмы легитимации*» [Там же: 38]. Однако смена легитимации отменяет санкционированный международным правом национальный суверенитет и открывает путь легитимным интервенциям военного гуманизма. Возникающую на этой основе проблему возможности проявлений национально-государственного экспансионизма под прикрытием риторики гуманитарного вмешательства Бек теоретически разрешает введением различия между *неистинным* и *истинным* космополитизмом. Первый использует космополитическую риторику для достижения национально-гегемонистических целей. Второй означает приоритет универсального права и трансцендентальных моральных притязаний (в духе идей И. Канта о «вечном мире») над притязаниями могущественных государств [Там же]. Таким образом, истинный «космополитический режим означает равенство государств перед господством закона» [Там же: 402]. При этом Бек подчеркивает, что легитимность космополитического режима не может завоевываться «снизу вверх», то есть через демократическое голосование и одобрение отдельных государств. Она должна обосновываться «сверху вниз», как бы дедуктивно, исходя из очевидной универсальности принципов и основных положений – из последствий для всего человечества и для каждого отдельного человека [Там же: 390]. «Призыв к защите прав человека, как источник легитимности глобальной власти, всегда связывается с урегулированием актуальных конфликтов, не знающих границ и угрожающих режиму прав человека» [Там же: 388].

Бек выделяет три возможных источника самообоснования космополитического суверенитета. Первый – *разумное право*, основанное на идеях Канта: космополитический режим самообосновывается и осуществляется в формах правового конституционализма. Космополитические принципы обретают всеобщую обязательность в соответствии с негласным внутренним принуждением, к которому побуждает наилучший аргумент из возможных, очевидный для всех участников любых коммуникаций. Второй – *правовой позитивизм*, который, напротив, предполагает, что принципиальные обоснования правовых норм всегда и принципиально исключены. Легитимность космополитического режима оценивается по степени его эмпирической законности, которая зависит от конкретных обстоятельств. То есть в той мере, в какой космополитический режим реально осуществляется, он обосновывает себя сам. Третий источник – *прагматизм* – исходит из того, что космополитический режим самообосновывается, например в соответствии с возможностью с его помощью глобально (или локально) решать глобальные проблемы. В той мере, в какой космополитический режим оправдывает себя на практике, он обретает легитимность [Бек 2007: 397–398].

Свою аргументацию в пользу самообоснования космополитического режима Бек резюмирует следующим образом. «Если при космополитическом режиме моральный, основной, распространяющийся на всех порядок прилагают к новому, не знающему границ человечеству и устанавливают для него, то легитимность этого порядка может принципиально выводиться не из легитимационных источников территориально ограниченного национально-государственного порядка. Он нуждается в собственных источниках легитимности, поскольку лишь они позволяют создать моральный и правовой порядок проективно для всех и для каждого в отдельности, но, значит, *против* национально-государственных акторов и принципов легитимности. Революционное преодоление национально-государственного порядка мыслимо только в форме *установления космополитического режима*, который этически, прагматически и политически осуществляет самообоснование в форме самоосуществляющегося пророчества» [Там же: 398]. Здесь уместно напомнить, что с точки зрения социальной теории Парсонса, на которую опирается данное исследование, свою логическую завершенность общество, оформленное в виде единого политического коллектива, обретает вместе с легитимацией общественных институтов общепринятыми обязательствами членов общества по поводу ценностей. Отсюда следует *логический*, то есть теоретический (хотя эмпирически и не очевидный) вывод, согласно которому в полноценном **мировом обществе** «благой ценностный и мировой порядок космополитизма не имеет альтернативы» [Там же: 400].

Этот вывод становится предпосылкой осознания потребности в создании соответствующей мировому космополитическому порядку идеологии. Исходя из этой необходимости, У. Бек выступил первопроходцем разработки «новой идеологии за пределами национализма, коммунизма, социализма, неолиберализма, перспективы которой ему видятся в идеологии космополитизма» [Федотова В. Г., Федотова Н. Н. 2007: 436]. В *проекте* космополитизма «на место нации, как земной религии, могла бы выступить земная религия космополитизма. Она уже не знает, в отличие от национального порядка, ни других, ни внешних. Космополитизм, домысленный до конца, есть секуляризованный Божественный порядок на этой земле» [Бек 2007: 404].

Далее необходимо найти ответ на следующий возникающий вопрос. Почему именно космополитическая идеология, а не какая-либо другая способна стать идейно-политической основой формирующегося на наших глазах транснационального мирового общества? При этом важно исходить из того, что *образующие данное общество социальные сферы имеют сетевую структуру, а компоненты (узлы) этих сетей локализируются в территориальных пространствах, включенных в различные государственные, этнические, культурные, религиозные ареалы*³.

Контуры космополитической идеологии

Исходным при создании новой идеологии становится вопрос о том, какая идея может оказаться центральной «в мире, характеризующемся, по практически всеобщему признанию, нарастающим многообразием и даже несопоставимостью элементов?.. Этот вопрос, полагает У. Бек, во многом сводится к вопросу о том, есть ли в мире XXI века универсальные... принципы» [Иноземцев 2008: XXXVIII–XXXIX]. Отвечая на него, он полагает, что такой идеей может стать защита и утверждение доктрины прав человека. Универсализм данного принципа, способного стать общей основой для достижения согласия между культурно разнородными коллективами, интегрирующимися в мировое общество, становится предпосылкой, свидетельствующей в пользу космополитического масштаба новой идеологии.

Бек предварительно выделяет пять существенных и взаимосвязанных принципов, на которых строится космополитическое мировоззрение. Представляется необходимым привести их здесь.

«Во-первых, это учет опыта кризисов в глобальном обществе: осознание взаимозависимости и проистекающей из нее “цивилизационной общности судеб”, задаваемой глобальными рисками и кризисами, которые перешагивают границы между внутренней и внешней сферами, между нами и ними, между национальным и международным.

Во-вторых, это признание космополитических различий и вытекающего из них *космополитического характера конфликтов*, а также (ограниченное) любопытство по поводу различий в культуре и идентичности.

В-третьих, это космополитическое сочувствие и сопереживание, а также фактическая взаимозаменяемость различных ситуаций (и как дополнительная возможность, и как угроза).

В-четвертых, это неспособность жить в мире без границ и как результат – стремление перекроить прежние барьеры или заново отстроить их.

В-пятых, это комбинирование: локальные, национальные, этнические, религиозные и космополитическая культуры проникают друг в друга, они взаимосвязаны и перемешаны – космополитизм без провинциализма пуст, а провинциализм без космополитизма слеп» [Бек 2008: 10].

Почему же космополитическое мировоззрение оказывается предпочтительным в отличие от традиционных идеологий для легитимации космополитического режима? Дело в том, что, согласно логической аргументации Бека, космополитический режим может быть легитимирован только на основе идей методологиче-

³ О сетевой структуре мирополитической и геоэкономической сфер мирового общества см.: Slaughter 2004; Зуйков 2009.

ского космополитизма, который исповедует космополитическая идеология⁴. Такой режим оказывается нелегитимным с позиций методологического национализма, лежащего в основе традиционных идеологий. Последние формировались как идейно-политическая ценностная основа национально-государственных обществ. Кроме того, с точки зрения перспектив мирового общества традиционные идеологии могут быть отнесены скорее к типу узкопартийных (по классификации Истона) как выражающие «классовые» интересы. Даже будучи надклассовой в рамках того или иного национально-государственного общества, такая идеология остается «классовой», если рассматривать данное общество как составную часть определенного мирового класса (согласно И. Валлерстайну⁵) в иерархизированной «капиталистической мир-системе», тогда как становящееся мировое общество выдвигает запрос на идеологию иного, глобального уровня, исповедующую другую парадигму ценностной легитимации общественных институтов и способную обеспечить ценностную интеграцию мирового общества. Разрабатываемая Беком космополитическая идеология как претендующая на выполнение данных функций в мировом обществе может, согласно типологии Истона, быть признана легитимирующей и одновременно коллективной идеологией.

«Что несет с собой глобализация – усиление однородности или разнородности человечества?». Такой вопрос ставит и предлагает свой ответ на него ведущий российский разработчик теории и методологии новой науки глобалистики М. А. Чешков. «И то и другое, причем тенденция к нарастанию разнородности не ведет автоматически к распаду целого, поскольку вырабатываются механизмы и принципы соотнесения разнородных частей глобального целого» [Чешков 2005: 25]. В условиях глобализации, ведущей к формированию мирового общества, при сохраняющейся дифференциации мира в сфере духовной культуры, возможно, именно светская идеология космополитизма, согласованная с нравственными основами мировых религий (что еще необходимо исследовать), способна придать идеологическую легитимность космополитическому режиму мировой внутренней политики и на этой основе обеспечить ценностную интеграцию данного общества. Здесь необходимо привести мнение Парсонса, согласно которому общепризнанность системы убеждений – условие полной интеграции системы социального взаимодействия, тогда как когнитивные различия создают источник напряженности [Парсонс 2002: 480]. «Убежденность в когнитивной валидности функционально необходима в системах действия. И там, где такое убеждение возможно только путем принесения в жертву когнитивного ценностного стандарта, возникает элемент напряженности в такой системе действия» [Там же: 481].

В связи с этим необходимо акцентировать внимание на еще одном важнейшем моменте космополитического мировоззрения. Космополитизм признает *инаковость другого*: культурно иных как отличающихся, но при этом равных (в отличие от позиции «одинаковый-равноценный», «отличающийся-неполноценный») [Бек 2007: 370–374]. В этом, по мнению Бека, состоит важное преимущество кос-

⁴ О методологическом космополитизме и критике с его позиций методологического национализма см.: Бек 2007: 45–49, 61–62, 78–87; 2008: 34–49, 113–125, 236–239.

⁵ См.: Wallerstein 1984: 32–36; Валлерстайн 2004: 141–147. Об экономических основаниях иерархического устройства капиталистической мир-экономики, служащих предпосылкой ее социально-классовой поляризации, см. также: Валлерстайн 2008: 88–89.

мополитизма перед идеологией неоллиберального глобализма с его нацеленностью на гомогенизацию различий⁶.

Таким образом, с точки зрения социальной теории Парсонса именно достижение консенсуса между членами разнородного мирового общества в отношении идеологии космополитизма как обеспечивающей ценностную легитимацию институционального устройства данного общества явилось бы признаком логической полноценности его становления. Возможно, этому могла бы способствовать более широкая представительность мирового политического коллектива в смысле духовно-культурной принадлежности его членов. При этом важно соблюсти условие сохранения высокого уровня внутренней интегрированности и действительности этого коллектива.

В завершение стоит привести аргументы самого автора новой идеологии, свидетельствующие в ее пользу: «Космополитическими стали сами обстоятельства человеческого бытия»; «Пожалуй, космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренней и внешней сферами, между национальным и международным, “нами” и “ними” уже не годятся для жизни. Напротив, чтобы выжить, необходим новый космополитизм» [Бек 2008: 2, 20].

Общий вывод, следующий из результатов проведенного исследования, видится таковым. Политическая глобализация обуславливает вызревание и развитие тенденции, ведущей к трансформации идейно-политической сферы сообразно глобализационным процессам. Выявляется задаваемая объективными условиями необходимость идеологической легитимации особой деятельности, направленной на обеспечение управления глобальными процессами, происходящими в различных сферах формирующегося мирового общества. Данная объективная необходимость преломляется и концентрируется в соответствующую субъективную потребность, появляющуюся у становящегося субъекта мирорегулирования – мирового политического коллектива. На этом основании наиболее вероятным *центральным* направлением развития идейной сферы *в контексте политической глобализации* становится ее космополитизация, приобретающая форму особой космополитической идеологии. Лежащие в ее основе универсальные принципы, суть которых – защита и утверждение доктрины прав человека, а также соответствующее этой доктрине равенство государств перед господством закона, в перспективе становятся определяющими характер идейно-политической сферы. Это относится к уровням как транснационального мирового общества в целом, так и интегрированных в него сегментов национально-государственных обществ, образующих узлы сетевого мирового общества.

Литература

Барабанов О. Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций. 2009. № 2. С. 5–13.

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М. : Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007.

⁶ О неоллиберальной идеологии см.: Харви 2007.

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

Валлерстайн И. Конфликт классов в капиталистической миро-экономике // Э. Ба-либар, И. Валлерстайн. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / пер. с фр. М. : Логос, 2004. С. 135–147.

Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Тов-во науч. изд. КМК, 2008.

Вебер А. Б. Системный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.

Зуйков Р. Миросистемность: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 55–61.

Зуйков Р. Вестфальская система межгосударственных отношений: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. С. 13–27.

Иноземцев В. Провозвестник грядущего / У. Бек // Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. С. XV–LI.

Кустарев А. Кем и как управляется мир // Pro et contra. 2007. № 6. С. 6–19.

Немчук А. А. Глобальное управление: pro et contra. М. : Интердиалект +, 2004.

Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000.

Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века: сб. статей, сокр. пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1965. С. 25–67.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.

Темников Д. М. Опыт теоретического осмысления мирового регулирования // Полис. 2007. № 6. С. 133–145.

Уемов А. И. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке / отв. ред. И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 37–52.

Федотова В. Г., Федотова Н. Н. Вторая великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Послесловие / У. Бек // Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. М. : Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. С. 433–460.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М. : Поколение, 2007.

Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Approaches to Global Governance Theory / Ed. by M. Hewson, T. J. Singlair. N. Y. : State University of New York Press, 1999.

- Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. London : MacMillan, 1977.
- Buzan B. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. N. Y.; London : John Willey & Sons, Inc., 1965.
- Globalization, Knowledge and Society* / Ed. by M. Albrow, E. King. London etc. : Sage, 1990.
- Khagram S. Possible Future Architectures of Global Governance: A Transnational Perspective/Prospective // *Global Governance. A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2006. № 1. P. 97–117.
- New Modes of Governance in the Global System: Exploring Publicness, Delegation and Inclusiveness* / Ed. by M. Koenig-Archibugi, M. Zürn. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2006.
- Parsons T. *Politics and Social Structure*. N. Y. : The Free Press; London : Collier-MacMillan Ltd., 1969.
- Rosenau J. *The Study of World Politics. Vol. II. Globalization and Governance*. N. Y. : Taylor & Francis Ltd., 2005.
- Slaughter A.-M. *A New World Order*. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2004.
- Wallerstein I. *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations*. Cambridge : Cambridge University Press, 1984.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ И КИТАЯ

Саблин И. В.

докторант Центра транскультурных исследований им. К. Ясперса
Гейдельбергского университета (Германия).

E-mail: ivan.sablin@gmail.com

Статья посвящена международным аспектам экополитической проблематики в Китае и Индии. Рассматриваются вопросы влияния процессов глобализации на состояние окружающей среды и экологическую политику в указанных странах. Упоминается гипотеза «убежища для загрязнителей». Также уделяется внимание участию двух стран в международном сотрудничестве по вопросам решения глобальных проблем современности. В статье исследуются китайские и индийские философские концепции и дается оценка возможности принятия этими странами на себя глобальной экологической ответственности.

Ключевые слова: *глобализация, окружающая среда, экология, экологические проблемы, международная политика, транснациональный, загрязнение.*

The author considers the international aspects of ecopolitical problems of China and India. The issues of the influence of globalization processes on the environmental conditions and ecological policy in these countries are considered. The pollution haven hypothesis is mentioned. The attention is paid to participation of both countries in international cooperation for solving modern global problems. The article investigates Chinese and Indian philosophical conceptions and estimates the possibilities for these states to take the global environmental responsibility.

Keywords: *globalization, environment, ecology, environmental problems, international policy, transnational, pollution.*

Экологическим проблемам и экологической политике Индии и Китая посвящено множество исследований. Многие авторы, однако, концентрируются в основном на национальных проблемах двух стран, уделяя транснациональным и глобальным аспектам значительно меньше внимания. Процессы глобализации, транснациональные и глобальные экологические проблемы, а также международные отношения и мировая политика между тем оказывают существенное влияние как на состояние окружающей среды, так и на деятельность правительств. Действительно, большинство экологических проблем носят трансграничный характер, а их решение требует совместных усилий государств. Кроме того, Китай и Индия, претендующие на мировое лидерство во многих сферах, в ближайшем будущем

Век глобализации 2/2014 105–118

могут стать центральными игроками и на мировой эконополитической арене, что вкупе со значительными масштабами воздействия экономик этих стран на окружающую среду позволяет говорить о них как об экологических сверхдержавах [Рогожина 2009: 83].

В чем именно заключается влияние процессов глобализации на состояние окружающей среды и экологическую политику? Какой вклад в международные усилия по борьбе с глобальными экологическими проблемами вносят Индия и Китай? Станут ли эти страны глобальными лидерами – экологическими сверхдержавами – в смысле принятия на себя глобальной экологической ответственности? Попытаемся ответить на эти вопросы в настоящей статье.

Состояние окружающей среды и экологическая политика в контексте глобализации

Процессы глобализации оказывают значительное влияние как на окружающую среду, так и на экологическую политику. Так, международная торговля может значительно ухудшить состояние окружающей среды в тех случаях, когда при ценообразовании не учитываются экологические издержки. Те страны, которые данные издержки игнорируют, получают сравнительные преимущества в экологически опасных видах деятельности, что часто ведет к соответствующей специализации и значительной деградации окружающей среды. Более того, государства могут даже снижать экологические стандарты, чтобы привлечь иностранный капитал. Также международная торговля может стимулировать сырьевой сектор экономики, а соответственно и чрезмерную добычу ресурсов для экспорта. Пренебрежение экологическими издержками дает конкурентные преимущества и в данном случае. Таким образом, в странах со слабым экологическим управлением, к которым относятся и Китай, и Индия, экономическая либерализация может приводить к ухудшению состояния окружающей среды [Sawhney 2004: 1–4].

Благодаря реформам по либерализации экономики, которые были проведены в 1980-х гг. в Китае и в 1990-х гг. в Индии, оба государства на сегодняшний день являются важной частью мировой экономики. Так, в 2009 г. континентальный Китай занимал первое место в мире по экспорту (9,6 % мирового экспорта) и второе место по импорту товаров (8 % мирового импорта). Хотя показатели Индии несколько скромнее – 1,2 % мирового экспорта и 1,9 % мирового импорта, – она все равно занимает высокие места по данным показателям – 22-е и 15-е соответственно. Что касается экспорта и импорта услуг, то здесь позиции обеих стран более близки. Китай занимает 5-е место (3,9 %) по экспорту и 4-е (5,1 %) по импорту, тогда как Индия – 12-е место по обоим показателям (2,6 % и 2,4 % соответственно) [Trade... 2011]. Экспорт и импорт составляют также значительный процент ВВП обеих стран [World... 2011].

В целом международная торговля приводит к изменениям окружающей среды посредством структурного, масштабного, технологического эффекта и эффекта продукта. Структурный эффект определяет специализацию и расположение производства. По сути, он не является положительным или отрицательным, так как в зависимости от экологической политики, которая определяет, кто несет экологические издержки, государство может специализироваться как на экспорте продукции относительно экологически безопасных производств и импорте продукции загрязняющих предприятий, так и наоборот. Эффект масштаба в основном

негативно сказывается на окружающей среде вследствие большей абсолютной нагрузки на ее ресурсы при расширении хозяйственной деятельности. Технологический эффект рассматривается в качестве позитивного и заключается в том, что рост доходов населения увеличивает требования, предъявляемые к качеству окружающей среды, а следовательно, ведет к появлению более строгих экологических стандартов и внедрению более совершенных технологий. Эффект продукта зависит от моделей потребления и спроса, а потому обусловлен уровнем экологического сознания потребителей [Хань Сюй 2010: 85–89; Sawhney 2004: 5].

Моделирование торговли между богатым Севером и бедным Югом показывает, что структурный и масштабный эффекты сказываются на состоянии окружающей среды в развивающихся странах, специализирующихся на экологически опасных производствах, крайне негативно, тогда как возможный положительный технологический эффект минимален. Кроме того, в ходе экономической либерализации растет общий уровень загрязнения, концентрирующегося в развивающихся странах [Copeland, Taylor 1994: 755–787], превращающихся в «убежища для загрязнителей» (pollution haven). Гипотеза «убежища для загрязнителей», весьма популярная в китайском и индийском научном дискурсе, гласит, что экологически опасные производства имеют тенденции к миграции в развивающиеся страны со слабым экологическим управлением посредством прямых иностранных инвестиций. По результатам эмпирических исследований, тем не менее, однозначно опровергнуть или подтвердить данную гипотезу не удалось [Фу Цзинянь 2009: 13–18]. Так, китайские ученые, к примеру, выяснили, что загрязнение окружающей среды в Китае в значительной степени вызвано выбросами и отходами экспортно ориентированного производства пластиковых изделий, машин и оборудования, а также промышленных химикатов и что гипотеза «убежища для загрязнителей» в полной мере справедлива для китайско-американских торговых отношений [Фу Цзинянь, Чжан Шаньшань 2011: 11–17]. То, что большая часть инвестиций в Китае поступает в наиболее экологически опасные отрасли, подтверждают и российские ученые [Ушаков 2005: 82]. Их индийские коллеги, в свою очередь, отвергают справедливость данной гипотезы для Индии, утверждая, что рост загрязнения вследствие увеличения экспорта вдвое ниже его потенциального снижения в случае увеличения импорта, то есть фактически страна выигрывает от внешней торговли, а потому не может считаться «убежищем для загрязнителей» [Dietzenbacher, Mukhopadhyay 2007: 427–449; Mukhopadhyay, Chakraborty 2005: 135–163]. Между прямыми иностранными инвестициями и экологической политикой есть и обратная связь: в зависимости от уровня коррупции прямые иностранные инвестиции могут приводить к ослаблению экологического законодательства, а соответственно и к возникновению «убежищ для загрязнителей» [Cole *et al.* 2006: 157–178].

Несмотря на то что в научном мире нет единства в вопросе взаимоотношений иностранного капитала и состояния окружающей среды, многие исследователи все же согласны с тем, что экологический контроль над прямыми иностранными инвестициями в лице транснациональных корпораций необходим [Дин Хуаньфэн, Ли Пэйи 2010: 117–122]. На практике, впрочем, экономические соображения чаще всего побеждают экологические: так, южнокорейская ТНК «Posco» получила разрешение Министерства окружающей среды и лесов Индии на вырубку леса

и строительство в штате Орисса сталеплавильного комплекса, несмотря на многочисленные протесты общественности [Posco's...].

Не стоит, однако, рассматривать прямые иностранные инвестиции в исключительно негативном свете. Во-первых, без них труднодостижима основная задача китайского и индийского правительств – преодоление бедности. Во-вторых, эмпирические исследования Индии и Китая показывают, что далеко не все ТНК используют развивающиеся страны в качестве «убежища»: за последние два десятилетия в обеих странах был запущен ряд производств с самыми передовыми и экологически чистыми технологиями. Более того, экологический менеджмент становится актуальным и на старых предприятиях, так как все больше компаний заботятся о своем глобальном экологическом имидже [Рогожина 2009: 84; Ефременко 2008: 66; Ruud, Audun 2002: 103–118]. Также нельзя не отметить и тот факт, что за последние годы в Китае существенно выросли объемы иностранных инвестиций в природоохранные проекты [Ушаков 2005: 84–85] и «зеленую» промышленность [Mol *et al.* 2006: 164]. Наконец, необходимо упомянуть, что иностранные инвестиции в Китай и Индию привлекает в первую очередь низкая стоимость рабочей силы, а не слабость экологического регулирования [Шварц и др. 2009: 61].

Нельзя также забывать о том, что глобализация – это не только экономическая интеграция. Ее политические, информационные и культурные аспекты также имеют большое значение. Так, и Индия, и Китай подвергаются международному экономическому и политическому давлению, связанному с необходимостью соответствовать более высоким экологическим стандартам. Страны ОЭСР, в частности, требуют гармонизации экологических стандартов в торговле, так как опасаются, что более низкие стандарты дадут развивающимся странам конкурентные преимущества. Сенат США, к примеру, в 1991 г. ввел дополнительные пошлины на импорт товаров, произведенных по более низким экологическим стандартам, чем на те, что произведены внутри страны. Впрочем, Китай и Индия и сами активно участвуют в коллективном принятии решений по актуальным вопросам, связанным с торговлей и состоянием окружающей среды, к примеру, в рамках Всемирной торговой организации. Другие международные организации и некоторые развитые государства помогают Индии и Китаю перейти к более устойчивым моделям развития, предоставляя финансовую и в меньшей степени технологическую помощь. Международные неправительственные организации также оказывают все большее влияние на экополитическую обстановку, хотя их роль в Китае пока не стоит переоценивать [Mol 2010: 390–391; Sawhney 2004: 3–8]. Влияют на экологическую политику двух государств и новые модели потребления в развитых странах: для того чтобы сохранять свои позиции на иностранных рынках, Китай и Индия вынуждены производить все больше качественных, не наносящих ущерба окружающей среде и здоровью людей товаров [Рогожина 2009: 84]. Все чаще китайские и индийские компании прибегают к международной сертификации ISO 14000 и 14001. Кроме того, под влиянием европейских и американских трендов формируются новые модели потребления и на внутреннем рынке. Спрос на программное обеспечение также способствует экономическому росту с минимальными последствиями для окружающей среды. Впрочем, не стоит переоценивать эти положительные тенденции: и Индии, и Китаю по-прежнему не хватает технологий и финансовых ресурсов для проведения эффективной экологической

политики. Кроме того, большая часть экспортируемых Китаем товаров все еще вызывает беспокойство в развитых странах в связи с их низким качеством, а также в связи с неудовлетворительными условиями труда и негативными воздействиями на окружающую среду во время их производства [Аннаев 2010: 54–55; Mol 2010: 390–391; Sawhney 2004: 3–8].

Еще одним важным транснациональным аспектом экологической проблематики является международная торговля отходами: экспорт отходов в развивающиеся страны является на сегодняшний день самым выгодным способом их утилизации [Нодь и др. 2001: 171]. Так, в Китай для переработки ввозится значительное количество европейского мусора, в основном бумаги и пластика. Существующие методы и технологии, однако, оборачиваются для страны тяжелыми экологическими и социальными последствиями, включая загрязнение воздуха и воды, тяжелые условия труда, низкую заработную плату и высокую заболеваемость рабочих. Несмотря на существенные ограничения импорта перерабатываемых и полный запрет на импорт неперерабатываемых отходов, коррупция, а также физическая невозможность проверки всего импортируемого мусора делают проблему весьма актуальной [Chinese...; The UK's new...]. Остро стоит проблема легального и нелегального импорта мусора и в Индии, где он также не перерабатывается должным образом [Tailor 2007: 29].

Особую опасность для окружающей среды представляет электронный мусор, экспортируемый в огромных объемах из развитых стран в Китай и Индию. Его грубая переработка оборачивается загрязнением воды и почвы тяжелыми металлами, кислотами и другими опасными веществами, серьезными проблемами со здоровьем у местного населения, а также появлением новых свалок [Iliyan Asheref 2008: 352; Leung *et al.* 2006: 21–33]. Для решения проблемы в Индии рассматривается возможность полного запрета на импорт электронного мусора [Govt...], однако здесь, как и в других случаях, приоритет отдается пока экономическим выгодам.

Экономическое развитие и деградация окружающей среды в Индии и Китае сказываются и на жителях других стран. Серьезной проблемой является трансграничный характер загрязнения воздуха: диоксид серы и оксиды азота, образующиеся при сгорании ископаемых видов топлива, могут находиться в атмосфере в течение нескольких дней и перемещаться на сотни и тысячи километров, прежде чем выпасть на землю в форме кислотных дождей [Naughton 2007: 495–496]. К сожалению, на данный момент фактически нет исследований, посвященных «импортируемому» загрязнению воздуха в беднейших странах Азии – соседях Индии и Китая. Нет информации и по влиянию Китая на состояние воздуха в России. Проблеме трансграничного загрязнения воды уделяется значительно больше внимания. Серьезное ежедневное загрязнение воды в реке Сунгари, притоке Амура, уже давно является для России актуальной проблемой [Ушаков 2005: 81], не говоря уже о последствиях катастрофы 2005 г., когда в эту реку, а затем и в Амур попало огромное количество опасных химических веществ [Бирюлин 2006: 122–127]. С «импортом» загрязненных вод Инда и Ганга, значительная часть бассейнов которых находится в Индии, вынуждены мириться Пакистан [Pakistan...] и Бангладеш [Pollution...]. Загрязнение вод Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей вызывает серьезную озабоченность у со-

седей Китая [So *et al.* 2004; Ueno Daisuke *et al.* 2004]. «Импорт» загрязнения актуален и для Китая. В качестве примера можно привести трансграничные последствия утечек на атомных электростанциях Японии в 2011 г. [Наша страна...].

Китай и Индия являются также крупными импортерами энергоносителей, оказывая тем самым влияние на мировые запасы природных ресурсов. Впрочем, вопрос добычи сырья за рубежом в гораздо большей степени актуален для КНР. Китайские добывающие компании сегодня работают во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки, оказывая тем самым негативное влияние на состояние окружающей среды в глобальном масштабе. Как уже упоминалось, Китай достиг заметных успехов в сохранении и восстановлении лесов на своей территории, однако масштабные легальные и нелегальные вырубki в Индонезии, Мьянме, России, Суринаме и некоторых африканских государствах способствуют быстрому уничтожению лесов в этих странах [Mol 2010: 390]. Исследований, сравнивающих увеличение лесного покрова в Китае и его уничтожение китайскими компаниями за пределами страны, к сожалению, нет. Можно, однако, предположить, что суммарный эффект в глобальном масштабе будет негативным.

Индия и Китай на глобальной экополитической арене

Для решения трансграничных и глобальных экологических проблем требуются совместные международные усилия. На сегодняшний день и Индия, и Китай являются участниками основных международных соглашений в области окружающей среды и развития, активными участниками международных конференций, а также сотрудничают по вопросам окружающей среды и развития со многими государствами мира [Приходько и др. 2009: 160–161]. Из примерно трехсот многосторонних экологических соглашений, которые существуют на сегодняшний день, Индия подписала более 70, а Китай – более 50. К важнейшим соглашениям последнего времени, подписанным и ратифицированным обеими странами, можно отнести Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 2000 г. [Картахенский...] и Стокгольмскую конвенцию о стойких органических загрязнителях 2001 г. [Стокгольмская...]. Обязательства, принятые на себя Индией и Китаем, в рамках данных соглашений оказали значительное долгосрочное влияние на внутреннюю экологическую политику. Кроме того, цели данных международных соглашений без участия крупнейших развивающихся стран были бы недостижимы. Похожим образом обстояла ситуация и с принятием Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой [Монреальский...], который часто называют самым крупным успехом глобальной экологической политики: без участия Китая, мирового лидера по производству фреонов в начале 1990-х гг., данный договор оказался бы неэффективным [Mol 2010: 391; Mol *et al.* 2006: 163–164; Sawhney 2004: 17]. Нельзя, однако, забывать и о том, что во время международных переговоров о возможных ограничительных мерах экологического характера и Китай, и Индия нередко выступают против жестких регулятивных мер [Матвеева 2010: 154], что с учетом их все возрастающего влияния в мире дает мало поводов для оптимизма. Особенно хорошо это видно на примере наиболее актуальной сегодня в глобальном экополитическом дискурсе проблемы – проблемы изменения климата.

Проблема изменения климата в последние несколько лет стала одной из самых популярных и в национальных дискурсах Китая и Индии. Во многих публикациях, выступлениях и документах по всему миру климатические изменения, связываемые с выбросами парниковых газов (прежде всего углекислого газа), все чаще ассоциируются с экономическим развитием Китая и Индии: КНР в настоящий момент занимает первое место по объемам выбросов углекислого газа, а РИ – третье [World...]. В рамках Киотского протокола развивающиеся страны, в том числе Индия и Китай, никаких обязательств по сокращению выбросов на себя не взяли [Киотский протокол...], однако очевидно, что международные усилия по сокращению парниковых выбросов в посткиотский период без участия Индии и Китая окажутся тщетными. Между тем ни в Копенгагене в 2009 г., ни в Канкуне в 2010 г. никаких значимых успехов по созданию нового глобального режима борьбы с глобальными изменениями климата достичь не удалось. Политики и общественность в Китае, Индии и других развивающихся странах справедливо отмечают, что нынешние глобальные экологические проблемы являются в первую очередь результатом развития стран Севера, а потому жители стран Юга не должны отказываться от развития в пользу благополучия жителей богатых стран. Действительно, уровень потребления, производства отходов [Naughton 2007: 76] и парниковых выбросов на душу населения в Индии и Китае значительно меньше, чем в развитых странах [World...]. Некоторые индийские общественные деятели открыто обвиняют развитые страны в нынешнем экологическом кризисе [Чтобы помочь...]. Другие заявляют, что изменениями климата жителей Индии, которым знакомы постоянные засухи и голод, не напугать [Tailor 2007: 87]. Китайские политики, отказывающиеся от обязательств по ограничению выбросов парниковых газов, утверждают, ссылаясь на экологическую кривую Кузнецца, что вместе с развитием сократятся и выбросы [Naughton 2007: 496].

Впрочем, большая часть научного сообщества и политического истеблишмента обеих стран все же признает необходимость глобального сокращения выбросов в целях борьбы с изменениями климата, чреватými непредсказуемыми последствиями как для человека, так и для других живых существ [Kumari Veena, Bipin Bihari Lal 2010: 787–792]. Для того чтобы добиться успехов в данном направлении, необходимо в первую очередь совершенствовать технологии, повышать энергоэффективность, снижать зависимость от углеводородов [Пискулова 2010: 30]. Без технологического и финансового участия развитых стран, а также без широкого применения экономических инструментов в глобальном регулировании это, однако, труднодостижимо [Ван Лидун, Дун Яжун 2010: 56–58; Saluja 2008: 950–956]. Страны Севера должны признавать право стран Юга на развитие, а борьба с бедностью должна быть не менее приоритетной задачей, чем борьба с глобальными экологическими проблемами [Haron, Rashid 2007: 297–304].

В качестве еще одного средства борьбы с изменением климата учеными и общественностью обеих стран предлагаются масштабные лесопосадки, которые также могут помочь и в решении социально-экономических проблем [Кэ Шуйфа и др. 2010: 6–12]. Не стоит, однако, думать, что лесопосадки являются панацеей против всех экологических проблем, как это видится многим представителям ин-

дийской общественности [Для защиты...]. Данная мера будет эффективна лишь в контексте комплексного подхода к проблеме.

Подобные подходы характерны в основном для китайского научного дискурса. Так, согласно мнению китайских ученых, для решения такой сложной задачи, как снижение выбросов углекислого газа в условиях необходимости дальнейшего увеличения ВВП на душу населения и преимущественно угольной энергетики, необходим постепенный переход к «зеленому развитию», низкоуглеродистой «круговой экономике», экологически чистому производству и потреблению [Пин Чжицзюнь, Чжоу Жун 2010: 1–7]. Последний момент представляется наиболее актуальным, так как объемы выбросов углекислого газа обусловлены в значительной степени именно моделями потребления [Ян Сюаньмэй и др. 2010: 35–40]. От того, какие модели потребления выберут граждане Индии и Китая, во многом зависит будущее всего мира.

Глобальные экологические проблемы неотделимы от мировоззрения жителей Земли, каждый третий из которых сегодня является китайцем или индийцем, а потому не может не радовать тот факт, что в обеих странах есть значимые философские экологические концепции. Как уже упоминалось, в Индии достаточно часто обращаются к традиционной этике. Еще чаще, однако, ученые и политики обращаются к идеям Махатмы Ганди. Так, во многих текстах цитируется его высказывание о том, что «Земли достаточно для того, чтобы удовлетворить нужды каждого, но ее недостаточно для удовлетворения жадности каждого» [Tailor 2007: 167]. Некоторые авторы обращаются к другой истории. Британец, покидающий Индию, спросил с сарказмом у Ганди: «Господин Ганди, сколько, по Вашему мнению, времени потребуется Индии, чтобы достичь уровня жизни британцев?» Ответ не заставил себя ждать: «Сэр, для того, чтобы британцы смогли достичь этого уровня, потребовалось больше половины всех ресурсов Земли. Сколько же планет нужно для того, чтобы Индия с ее размерами и населением достигла такого уровня жизни?» [Sudhakara 2008: 77]. Таким образом, ограниченность ресурсов и невозможность повторения пути развитых стран достаточно ясно осознаются многими представителями индийского общества.

В китайском научном и общественно-политическом дискурсе, в свою очередь, весьма популярна концепция «третьей цивилизации». По мнению ее авторов, Китай был значительной частью первой – сельскохозяйственной – цивилизации, однако шанс сыграть важную роль в становлении второй – индустриальной – цивилизации был им упущен. Сейчас же у Китая, несмотря на трудности – огромное население, нехватку ресурсов и высокий уровень загрязнения, – есть историческая возможность стать частью третьей – экологической – цивилизации, построить гармоничное общество и перейти к устойчивому развитию [Сун Юйцинь, Е Вэньху 2009: 119–124]. Экологическая цивилизация рассматривается одними авторами в качестве некой идеализированной формы социалистического общества, основанного на самодисциплине и осознании взаимозависимости [Жуй Цюн, Син Хуафэн 2009: 43–46], тогда как другие видят в ней возрожденную китайскую цивилизацию. Главным отличием данной философской концепции от индийских размышлений о будущем является акцент на научной, а не на этической составляющей; стремление к дальнейшему прогрессу, а не возвращение к «утраченным ценностям» [Ци Е, Цай Цинь 2008: 1–6]. Обращения к традиционной культуре

[Ли Чуньян и др. 2008: 29–31] встречаются гораздо реже, чем апелляции к социалистическим мыслителям [Ван Гуйцзюань 2010: 1–4].

Тем не менее не стоит переоценивать роль этих концепций в китайском и индийском обществах. Ориентация на западные ценности и модели потребления, стремление достичь уровня жизни развитых стран, низкий уровень экологического сознания – пока именно эти факторы являются определяющими. Кроме того, сами экологические концепции ориентированы в первую очередь на национальные интересы обеих стран, а потому если в ближайшем будущем Индия и Китай и станут экологическими сверхдержавами, то только по степени своего влияния на глобальную экологическую политику, а не в результате принятия на себя глобальной экологической ответственности.

Экономические, политические и культурные процессы глобализации оказывают существенное влияние на состояние окружающей среды и экологическую политику Индии и Китая. Международная торговля приводит в этих странах к абсолютному увеличению объемов выпуска продукции, что негативно сказывается на состоянии окружающей среды. Также она может приводить к специализации развивающихся стран на экологически опасных производствах, что подтверждается в Китае и опровергается в Индии. Кроме того, негативное влияние на экологическую ситуацию в обоих государствах оказывает импорт отходов из развитых стран. При этом прямые иностранные инвестиции в экологически чистые производства и «зеленую промышленность» Китая и Индии оказывают положительное влияние на состояние окружающей среды. «Экологический протекционизм», давление со стороны международных организаций, модели потребления в развитых странах – все это вынуждает правительства Китая и Индии ужесточать экологическое законодательство, повышать требования к экспортно ориентированным производствам и поддерживать внедрение новых технологий. Целевые иностранные инвестиции в экологические проекты со стороны международных организаций и развитых государств, в свою очередь, увеличивают возможности экологического регулирования. Меняется в ходе политической и культурной глобализации и отношение населения двух стран к экологическим проблемам. Все большую роль в Индии и (в меньшей степени) Китае играют международные неправительственные организации.

Растущее воздействие Индии и Китая на состояние окружающей среды в соседних странах позволяет говорить о них как о региональных экологических державах. Похожим образом обстоит ситуация и в глобальном измерении. Китай и Индия входят на сегодняшний день в тройку крупнейших эмитентов парниковых газов на планете, не имея при этом международных обязательств по сокращению выбросов. Китай также добывает за рубежом и импортирует значительное количество природно-сырьевых ресурсов, включая энергоносители и древесину, что оборачивается проблемами для окружающей среды как в странах-экспортерах, так и во всем мире. Кроме того, Китай и – в меньшей степени – Индия обладают большим влиянием среди развивающихся стран. Наконец, обе страны имеют значительный политический вес на глобальной арене. Очевидно, что для создания эффективного механизма борьбы с глобальным изменением климата и фактически с любой другой глобальной экологической проблемой участие двух стран необходимо. Нынешний эколополитический курс, приоритеты развития и национальные экологические концепции, однако, не позволяют говорить о стремлении этих

стран принять на себя глобальную экологическую ответственность, а потому в этом смысле в ближайшем будущем экологическими сверхдержавами Китай и Индия не станут.

Литература

Аннаев А. Экология: подводные камни экономического развития Индии // Азия и Африка сегодня. 2010. № 4. С. 54–55.

Бирюлин Е. В. Экологическая катастрофа на Сунгари // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 122–127.

Ефременко Д. В. Влияние крупного бизнеса на теорию и практику глобальной экологической политики // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8.

Нодь И., Асанте-Дуа Д. К., Рыжов В. Проблематика международных экологических конфликтов // Общество и экономика. 2001. № 1.

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии [Электронный ресурс] : Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата [Электронный ресурс] : United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf> (дата обращения: 05.05.2011).

Матвеева Е. В. Экологическая политика мирового сообщества во второй половине XX – начале XXI века // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 1.

Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой [Электронный ресурс] : Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/montreal.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

Пискулова Н. Развитие мировой экономики: экологический вектор // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12.

Приходько Н. Н., Черная В. Ю., Чан Янь. Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 160–161.

Рогожина Н. Г. Новые тенденции в экологической политике развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 4.

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях [Электронный ресурс] : International POPs Elimination Network. URL: http://www.ipen.org/ipenweb/documents/un%20documents/convtext_ru.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

Ушаков И. В. Китай: проблемы внутренней и внешней политики. Китай: экологический вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12.

Шварц Е. А., Аверченков А. А., Бобылев С. Н., Герасимчук И. В. Экологическая политика и международная конкурентоспособность российской экономики // Общественные науки и современность. 2009. № 4.

韩旭. 中国环境污染与经济增长的实证研究//《中国人口资源与环境》2010年第4期 : 85–89页。 [Хань Сюй. Загрязнение окружающей среды в Китае и экономический

рост: эмпирическое исследование // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 4. С. 85–89].

傅京燕. 国际贸易中“污染避难所效应”的实证研究述评//《中国人口资源与环境》2009年第4期: 13–18页。 [Фу Цзинянь. Международная торговля и эффект «убежища для загрязнителей»: обзор эмпирических исследований // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2009. № 4. С. 13–18].

傅京燕、张珊珊. 中美贸易与污染避难所假说的实证研究——基于内含污染的视角//《中国人口资源与环境》2011年第2期: 11–17页。 [Фу Цзинянь, Чжан Шаньшань. Китайско-американская торговля и загрязнение с точки зрения гипотезы «убежища для загрязнителей» // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2011. № 2. С. 11–17].

丁焕峰、李佩仪. 中国区域污染影响因素: 基于EKC曲线的面板数据分析//《中国人口资源与环境》2010年第10期: 117–122页。 [Дин Хуаньфэн, Ли Пэйи. Региональное загрязнение: анализ данных многомерного временного ряда на основе экологической кривой Кузнецца // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 10. С. 117–122].

我国核辐射信息将不定期发布//人民日报 [Наша страна будет периодически публиковать информацию об уровне радиации] [Электронный ресурс]: Жэньминь жибао. URL: <http://env.people.com.cn/GB/14540832.html> (дата обращения: 05.05.2011).

पर्यावरण से हो रहा खिलवाड़: प्रो. शर्मा // दैनिक भास्कर [Чтобы помочь окружающей среде, необходимо слушать: Профессор Шарма] [Электронный ресурс]: Dainik Bhaskar. URL: <http://www.bhaskar.com/article/HAR-OTH-1024447-1616818.html> (дата обращения: 05.05.2011).

王立栋、董亚荣. 日常生活中“低碳生活”的几点思考//《中国环境管理干部学院学报》2010年第6期: 56–58页。 [Ван Лидун, Дун Яжун. Размышления о ежедневной «низкоуглеродистой жизни» // Китайский институт по экологическому управлению. 2010. № 6. С. 56–58.]

柯水发、潘晨光、温亚利、潘家华、郑艳. 应对气候变化的林业行动及其对就业的影响//《中国人口资源与环境》2010年第6期: 6–12页。 [Кэ Шуйфа, Пань Чэньгуан, Вэнь Яли, Пань Цзяхуа, Чжэн Янь. Лесное хозяйство в качестве средства борьбы против изменения климата и его влияние на занятость населения // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 6. С. 6–12.]

पेड़ लगाकर पर्यावरण संरक्षण का संकल्प लिया // दैनिक भास्कर [Для защиты окружающей среды решено сажать деревья] [Электронный ресурс]: Dainik Bhaskar. URL: <http://www.bhaskar.com/article/RAJ-OTH-1285679-1965845.html> (дата обращения: 05.05.2011).

冯之浚、周荣. 低碳经济: 中国实现绿色发展的根本途径//《中国人口资源与环境》2010年第4期: 1–7页。 [Пин Чжицзюнь, Чжоу Жун. Низкоуглеродистая экономика: Китаю необходим переход к «зеленому» развитию // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 4. С. 1–7].

杨选梅、葛幼松、曾红鹰。基于个体消费行为的家庭碳排放研究//《中国人口资源与环境》2010年第5期:35–40页。 [Ян Сюаньмэй, Гэ Юсун, Цзэн Хунин. Выбросы углекислого газа отдельными семьями на основании их потребительского поведения // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 5. С. 35–40].

宋豫秦、叶文虎。第三次文明//《中国人口资源与环境》2009年第4期:119–124页。 [Сун Юйцин, Е Вэньху. Третья цивилизация // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2009. № 4. С. 119–124].

芮琼、邢化峰。生态文明:社会主义和谐社会的主要基础//《中国环境管理干部学院学报》2009年第3期:43–46页。 [Жуй Цюн, Син Хуафэн. Экологическая цивилизация: основа гармоничного социалистического общества // Китайский институт по экологическому управлению. 2009. № 3. С. 43–46].

齐晔、蔡琴。中华文明的生态复兴:兼论生态文明思想的科学基础//《中国人口资源与环境》2008年第6期:1–6页。 [Ци Е, Цай Цинь. Экологическое возрождение китайской цивилизации, научные основы экологической цивилизации // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2008. № 6. С. 1–6].

李春阳、毕会娜、鲍禹。如何树立生态文明新理念//《中国环境管理干部学院学报》2008年第1期:29–31页。 [Ли Чуньян, Би Хойно, Бао Юй. К вопросу о создании новой концепции экологической цивилизации // Китайский институт по экологическому управлению. 2008. № 1. С. 29–31].

王桂娟。论马克思主义的生态文明思想//《中国环境管理干部学院学报》2010年第4期:1–4页。 [Ван Гуйцзюань. К вопросу о марксистской экологической цивилизации // Китайский институт по экологическому управлению. 2010. № 4. С. 1–4].

Chinese Regulations on Incoming Waste [Электронный ресурс]: Agentschap NL. URL: <http://www.agentschapnl.nl/programmas-regelingen/chinese-regulations-incoming-waste> (дата обращения: 11.05.2011).

Cole M. A., Elliott R. J. R., Fredriksson P. G. Endogenous Pollution Havens: Does FDI Influence Environmental Regulations? // *Scandinavian Journal of Economics*. 2006. Vol. 108. No. 1. Pp. 157–178.

Copeland B. R., Taylor M. S. North-South Trade and the Environment // *The Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol. 109. No. 3. Pp. 755–787.

Dietzenbacher E., Mukhopadhyay K. An Empirical Examination of the Pollution Haven Hypothesis for India: Towards a Green Leontief Paradox? // *Environmental and Resource Economics*. 2007. Vol. 36. No. 4. Pp. 427–449.

Govt May Ban Import of E-waste [Электронный ресурс]: The Times of India. URL: http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2010-09-06/india/28255098_1_e-waste-electronic-waste-second-hand-computers (дата обращения: 11.05.2011).

Haron M. J., Rashid K. A. Environment and its Changing Perspectives on Development // *Journal of Environmental Research and Development*. 2007. Vol. 1. No. 3. Pp. 297–304.

Illiyan Asheref. The Emerging Issue of Electronic Waste in India // Problems and Prospects of Environment Policy: Indian Perspective / ed. by M. S. Bhatt, Shahid Ashraf, Asheref Illiyan. Delhi : Aakar Books, 2008.

Kumari Veena, Bipin Bihari Lal. Climate Change – a Major Threat to Wetlands: a Case Study of Bhalki Wetlands (India) // Journal of Environmental Research and Development. 2010. Vol. 4. No. 3. Pp. 787–792.

Leung A., Zong Wei Cai, Ming Hung Wong. Environmental Contamination from Electronic Waste Recycling at Guiyu, Southeast China // Journal of Material Cycles and Waste Management. 2006. Vol. 8. No. 1. Pp. 21–33.

Mukhopadhyay K., Chakraborty D. Environmental Impacts of Trade in India // The International Trade Journal. 2005. Vol. 19. No. 2. Pp. 135–163.

Mol A. P. J., Carter N. T. China's Environmental Governance in Transition // Environmental Politics. 2006. Vol. 15. No. 2.

Mol A. P. J. Environmental Reform in Modernizing China // The International Handbook of Environmental Sociology / ed. by M. R. Redclift, G. Woodgate, 2nd edition. Cheltenham : Edward Elgar, 2010. Pp. 390–391.

Naughton B. The Chinese Economy: Transitions and Growth. Cambridge, Mass. : MIT Press, 2007.

Pakistan to Raise River Pollution Issue with India at Indus Commission Meeting [Электронный ресурс] : Andhra News. URL: <http://www.andhranews.net/Intl/2007/May/28/Pakistan-raise-2619.asp> (дата обращения: 11.05.2011).

Pollution, Indifference Taint India's Sacred River [Электронный ресурс] : NPR. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=16709008> (дата обращения: 11.05.2011).

Posco's Orissa project: Many Hurdles Lie Ahead Despite Environment Ministry's Approval [Электронный ресурс] : The Times of India. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/news/poscos-orissa-project-many-hurdles-lie-ahead-despite-environment-ministrys-approval/articleshow/8189409.cms> (дата обращения: 11.05.2011).

Sudhakara R. B. Environment, Development and the Role of Technology // Problems and Prospects of Environment Policy: Indian Perspective / ed. by M. S. Bhatt, Shahid Ashraf, Asheref Illiyan. Delhi : Aakar Books, 2008.

Ruud A. Environmental Management of Transnational Corporations in India: Are TNCs Creating Islands of Environmental Excellence in a Sea of Dirt? // Business Strategy and the Environment. 2002. Vol. 11. No. 2. Pp. 103–118.

Saluja D. Sustain Environment Sustain Lives // Journal of Environmental Research and Development. Vol. 2. No 4C. Pp. 950–956.

Sawhney A. The New Face of Environmental Management in India. Aldershot : Ashgate, 2004.

So M. K., Taniyasu S., Yamashita N., Giesy J. P., Zheng J., Fang Z., Im S. H., Lam P. K. S. Perfluorinated Compounds in Coastal Waters of Hong Kong, South China, and Korea // Environmental Science and Technology. 2004. Vol. 38. No. 15. Pp. 4056–4063.

Taylor N. D. Environmental Change in India. Jaipur : Oxford Book Company, 2007.

The UK's New Rubbish Dump: China [Электронный ресурс] : The Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/society/2004/sep/20/environment.china> (дата обращения: 11.05.2011).

Trade to Expand by 9,5 % in 2010 after a Dismal 2009, WTO Reports [Электронный ресурс] : World Trade Organization. URL: http://www.wto.org/english/news_e/pres10_e/pr598_e.htm (дата обращения: 11.05.2011).

Ueno Daisuke, Natsuko Kajiwara, Hiroyuki Tanaka, Annamalai Subramanian, Fillmann G., Lam P. K. S., Zheng G. J., Muswerry Muchitar, Hamidah Razak, Prudente M., Kyu-Hyuck Chung, Shinsuke Tanabe. Global Pollution Monitoring of Polybrominated Diphenyl Ethers Using Skipjack Tuna as a Bioindicator // Environmental Science and Technology. 2004. Vol. 38. No. 8. Pp. 2312–2316.

World Development Indicators [Электронный ресурс] : World Bank. URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators?cid=GPD_WDI (дата обращения: 15.05.2011).

ВОЗМОЖНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМОЙ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Игнатова Т. В.

д. э. н., профессор, зав. кафедрой экономической теории
и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

E-mail: tignatova@aaanet.ru

Подольская Т. В.

к. э. н., доцент, докторант ЮРИУ РАНХиГС.

E-mail: tvkuraeva@mail.ru

В статье рассматриваются существующие в мировой финансовой системе проблемы и противоречия, ставшие детонатором кризисных процессов. Выстраивание механизма глобального управления мировой финансовой системой должно быть направлено на преодоление существующих диспропорций и отрицательного макро- и мегаэкономического эффекта от спекулятивных финансовых инноваций. Острой проблемой представляется противопоставление интересов США, имеющих особый статус в мировой валютной системе благодаря доминированию своей национальной валюты, интересам остальных стран, заинтересованных в стабильной и предсказуемой мировой финансовой системе.

Ключевые слова: *глобальная финансовая система, Международный валютный фонд (МВФ), кредитный механизм, международные финансовые отношения, техническая помощь, экономический кризис, финансовый кризис, глобальное регулирование, валютный кризис.*

The article considers the existing global financial system problems and contradictions that have become the cause of crisis processes. Formation of the mechanism of global regulation global financial system should be aimed at overcoming of existing disproportions and negative macro- and megaeconomic effect of speculative financial innovations. The most important problem is the opposition of interests of U.S. that have the special status in the world monetary system due to the prevalence of national currency, interests of the countries which are interested in stable and predictable world financial system.

Ключевые слова: *global financial system, International Monetary Fund (IMF), credit mechanism, international financial relations, technical assistance, economic crisis, financial crisis, global regulation, currency crisis.*

Современный мировой финансово-экономический кризис и его глобальные негативные последствия остро ставят вопрос о необходимости поиска механизмов стабилизации мировой финансовой системы. Детонатором кризисных процессов и последовавшей за ними рецессии в большинстве экономик как развивающихся, так и развитых государств стала дестабилизация на финансовых рынках.

В условиях мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и развертывания процессов своеобразной национализации даже в странах с развитой рыночной экономикой проблемы управления госкорпорациями, финансового оздоровления институтов, перешедших в государственную собственность либо получивших стабилизационные кредиты и государственные гарантии, приобретают действительно глобальный характер, так как от их эффективного решения национальными правительствами крупнейших стран зависит экономическое и политическое положение в остальных государствах, темпы и траектория выхода из кризиса всей мировой экономики.

Эксперты целевой группы секретариата ЮНКТАД по системным вопросам и экономическому сотрудничеству отмечают, что «сбой финансовых рынков потряс наивную веру в то, что ничем не ограниченная финансовая либерализация и невмешательство государства приведут к максимизации благосостояния» [The Global... 2009: 8]. В сложившейся ситуации приходится констатировать, что саморегулирование на рыночных началах в мировой финансовой системе неэффективно и неспособно обеспечить стабильность функционирования данного сектора. В свою очередь финансовый сектор, будучи наиболее глобализованным сегментом мировой экономики, трансформировался настолько, что очень ограниченно поддается регулированию со стороны как отдельных государств, так и институтов надгосударственного регулирования.

На современном этапе механизм международного регулирования финансовой сферы представляет собой многоуровневую совокупность институтов и соглашений, географически не сбалансированных и сильно разнящихся по продуктивности и эффективности своей деятельности, в связи с чем ряд экспертов говорит о недостаточности «организационной структуры» глобального экономического порядка в виде трех многосторонних институтов Бреттон-Вудской системы (Всемирного банка, Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации) [Квинт 2009: 19]. Дело в том, что учрежденные еще в 1944 г. эти надгосударственные институты, на которые возложены полномочия по регулированию мировой валютной системы, существенно не трансформировались, в то время как сама мировая финансовая система кардинально изменилась.

Что касается ограниченности воздействия на финансовый сектор отдельных государств, то данный факт в первую очередь связан с процессами либерализации национальных финансовых рынков. В погоне за иностранными инвестициями большинство стран максимально либерализовали свое валютное законодательство, обеспечив беспрепятственное трансграничное перемещение капитала как гарантию возможности для инвесторов его свободного изъятия из зарубежной юрисдикции. Это обеспечило высокую пространственно-временную динамику [Желтоносов, Бондарев 2010: 23], которая стала характерной для финансового капитала. Но это одновременно сделало невозможным прямое регулирующее воздействие на спекулятивный финансовый сектор ни в национальных рамках, ни в рамках отдельно взятого региона мировой экономики, так как приведет только к оттоку финансовых ресурсов из соответствующих территорий.

Фактически объем финансовых инструментов, на которые отдельные государства могут эффективно воздействовать традиционными методами, можно оценить как 1/5 от всех обращающихся на мировом рынке (реальная стоимость фи-

нансовых инструментов приблизительно в том объеме, в котором обращается не-спекулятивный капитал [Бузгалин, Колганов 2007: 223]), которые являются связанными с воспроизводственными процессами в национальных экономиках и требующими определенного временного лага для трансграничного перемещения (за исключением экономики США ввиду доминантного положения доллара в мировой валютной системе).

В свою очередь тиражирование финансовых инноваций привело к формированию огромной диспропорции между объемом производственной и финансовой сфер, когда количество финансовых инструментов превышает размер реальной мировой экономики более чем в 10 раз, в то время как это соотношение в большинстве национальных экономик стран мира составляет 1:2 (за исключением экономики США). Данный факт в первую очередь связан со взрывным развитием рынка срочных финансовых активов и ростом спекулятивных операций на финансовом рынке. Если в 1980 г. мировые финансовые активы были примерно равны мировому ВВП (12 и 10 трлн долларов соответственно), то в 2007 г. они составляли 195 трлн долларов [Farell *et al.* 2008], а с учетом вторичных деривативов объем финансовых активов превышал мировой ВВП уже в 12 раз [Бузгалин, Колганов 2009: 25]. В 2008 г. объем мировых финансовых активов несколько снизился под влиянием кризиса, составив 178 трлн долларов, но, тем не менее, финансовая глубина (отношение объема финансовых активов к мировому ВВП) сохранилась на значительном уровне и составила 293 %, что чуть ниже аналогичного показателя 2003 г. [Roxburgh *et al.* 2009].

В 2008 г. прервался повышательный тренд динамичного роста объема финансовых активов в мировой экономике, впервые с 1980 г. Такой отрыв финансового сектора от воспроизводственных процессов привел к усилению волатильности всех сегментов мирового финансового рынка, которая с течением времени только возрастает.

В результате данного отрыва финансовая сфера стала самодостаточной. Обеспечивая доходность, измеряемую в докризисный период двузначными числами на фоне роста мировой экономики всего на несколько процентов, финансовый рынок стал оказывать значительное негативное влияние на реальную экономику. Так, на мировом финансовом рынке в пользу спекулянтов, ничего не создающих и использующих в подавляющем большинстве заемный капитал, происходит перераспределение существенной части доходов, создаваемых в производственной сфере. Хаотичные спекуляции создают прямые помехи для межстранового экономического оборота и искажают систему ценообразования. Одновременно высокая доходность спекулятивных операций делает вложение в них средств более привлекательным, чем в производство, давая дополнительный толчок для развития виртуальных финансов и дальнейшей автономизации финансовой сферы. На современном этапе глобальные финансовые рынки превратились в «инструмент перераспределения средств от относительно менее богатых к относительно более богатым организациям, физическим лицам и целым странам» [Заложнев и др. 2009: 10].

В результате этого финансовые инструменты, не потеряв способности стимулировать экономическое развитие, одновременно превратились в механизм воспроизводства долгов и мультипликации рисков. Срочные финансовые активы, изначально созданные как инструмент хеджирования рисков, трансформирова-

лись в широко используемый инструмент получения сверхприбыли на основе эксплуатации спекулянтами такого их свойства, как значительный финансовый рычаг. Таким образом, произошла трансформация роли срочного рынка: из инструмента хеджирования риска он превратился в механизм извлечения сверхприбыли за счет принятия экстремально высокого риска [Киселев 2010: 11] и, как следствие, его мультипликации в мировой финансовой системе. А высокочастотные торги, моментальные торги и черные пулы, основанные на двух важнейших инновациях: развитии электронных торгов и тесно связанных с ними альтернативных систем торгов, создают непосредственную угрозу для стабильности финансовой системы и рассматриваются как инновации с сомнительными результатами [Додд 2010: 26].

Мировой опыт свидетельствует о том, что опорными столпами рыночной экономики, залогом ее высокой эффективности являются финансово-промышленные группы, трастовые и холдинговые компании, транснациональные корпорации. Они образуют целую сетью малых и средних предприятий, которые также нуждаются в активной поддержке правительственных структур и местных органов. Во многих странах правительства исключают из списков на приватизацию отрасли инфраструктуры, имеющие высокую капиталоемкость и требующие постоянных государственных дотаций: электроэнергетику, каналы, трубопроводы, портовые сооружения, почту, связь, железные дороги и пр. В Аргентине, напротив, приватизация началась с крупных предприятий (железные дороги, телекоммуникации, воздушный транспорт, государственные платные дороги).

Значительную роль в увеличении отрыва реального сектора от финансового играет уменьшение товарной составляющей ВВП подавляющего большинства стран в условиях постиндустриальной экономики, что влечет за собой снижение количества объектов, которые можно использовать в качестве залоговых инструментов. Наблюдаемая виртуализация стоимости [Черникова 2010: 32] привела к тому, что большинство финансовых инструментов, созданных в мировой экономике в последнее десятилетие с использованием так называемых финансовых инноваций, не имеет материальной основы их обеспечения и погашения, а это формирует колоссальные рискованные позиции.

Динамичный рост сложных секьюритизированных продуктов, например производных инструментов «высоких порядков», оторванных от базисных активов («спорных» финансовых инноваций, по классификации К. Перес), привел к резкому увеличению соотношения между собственными и заемными средствами банковских структур и маскировал собой базовые риски. Объем производных кредитных инструментов, который в 2001 г. был достаточно незначительным, к началу кризиса в Соединенных Штатах (2007 г.) составил приблизительно 50 трлн долларов США [Bhattacharya 2009: 41]. Следует согласиться с мнением К. Перес, что такие финансовые инновации усугубляют экономическую нестабильность и просто «общественно нежелательны» [Perez, Elgar 2002].

Причем парадокс заключается в том, что одновременно наблюдается тенденция снижения способности финансов стимулировать экономический рост, так как наиболее динамичное развитие в последнее время демонстрируют те страны, которые слабо зависят от притока капитала [Rodrik, Subramanian 2008: 5]. Таким образом, финансовые инструменты становятся более склонными не к стимулированию экономического развития, а к продуцированию в мировую экономику

большого количества рисков. Следовательно, большинство финансовых инноваций можно классифицировать как финансовые инструменты с отрицательным макро- и мега- (для мировой экономики) экономическим эффектом при сохранении ими положительного коммерческого эффекта для эмитентов и инвесторов, за исключением последнего держателя финансового инструмента на момент «схлопывания» финансового рынка и резкого обесценения данного актива.

Отрицательный макро- и мегаэкономический эффект финансовых инноваций выражается не только в «вымывании» капиталов из реального сектора в пользу финансовых спекуляций, но и в высокой цене, которую платит мировое сообщество при наступлении финансовой дестабилизации: росте темпов инфляции, безработицы, обесценении сбережений и снижении уровня заработной платы, а также больших расходах, которые осуществляют правительства стран при проведении антикризисных мер. Так, расходы на антикризисные мероприятия по состоянию на октябрь 2008 г. в ряде стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (в США, Германии, Японии, Канаде, Испании, Австралии и Южной Корее) составили более 3,5 % ВВП. Стоимостная оценка произведенных расходов по 22 странам – членам ОЭСР представлена в таблице.

В результате реализованных государствами мер для минимизации и преодоления негативного влияния кризиса произошло беспрецедентное для мирного времени увеличение государственного долга. Прогнозировалось, что в 2014 г. отношение долга к валовому внутреннему продукту в развитых странах повысится в среднем до 115 % в сравнении с показателем 75 % в 2007 г. К 2014 г. коэффициент долга составлял около 80 и более процентов во всех странах G7, за исключением Канады (то есть в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Японии и США) [Cottarelli, Viñals 2009: 21].

Таблица

Расходы на проведение антикризисных мероприятий в странах – членах ОЭСР (прямые расходы и налоговые стимулы), октябрь 2008 г. (млн долларов США)

Наименование страны	Объем расходов	Наименование страны	Объем расходов
США	804 070	Дания	8 668
Германия	107 789	Финляндия	8 575
Япония	99 992	Бельгия	8 016
Канада	61 551	Чехия	6 500
Испания	56 754	Новая Зеландия	5 404
Австралия	45 673	Польша	5 145
Южная Корея	42 667	Австрия	4 600
Великобритания	38 003	Швейцария	2 486
Франция	18 568	Люксембург	1 968
Нидерланды	13 367	Португалия	1 963
Швеция	13 109	Словакия	35

Источник: Innovation...

Ранее значительный рост долга фиксировался в 1930-х гг., но он был существенно более низкого уровня (например, в США в 1929 г. коэффициент долга со-

ставлял 20 % ВВП). Таким образом, кризис в мировой финансовой системе привел к беспрецедентному росту потенциальных рисков в бюджетных финансах, возник риск дефолта в Греции, Ирландии, Португалии, Италии и Испании. Так, кризис корпоративного долга и проблем с ликвидностью банковских структур на первой волне кризиса в 2008–2010 гг. трансформировался в кризис государственного долга на второй волне 2011–2012 г.

Не случайно временные рамки второй волны кризиса обозначены нами не только текущим годом. Дело в том, что накопившиеся у ряда государств долговые проблемы не могут быть решены достаточно быстро. Так, несмотря на принятое в рамках Евросоюза решение о списании 50 % долга Греции в размере 100 млрд евро, это, по мнению экспертов международного рейтингового агентства Fitch, проблемы республики не решит и все равно доведет ее до дефолта. При таком объеме списания государственный долг Греции будет по-прежнему оставаться недопустимо высоким – по прогнозам, к 2013 г. его соотношение к ВВП вырастет до 142 % и только к 2020 г. снизится до 120 % [Кривошапко]. В реальности это соотношение превысило прогнозы и составило 158 %.

Не столь катастрофичная, но тем не менее сложная ситуация у вышеперечисленных стран – членов G7. Этим странам, имеющим коэффициент долга более 60 % ВВП, для его минимизации, по расчетам Департамента по бюджетным вопросам МВФ, к 2014 г. придется поддерживать средний первичный профицит на уровне 4,5 % начиная с 2014 г., что означает переход в режим жесткой экономии бюджетных ресурсов. Эти меры позволят сократить уровень долга к 2030 г. всего лишь до 60 % ВВП [Horton *et al.* 2009: 19]. Одновременно рост долга снизил потенциал реагирования на новые кризисные процессы.

В создавшейся ситуации, учитывая бесспорное наличие отрицательного макро- и мегаэкономического эффекта финансовых инноваций и спекуляций, а также огромные средства, направленные государствами на преодоление кризисных процессов и стабилизацию национальных финансовых систем, страны являются теми акторами мировой экономики, которые в первую очередь должны быть заинтересованы в преодолении сложившейся ситуации. Но несмотря на понимание, что современный порядок функционирования мировой финансовой системы не обеспечивает стабильных условий для всей мировой экономики, на встречах на высшем уровне, в том числе и в составе G20, пока не удалось заложить основы принципиально новой мировой финансовой архитектуры. Все соглашаются с необходимостью реформ, но понимания того, кто чем будет заниматься, пока нет.

Вопросами о будущем устройстве механизма регулирования мировой финансовой системы задаются как ведущие экономисты-теоретики, так и практики. Комментируя сложившуюся ситуацию в мировом финансовом секторе, лауреат Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглиц заметил, что необходимо вернуться к разработке системы ее регулирования. Причем он категорично заявил, что «регулирование должно носить глобальный характер. Но если нам не удастся достигнуть глобального соглашения, странам придется действовать и защищаться» [Andersen 2011: 51].

По мнению В. Мау, основные подходы к выработке новой модели регулирования включают в себя решение дилеммы «производительность труда или капитализация», понимание того, какой будет новая мировая денежная архитектура и резервная валюта, нахождение нового геополитического баланса сил [Мау 2009].

В действительности возникает ощущение, что защищаться национальным юрисдикциям придется в самое ближайшее время. С наступлением текущего кризиса процессы, наблюдаемые на мировом финансовом рынке, стали определяться милитаристскими понятиями «валютная война» и «экономический терроризм» [Еврогруппа...]. Представляется, что данный факт свидетельствует о крайнем обострении ситуации и жестком столкновении интересов участников финансовых рынков.

Призыв к немедленному реформированию глобальной финансовой системы прозвучал и от главы Европейского центрального банка Жан-Клода Трише. Хотя его оценка решения Европейского центробанка и других мировых финансовых институтов о проведении до конца года трех дополнительных операций по предоставлению нуждающимся банкам ликвидности в долларах кажется завышенно оптимистичной. По словам Ж.-К. Трише, данное решение является «четким доказательством сотрудничества на глобальном уровне и наличия единой цели» [Трише...]. Безусловно, данное решение является доказательством сотрудничества, а вот по поводу наличия единой цели даже у относительно небольшого количества стран: США, государств Западной Европы, Китая, Японии и России – это сомнительный тезис.

Дело в том, что на современном этапе США имеют особый статус в мировой валютной системе благодаря доминированию своей национальной валюты в международной экономике. И если большинство стран мира поддерживают приемлемое соотношение денежной массы и объема производимых благ в своих экономиках, то в США Федеральная резервная система (ФРС), являющаяся частной структурой, на которую наложены функции регулирования банковского сектора, в практически неограниченном объеме эмитирует ничем не обеспеченные финансовые обязательства в виде долларовой наличности. Это обеспечивает ФРС получение международного эмиссионного дохода в результате того, что доллар США приобретает за рубежом и обращается в качестве средства сбережения и международных расчетов, а также позволяет США финансировать дефициты в своей собственной валюте.

И чем больше становится долг США (на конец 2016 финансового года его величина прогнозировалась Бюджетным управлением Конгресса на уровне 105 % ВВП (прогноз на конец 2011 г. – 103 % ВВП [Чебанов 2011: 4], в реальности к 1 января 2013 г. – 85,5 %), номинированный в долларах, тем бóльшие потери понесут кредиторы в случае обвала американского доллара. А экономика США в результате девальвации внешнего долга выиграет. Именно подобный механизм сработал в 2008 г., когда на валютных рынках большинства стран вместо закономерного снижения курса и спроса на доллар США на мировом рынке как валюты государства – источника кризисных проблем в мировой экономике наблюдался его рост. В связи с тем, что большой объем золотовалютных резервов центральных банков большинства стран мира был номинирован в национальной валюте США, центральные банки провели валютные интервенции в поддержку курса доллара на национальных валютных рынках, чтобы не допустить обесценивания своих резервов. Таким образом, монопольное положение доллара США позволило ему в кризис временно укрепить свой глобальный статус, а действия центральных банков большинства стран способствовали консервации тех проблем, которые существуют в мировой финансовой системе.

Представляется, что из четырех факторов, определяющих статус резервной валюты: размер экономики, глубина финансовых рынков, норма прибыли и историческая инерция, – в результате кризиса неизменным остался лишь последний. Только сложившееся на протяжении десятилетий **реноме** американской валюты как стабильной не позволило курсу доллара обвалиться в кризис, хотя на практике на протяжении времени доллар продемонстрировал плохую способность сохранять свою стоимость как по уровню валютного курса, так и по его волатильности [Frankel 2009: 16]. Таким образом, по словам профессора международной политической экономии Калифорнийского университета (США) Бенджамин Козна, «США находится в положении монополиста, который привык злоупотреблять своей “чрезвычайной монополией”» [Cohen 2009: 29]. И отказываться Америка от своей монополии не желает, что прозвучало в позиции ее президента Б. Обамы: «Я уверен и в американской экономике, и в долларе, и нет никакой необходимости в новой международной валюте» [Завлин]. Так, не видя необходимости что-либо менять в существующей системе, США фактически противопоставляют свои интересы интересам других стран. Поэтому, на наш взгляд, отдельные совместные мероприятия в валютно-финансовой сфере мировой экономики не следует рассматривать как серьезный шаг на пути формирования нового глобального механизма управления мировой финансовой системы.

Сейчас много говорится о социальной ответственности бизнеса, и, на наш взгляд, на международном уровне пора поднять вопрос о социальной ответственности США за бессовестную эксплуатацию монопольного доминирования в мировой финансовой системе. США имеет огромную диспропорцию производства и потребления: на протяжении последних трех лет, предшествовавших кризису, страна, производящая порядка 20 % мирового валового продукта, потребляла около 40 %, получая «глобальную субсидию» от всего остального мира в обмен на необеспеченную долларовую наличность.

Но в существующей ситуации, когда совокупный ВВП государств долларовой зоны, включая США, составляет около 50 % мирового валового продукта, половина всех валютных сделок приходится на доллар и в нем же номинировано 39 % всех эмитированных в мире долговых инструментов, шанс быть услышанным с тезисом о необходимости сокращения монопольного доминирования доллара США и пресечения эксплуатации данным государством такого преимущества чрезвычайно мал. Поэтому остальным странам придется согласованно противопоставить доллару США другой валютный инструмент, причем определенные шаги в этом направлении, как представляется, уже делаются.

Несмотря на кризисные процессы в еврозоне, потенциально именно евро может в перспективе существенно потеснить доллар США в мировой валютной системе. Эта молодая по всем меркам валюта за относительно короткий срок с 2000 по 2011 г. увеличила свою долю в общемировых официальных валютных резервах с 18 % до 28 % именно за счет сокращения удельного веса доллара США (суммарный вес доллара и евро в мировых резервах практически не изменился [Чебанов 2011: 6]). Еще одним сигналом для выделения именно евро в качестве противовеса доллару США является заявление правительства Китая о готовности выделить порядка 100 миллиардов долларов для Европейского фонда финансовой стабильности либо для нового фонда, созданного на его основе при сотрудничестве с Международным валютным фондом.

Страна, для которой США являются стратегически важным партнером по внешней торговле (на американскую экономику до кризиса приходилось около 50 % китайского экспорта) и которая уже владеет долгами европейских государств на сумму порядка 500 миллиардов долларов [Китай...], готова продолжить оказывать финансовую помощь для поддержания валюты – конкурента доллара. Дело в том, что перспективы юаня на противопоставление этой валюты доллару в обозримом будущем, на наш взгляд, достаточно невысоки, с одной стороны, из-за заниженного курса китайской валюты, что направлено на повышение ценовой конкурентоспособности экспортируемых из страны товаров, а с другой – вследствие зарегулированности китайской банковской системы и отсутствия в экономике развитой финансовой инфраструктуры. А вот поддерживая еврозону, Китай, как мы полагаем, предпринимает меры, преследующие долгосрочные цели, учитывая еще тот факт, что после начала кризиса доля доллара США в золотовалютных резервах Китая была значительно снижена. Поэтому для России и других стран представляется целесообразным ориентироваться на длительное международное сотрудничество с еврозоной с целью стабилизации мировой финансовой системы, параллельно проводя работу по усилению роли национальных валют во внешне-экономических отношениях для снижения рисков путем диверсификации обращающихся на рынке валютных инструментов.

В сложившихся условиях финансовая система с доминирующим в ней долларом США как основным средством платежа по международным расчетам при наличии существенных диспропорций не может самопроизвольно стабилизироваться. Все огромные затраты, направленные большинством стран мира на стабилизацию своих национальных финансовых систем, при условии сохранения огромного объема спекулятивного капитала дают лишь временную передышку, но не решают проблемы. Только минимизировав спекуляции, которые подрывают равновесие на финансовых рынках и провоцируют кризисные процессы, а также устранив финансовые инструменты, не стимулирующие долгосрочный экономический рост, можно получить время для разработки и согласования нового международного механизма регулирования мировой финансовой системы.

Литература

Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2007.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Анатомия кризиса: пределы рынка и капитала // Главная книга о кризисе: сб. / ред.-сост. А. В. Бузгалин. М. : Яуза: Эксмо, 2009.

Додд Р. Непрозрачные сделки // Финансы & развитие. 2010. Март. С. 26–28.

Еврогруппа обсуждает защиту еврозоны от «экономического терроризма» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20100509/232454969.html>.

Желтоносов В. М., Бондарев Д. Г. Проблемы определения контуров обращения глобального финансового капитала // Финансы и кредит. 2010. № 1. С. 23–27.

Завлин П. Кризис доллара [Электронный ресурс]. URL: http://www.kontinent.org/article_rus_49e375903e831.html.

Заложнев А., Чистов Д., Шуремов Е. Либеральная модель: необходимость системных ограничений // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 7. С. 8–16.

- Квинт В. Формирующийся новый мировой порядок ведет к выходу из экономического кризиса // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 5. С. 19–21.
- Киселев М. В. Российский рынок срочных финансовых инструментов: проблемы и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2010.
- Китай готов инвестировать порядка \$100 млрд в ЕФФС [Электронный ресурс]. URL: <http://gia.ru/economy/20111028/473135655.html>.
- Кривошапко Ю. Fitch обещает Греции дефолт. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/29/fitch-site.html>.
- Мау В. Большие гонки // Профиль. 2009. № 38 (641). С. 30–33.
- Трише считает необходимым быстрое реформирование глобальной финсистемы [Электронный ресурс]. URL: <http://gia.ru/economy/20110916/438210410.html>.
- Чебанов С. В. Финансовые проблемы США и их влияние на глобальные процессы в валютной сфере // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 7. С. 3–10.
- Черникова Л. И. Методология исследования современных трансформаций капитала: финансовый аспект: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010.
- Andersen C. Rethinking Economics in a Changed World // Finance & Development. 2011. Vol. 48(2). Pp. 50–52.
- Bhattacharya A. A Tangled Web // Finance & Development. 2009. Vol. 46(1). Pp. 40–43.
- Cohen B. J. The Future of Reserve Currencies // Finance & Development. 2009. Vol. 46(3). Pp. 26–29.
- Cottarelli C., Viñals J. Looking Ahead // Finance & Development. 2009. Vol. 46(3). Pp. 20–23.
- Farell D., Lund S., Skau O., Atkins Ch., Mengerlinghaus J. P., Pierce M. S. Mapping Global Capital Markets: Fifth annual report. October 2008 // McKinsey Global Institute [сайт]. URL: www.mckinsey.com/mgi.
- Frankel J. A. What's In and Out in Global Money // Finance & Development. 2009. Vol. 46(3). Pp. 13–17.
- Horton M., Kumar M., Mauro P. The State of Public Finance: A Cross-Country Fiscal Monitor. IMF Staff Position Note. 2009.
- Innovation and the crisis. Organisation for Economic Co-operation and Development [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/document/22/0,3746,en_2649_37417_42913302_1_1_1_37417,00.html.
- Perez C., Elgar E. Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. Cheltenham, UK, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carlotaperez.org/papers/basic-Finance-technology.htm>.
- Roxburgh Ch., Lund S., Atkins Ch., Belot S., Hu W. W., Pierce M. S. Global Capital Markets: Entering a new era. Sixth annual report. September 2009. McKinsey Global Institute: [сайт]. URL: www.mckinsey.com/mgi.
- Rodrik D., Subramanian A. We Must Curb International Flows of Capital // Financial Times. 2008. February 25.
- The Global Economic Crisis: Systemic Failures and Multilateral Remedies. Report by the UNCTAD Secretariat Task Force on Systemic Issues and Economic Cooperation. New York; Geneva, 2009.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Алешковский И. А.

к. э. н., доцент, заместитель декана факультета
глобальных процессов Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: aleshkovki@yandex.ru

В статье проанализирован феномен нелегальной миграции, методологические сложности оценки ее масштабов, показана ее структурная непреодолимость в глобальном мире, а также негативные последствия, которые вносят дисбаланс в обеспечение национальной безопасности государств. Автором предложена модель оценки масштабов нелегальной иммиграции, представлены результаты и обоснована перспективность применения методов дискриминантного анализа для оценки масштабов нелегальной иммиграции и разработки на этой основе рекомендаций по совершенствованию государственной политики в области противодействия нелегальной миграции.

Ключевые слова: *глобализация, международная миграция, нелегальная миграция, миграционная политика.*

The article provides us with the analysis of the phenomenon of illegal immigration, outlines methodological obstacles in assessing the scale of illegal immigration as well as its negative consequences that can put a state's national security at risk. The author suggests a model for measuring and describing illegal immigration, and a rationale for using discriminant analysis when assessing the scope of illegal immigration and suggests ways to improve state regulations for migration.

Keywords: *globalization, international migration, illegal migration, irregular migration, migration policy.*

С середины XX в. одной из характерных тенденций развития мировых миграционных процессов является неуклонный рост масштабов нелегальной иммиграции. При этом, несмотря на реализацию многочисленных мер, направленных на предотвращение и противодействие нелегальной иммиграции, за прошедшие десятилетия ее масштабы в мире не только не уменьшились, но наоборот, значительно возросли. Так, в резолюции XIX сессии Международной организации труда (1974) указывалось, что «несмотря на усилия, прилагаемые главными странами, использующими иностранную рабочую силу, число стихийных (нелегальных) мигрантов остается весьма значительным, а если подойти к этому вопросу в плане всего мира, то эта миграция скорее является правилом, а не исключением» [ILO 1974]. В Программе действий Международной конференции ООН

по народонаселению и развитию 1994 г. указывается, что «с учетом наблюдающегося в ряде развивающихся стран усиления тенденций к миграции населения, особенно в связи с продолжающимся увеличением численности самодельного населения в этих странах, ожидается, что *масштабы незарегистрированной или нелегальной миграции будут возрастать*» [Программа... 1994]. В свою очередь, в резолюции ХСП сессии МОТ (2004) констатировалось, что «*численность мигрантов с неурегулированным статусом растет*, чему способствует рост неофициальных форм занятости, нехватка рабочих для грязных, непрестижных и опасных работ и отсутствие возможностей для легальной трудовой миграции <...> отсутствие законодательного регулирования миграционных процессов и национальной политики в этой области в ряде стран способствуют росту числа нелегальных мигрантов». В последние годы одной из задач МОТ стало обобщение лучшего опыта в области предупреждения и борьбы с нелегальной трудовой миграцией.

В 2000-е гг. ухудшение макроэкономической ситуации и дальнейшее ужесточение мер миграционного контроля в странах, принимающих мигрантов, изменение геополитической ситуации в мире и другие факторы способствовали незначительному сокращению масштабов нелегальной иммиграции. Однако стимулы к нелегальному въезду и занятости для мигрантов, с одной стороны, и использованию нелегальной рабочей силы работодателями, с другой, сохраняются. При этом в странах с относительно либеральной иммиграционной политикой, в которых существуют легальные возможности для трудовой миграции, нелегальная миграция становится альтернативой для тех мигрантов, которые не удовлетворяют критериям отбора и/или для которых нелегальная иммиграция менее затратна. В странах с рестрикционной иммиграционной политикой, в которых возможности легального въезда или пребывания значительно ограничены, использование каналов нелегальной миграции для большинства потенциальных мигрантов становится практически единственным способом переезда [Ионцев, Алешковский 2008]. Все вышесказанное подтверждает, что нелегальная иммиграция является характерным явлением современной действительности и обуславливает ее структурную непреодолимость.

В настоящее время нелегальная иммиграция стала устойчивым и масштабным явлением, оказывающим значительное влияние на социально-экономические и политические процессы во многих странах современного мира. Как свидетельствуют социологические опросы, нелегальная иммиграция – одна из наиболее острых проблем, которая волнует жителей большинства развитых стран. Расширение масштабов нелегальной составляющей миграционных процессов вносит серьезный дисбаланс в обеспечение национальной безопасности государства. Все это обуславливает возрастающий интерес к проблемам нелегальной иммиграции со стороны государственных и политических деятелей, стимулирует дальнейшее усиление мер в области противодействия нелегальной иммиграции.

Для анализа влияния нелегальной миграции на различные сферы жизни общества, разработки рекомендации по совершенствованию государственной политики в области регулирования миграционных процессов и противодействия нелегальной миграции является необходимой оценка масштабов и структуры нелегальной миграции. Вместе с тем неразвитость понятийного аппарата, недостаточная разработанность методов оценки численности нелегальных мигрантов

не позволяют сколько-нибудь точно оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции в большинстве стран современного мира.

Неоднозначность понятийного аппарата

Сложность изучения такого социального явления, как нелегальная миграция, обуславливается отсутствием устоявшегося терминологического аппарата. Без систематизации и унификации терминологии в области нелегальной миграции невозможно перейти к формализации данных в мировом масштабе.

В работах разных ученых можно найти не только различное обозначение нелегальной иммиграции, но и разное понимание самой сути этого явления. Так, для обозначения мигрантов, которые въезжают в страну незаконно или нелегально, нарушают установленные сроки пребывания или пребывают в стране без вида на жительство, нарушают иные установленные для них миграционные правила, и соответствующего вида миграции в современной научной литературе используется целый ряд терминов: «недокументированная», «незаконная», «нелегальная», «неразрешенная», «неурегулированная», «подпольная» (“clandestine”), «полулегальная» миграции и др. При этом одни ученые рассматривают данные термины как синонимы, тогда как другие считают их принципиально различными. В последнее время в зарубежной литературе отдается предпочтение термину “irregular migration” («мигранты с неурегулированным статусом»), использование термина “illegal migration” («нелегальная миграция») ограничивается случаями контрабанды и незаконного провоза мигрантов. Несмотря на такое разнообразие, следует отметить проработанность дефиниций в англоязычной литературе, в то время как в российском научном дискурсе зачастую отсутствуют адекватные аналоги.

Одним из первых международных документов, в котором рассматриваются проблемы нелегальной трудовой миграции, являлась Конвенция МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства, возможности и обращения» [МОТ 1975]. В этом документе указывается, что *нелегальность может быть связана с различными аспектами: въездом, транзитом или пребыванием в стране, способом занятости*, что «каждый Член Организации принимает все необходимые и соответствующие меры... против организаторов незаконного или тайного передвижения мигрантов, ищущих работу... а также против тех, кто нанимает трудящихся, иммигрировавших в незаконных условиях» [Там же].

На международной конференции по народонаселению и развитию под эгидой ООН (1994 г.) было предложено использовать по отношению к лицам, которые не удовлетворяют установленным властями принимающей страны требованиям в отношении въезда, пребывания или экономической деятельности, термин «*лица без документов*». Учитывая, что данный термин также не являлся полным, на Международном симпозиуме по миграции в Бангкоке в 1999 г. было предложено использовать термин «*лица с неурегулированным статусом*».

В подготовленном в 2011 г. Международной организацией по миграции Справочнике по терминологии в области миграции приводятся следующие определения [МОМ 2011]:

Недокументированные трудящиеся-мигранты (*трудящиеся-мигранты, пребывающие с нарушением законодательства; трудящиеся-мигранты без документов*) – трудящиеся-мигранты или члены их семей, которым не разрешен въезд, пребывание или работа в стране.

Нерегулярная миграция (незаконная миграция, нелегальная миграция) – передвижение, происходящее вне регулирующих норм страны отправления, транзитной и принимающей стран.

Нерегулярный мигрант – лицо, которое вследствие незаконного въезда или истечения срока действия его (ее) визы не имеет законного статуса в транзитной или принимающей стране.

Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., «**незаконная миграция** – перемещения в Российской Федерации с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности» [Концепция... 2012].

Обобщая вышеизложенное, укажем, что, на наш взгляд, наиболее полными и точными определениями представляются следующие.

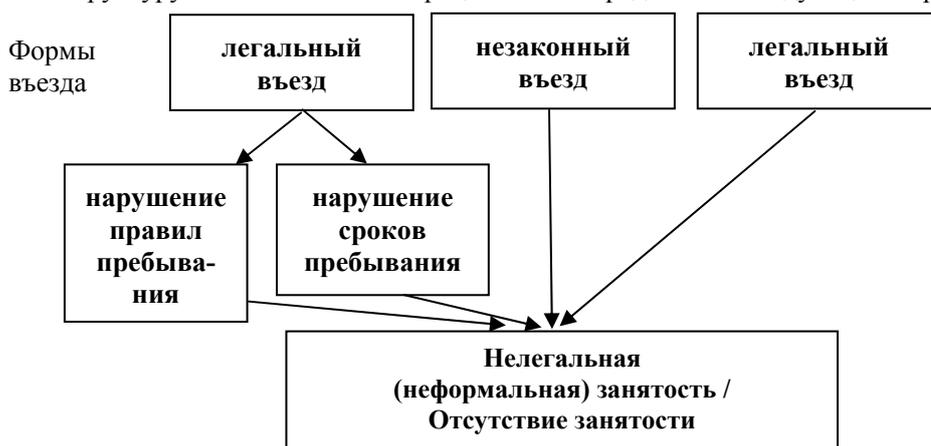
Нелегальная (нерегулярная) миграция – это территориальные (пространственные) перемещения людей через административные границы, сопровождаемые нарушением правил выезда страны выбытия, правил въезда и/или пребывания (проживания) в стране прибытия, правил транзита через третью страну или правил осуществления трудовой деятельности в стране прибытия.

Нелегальные (нерегулярные) мигранты – это мигранты, нарушившие правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию данного государства, а также правила осуществления трудовой деятельности в данном государстве.

Структура нелегальной иммиграции

В свою очередь, нелегальная иммиграция носит в основном возвратный характер и связана прежде всего с нелегальным трудоустройством. При этом пересекать государственную границу страны назначения нелегальные иммигранты могут и легально, и нелегально, и незаконно, соответственно, можно выделить три основные формы нелегальной иммиграции: 1) легальный въезд, последующее нарушение условий пребывания или трудоустройства; 2) незаконный въезд; 3) нелегальный въезд.

Структуру нелегальной иммиграции можно представить следующим образом:

Методы оценки нелегальной иммиграции

Методы оценки нелегальной иммиграции аналогичны методам оценки других «неформальных» социально-экономических процессов и имеют такие же методические проблемы. Главная из них заключается в том, что выявить «истинное число» нелегальных мигрантов по определению невозможно. Также невозможно выделить и изучить репрезентативную выборочную совокупность «недокументированных» мигрантов, поскольку структура генеральной совокупности (то есть структура всех нелегальных мигрантов) является неизвестной.

В целом все методы оценки численности и структуры нелегальных мигрантов основываются на использовании имеющихся «жестких» статистических данных (то есть анализе известных и зарегистрированных случаев нелегальной миграции). Основываясь на наблюдаемых и учтенных показателях, в свою очередь, можно сделать выводы о масштабах «ненаблюдаемых» явлений (численности незаконно проживающих мигрантов, нелегально занятых и т. д.).

В зависимости от способа получения данных все методы оценки численности нелегальных иммигрантов можно разделить на две группы.

Прямые методы, которые основаны на непосредственной регистрации каждого миграционного события. К их числу относятся: данные пограничного контроля; данные деклараций капитанов кораблей; число выданных разрешений на трудовую деятельность и вид на жительство; число депортированных иностранцев; число выявленных мигрантов, занятых в неформальном секторе; статистика разрешений на привлечение иностранной рабочей силы в принимающей стране и др.

Косвенные методы, которые в большинстве случаев носят оценочный характер и опираются на материалы переписей населения, выборочных обследований, опросов экспертов и др. К их числу относятся: метод демографического баланса, метод Дельфи, методы оценки численности нелегальной миграции, основанные на анализе денежных переводов трудящихся-мигрантов, и др.

Необходимо отметить, что сочетание использования различных методов позволяет расширить возможности анализа нелегальной миграции населения, более точно оценить ее масштабы и структуру.

Оценка масштабов нелегальной миграции в мире

Для оценки масштабов нелегальной миграции в различных странах мира представляется целесообразным использовать теорию факторов миграции (теорию «притяжения – выталкивания») и методы дискриминантного анализа.

Базируясь на имеющихся исследованиях нелегальной миграции, а также исходя из доступной статистической информации (данные международного проекта Clandestino, Отдела народонаселения ООН, Бюро изучения населения и Всемирного банка), мы разработали экономико-математическую модель оценки масштабов нелегальной иммиграции.

Зависимой переменной в модели выступает численность нелегальных иммигрантов в данной стране. В качестве независимых переменных был сформирован набор из 15 показателей, гипотетически влияющих на уровень нелегальной иммиграции: 1) общий коэффициент рождаемости, ‰; 2) общий коэффициент смертности, ‰; 3) коэффициент миграционного прироста, ‰; 4) коэффициент младенческой смертности, ‰; 5) суммарный коэффициент рождаемости, детей на одну женщину; 6) доля населения в возрасте до 15 лет, ‰; 7) доля населения в возрасте

65 лет и старше, %; 8) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мужчины, лет; 9) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, женщины, лет; 10) доля городского населения, %; 11) ВВП на душу населения по ППС, долларов США; 12) плотность населения, чел. на км²; 13) уровень безработицы по методологии МОТ, %; 14) среднегодовая численность населения, тысяч чел.; 15) уровень грамотности населения, %.

Для проведения дискриминантного анализа была сформирована «обучающая выборка» из большинства европейских стран и США, ряда стран Африки, Южной Америки и Австралии. Оценка численности нелегальных мигрантов в европейских странах была взята из исследовательского проекта Clandestino, оценки по другим странам взяты из официальных источников, выпускаемых правительствами данных стран. В обучающей выборке были заданы следующие оценки интервала масштабов нелегальной иммиграции: 1) 0–10 тысяч человек; 2) 11–50 тысяч человек; 3) 51–200 тысяч человек; 4) 201–500 тысяч человек; 5) 501–1000 тысяч человек; 6) свыше 1000 тысяч человек.

Для каждого интервала были рассмотрены регрессионные модели следующего вида: $IM_i = c + \sum_{i=1}^n \alpha_i \cdot X_i$, где IM_i — оценка масштабов нелегальной миграции в стране i , X_i — вектор экономико-демографических показателей страны i , C — константа, $\alpha = (\alpha_1, \dots, \alpha_n)$ — параметры регрессии.

Методами дискриминантного анализа сформированной совокупности исходных показателей для обучающей выборки были выявлены существующие связи между результирующей переменной и предполагаемыми объясняющими переменными, а также была оценена значимость объясняющих переменных.

Проведенный анализ показал, что одновременное включение всех выбранных 15 показателей приведет к возникновению в модели мультиколлинеарности. Поэтому нами были протестированы различные регрессионные модели, включающие различные некоррелируемые между собой объясняющие переменные. В итоге была выбрана наилучшая модель, в которой все объясняющие переменные были значимыми на 1%-ном уровне. Модель учитывает в качестве детерминант нелегальной иммиграции шесть из ранее отобранных показателей (3, 5, 9, 10, 11, 12).

Таблица

Распределение стран и территорий мира по оценке масштабов нелегальной миграции, 2013

№	Масштабы нелегальной миграции	Состав кластеров
1	2	3
I	0–10 тысяч человек	Андорра, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Бахрейн, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Вануату, Грузия, Исландия, КНДР, Косово, Лихтенштейн, Люксембург, Маврикий, Мальта, Молдавия, Монако, Палау, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Сингапур, Таиланд, Украина, Финляндия, Хорватия, Швеция

1	2	3
II	11–50 тысяч человек	Азербайджан, Ангола, Армения, Афганистан, Бангладеш, Белиз, Бенин, Боливия, Буркина-Фасо, Бурунди, Бутан, Венгрия, Восточный Тимор, Вьетнам, Габон, Гаити, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гондурас, Дания, Демократическая Республика Конго, Джибути, Египет, Зимбабве, Йемен, Ирак, Камбоджа, Камерун, Кения, Киргизия, Кирибати, Коморские о-ва, Конго, Кот-д'Ивуар, Куба, Лаос, Лесото, Либерия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Малайзия, Мали, Мальдивская республика, Микронезия, Мозамбик, Монголия, Мьянма, Намибия, Непал, Нигер, Нигерия, Нидерланды, Пакистан, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Португалия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Сейшельские о-ва, Сенегал, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис, Сент-Люсия, Сирия, Соломоновы о-ва, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Танзания, Того, Тонга, Тринидад и Тобаго, Тувалу, Туркмения, Узбекистан, Уганда, Филиппины, Центрально-Африканская республика, Чад, Чили, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Южный Судан, Ямайка
III	51–200 тысяч человек	Албания, Доминика, Замбия, Индия, Ирландия, Кипр, Китай, Коста-Рика, Кувейт, Латвия, Литва, Македония, Польша, Словакия, Словения, Тайвань, Эстония, Черногория, Чехия
IV	201–500 тысяч человек	Австрия, Ботсвана, Гватемала, Германия, Канада, Катар, Ливия, Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария
V	501–1000 тысяч человек	Австралия, Аргентина, Бельгия, Венесуэла, Греция, Индонезия, Испания, Италия, Ливан, Колумбия, Никарагуа, Парагвай, Перу, Тунис, Южная Корея, Уругвай, Эквадор, Япония
VI	свыше 1000 тысяч человек	Алжир, Бразилия, Великобритания, Доминиканская республика, Иордания, Израиль, Иран, Казахстан, Марокко, Мексика, Оман, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Турция, США, Франция, ЮАР

Примечание: Рассчитано в программной оболочке Statistica 10.

Методами дискриминантного анализа по построенной выше модели страны и территории мира были распределены по шести кластерам, соответствующим оценкам масштабов нелегальной миграции (см. табл. 1)*.

Как видно из табл. 1, разработанная модель позволяет выявить страны, в наибольшей степени притягивающие нелегальных иммигрантов, а также страны – транзитные зоны для нелегальных мигрантов.

В целом проведенное исследование подтвердило перспективность применения методов дискриминантного анализа для оценки масштабов нелегальной миграции и разработки на этой основе рекомендаций по совершенствованию государственной политики в области регулирования миграционных процессов и противодействия нелегальной миграции. Вместе с тем имеются возможности для совершенствования модели. Для улучшения прогнозируемости модели в «обучающей выборке» должно присутствовать как можно больше различных по экономико-демографическим показателям стран. При этом количество стран для каждого интервала оценок должно быть примерно одинаковым, чтобы алгоритм не отдавал предпочтения какому-либо интервалу. Целесообразно ввести в модель фиктивную переменную, отражающую жесткость миграционной политики в стране, фиктивную переменную, отражающую членство страны в интеграционном объединении со свободой перемещения рабочей силы, и др.

Литература

Ионцев В. А., Алешковский И. А. 2008. Нелегальная миграция в общественно-политическом дискурсе // Международная миграция: экономика и политика. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». М. : ТЕИС, 2008.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2012.

МОН. Справочник по терминологии в области миграции. М. : МОН, 2011.

МОТ. Конвенция МОТ № 143 1975 г. «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства, возможности и обращения». Женева : МОТ, 1975.

ООН. Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию 1994 г. Нью-Йорк : ООН, 1994.

Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 1994 [Электронный ресурс]. URL: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/kair1.htm.

ILO. Resolution concerning Future ILO Action in the Field of Migrant Workers [Committee on Migrant Workers]. Geneve : ILO, 1974.

ILO. Resolution concerning a fair deal for migrant workers in a global economy [Committee on Migrant Workers]. Geneve : ILO, 2004.

MPI. Irregular Migration in Europe. Washington, 2011.

* В статье мы не приводим параметры регрессий, поскольку они являются только вспомогательным инструментом для отнесения стран к тому или иному интервалу. При этом добавление новых данных к «обучающей выборке» позволит повысить точность предложенной модели, усовершенствовать алгоритм с точки зрения повышения точности прогноза.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

УНИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИУМА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Трофимов Е. А.

к. полит. н., доцент кафедры философии

Дальневосточного государственного аграрного университета.

E-mail: trewal15@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению политических аспектов современного процесса унификации социальной структуры общества. Отмечается, что процесс унификации имеет негативное влияние на политическую сферу, так как ведет к дезориентации граждан, выдвигает на первый план субполитические мотивы их взаимодействий. На этом фоне активизируется процесс ослабления прямой и представительной демократии, усиливается элитизация общества, архаизируются социальные отношения. Унификация социальной структуры социума требует существенных институционально-функциональных корректив, способных предупредить появление нежелательных последствий для развития демократии.

Ключевые слова: *унификация, глобализация, прямая демократия, представительная демократия, социальный конфликт, гражданское общество, интеграция.*

The given article deals with the political aspects of the modern process of unification of the social structure of society. It is noted that the process of unification has a negative impact on the political sphere, as it leads to citizens' disorientation, brings sub-political motives of their interaction to the forefront. In this context the process of weakening of direct and representative democracy is activated, the elitization of society is enhanced, the social relations are archaized. Unification of the social structure of society requires essential institutional and functional corrections, which are capable to prevent negative consequences for the democracy development.

Keywords: *unification, globalization, direct democracy, representative democracy, social conflict, civil society, integration.*

Многие современные проблемы развития национальных политических систем лежат в плоскости дихотомности происходящих в мировом политическом пространстве процессов. Один из таких процессов – унификация социальной структуры социума, которая, с одной стороны, является величайшим достижением демократии, с другой – ее опаснейшей угрозой.

В современных социумах процесс социально-классовой унификации наблюдается достаточно отчетливо: расширяется транспарантное пространство, нивелируются видимые грани основных социальных противоречий, формируется средний класс, который способен выступить прообразом некоего мирового гражданства. «Подобно тому как интеллигенция в отдельных странах в XIX в. стала составлять определенное единство в Европе и позже во всем мире, тем самым прокладывая дорогу общечеловеческим идеям и ценностям (принятым теперь и на уровне деклараций ООН), – замечает Л. Гринин, – мировой средний класс может создать новые возможности для глобализации» [Гринин 2013].

Казалось бы, прогресс политического развития очевиден и скоро в мировом масштабе будет создано общество «всеобщего благоденствия», в котором отсутствуют антагонизм социальных противоречий, непонимание и изоляционизм. В. Маслов отмечает в статье «Роль образования в современном мире»: «...глобализация извлекает практически все группы идентичности на планете из их изоляции, толкая в потоки глобальной ойкумены, тем самым вынуждая их по-новому определить себя и многие элементы картины мира» [Маслов 2013].

Однако критическое мышление заставляет усомниться в скором наступлении «земного рая» в результате гомогенизации неоднородного социума, а политическая практика все отчетливее обнажает вторую сторону унификационного процесса – ослабление внутригрупповых коммуникаций. Внешне прогрессивный гуманистический характер унификации не позволяет социальным группам, ранее занимавшим относительно устойчивое положение в социальной системе, оставаться силами политической трансформации. Исчезновение четкого видения ранее устойчивыми социальными сообществами политических целей и ориентиров развития, вуализация видимых политических оппонентов если и ориентирует их на объединение, то в рамках территориальной, расовой, культурной, религиозной, а не политико-экономической принадлежности. Социальная борьба в этих условиях начинает разворачиваться на субполитическом и даже квазиполитическом, иллюзорном уровне, не позволяющем индивидуумам использовать действенные способы удовлетворения своих коренных потребностей и интересов. Складывающаяся ситуация ведет к поиску ими выгодных форм группового взаимодействия, которое в большей мере приводит к атомизации социума, нарастанию социальной разобщенности и политического нигилизма, способствует формированию массового безликого общества и унифицированного человека, подверженного внешнему воздействию и страху за свое будущее, которое может быть раздавлено господствующим меньшинством. Данные процессы и их последствия достаточно ясно изложены в концепции одномерного человека Г. Маркузе [2002: 6, 11], который не одинок в своих оценках унифицирующегося социума. Например, американский исследователь Д. Рисмен, рассматривая современный социум, вводит понятие извне-ориентированной личности, которая, по его мнению, составляет основу современной социальной среды. Д. Рисмен отмечает, что поведение извне-ориентированной личности определяется не традициями и принципами, а различного рода влияниями, модой, системой связей. Личности обезличены, стандартизированы, являются объектами манипулирования, чувствуют себя дезориентированными, опустошенными; часто бывают апатичными или циничными. Для общества в целом характерен конформизм, некритическое следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового

сознания, предрассудкам, авторитетам, пропагандистским клише [Лисичкин, Шелепин].

В выводах «Здорового общества» Э. Фромм также приходит к заключению, что дальнейшее развитие общества идет в направлении автоматизации и отчуждения: «...обе системы (речь идет о коммунистической и капиталистической системах. – Е. Т.) превращаются в общества менеджеров, члены которого сыты и хорошо одеты, стремления которых удовлетворены и для которых нет невозможных желаний. Это автоматы, исполняющие все без принуждения; они управляются без лидера, создают машины, работающие подобно людям, и производят людей, работающих как машины; людей, разум которых деградирует, хотя их знания и понятливость растут. Таким образом, создается опасная ситуация, когда человек наделен величайшей материальной силой и лишен разума, чтобы использовать ее.

Отчуждение и автоматизация ведут к растущему безумию. Жизнь не имеет смысла, в ней нет ни радости, ни веры, ни реальности. Все “счастливы”, хотя ничего не чувствуют, никого не любят и не рассуждают» [Фромм: 157].

В унифицирующемся обществе человек уже не может ответить на важные самоидентификационные вопросы: «Какие группы и слои он признает “своими” или “чужими”?», «Какое место он занимает в системе социально-политических отношений?» и многие другие. При этом, как уже отмечалось, характер генерируемых социетальных связей не способствует формированию общественного монолита, а ведет к образованию неустойчивой мозаичной атомизированной политической структуры общества.

Утратив ранее существовавшие социальные стереотипы, привычные нормы, представления, многочисленные малые группы и отдельные индивиды, будучи подвержены коллективному инстинкту, стремятся встраиваться в новые сообщества, но последние все чаще отталкивают их, предъявляя индивидуумам классово ориентированные требования, с одной стороны, и унифицированные ценности – с другой, что еще более способствует дезориентации индивидуумов и стимулирует их маргинализацию – разрыв социально-идентификационных связей.

В условиях разобщения индивидуумов создается благоприятная среда для производства элитами «новой» политической культуры, являющейся выражением концентрации политической и социально-экономической власти в их руках, духовной несвободы масс, стандартизации и унификации личности, формирования функционально иных политических институтов. Внедренная в массы культура «нового общества» позволяет «новым» политикам забыть о ставящихся перед ними задачах, об эффективности принимаемых политических решений, так как социальный организм дезориентирован, деморализован и находится в их полном подчинении.

Здесь уместно было бы вспомнить слова французского экономиста Ф. Перру, который, рассматривая процесс политического манипулирования массами, писал: «Они верят, что они умирают за Класс, а умирают за партийных лидеров. Они верят, что они умирают за Отечество, а умирают за Промышленников. Они верят, что они умирают за свободу Личности, а умирают за Свободу дивидендов. Они верят, что они умирают за Пролетариат, а умирают за его Бюрократию. Они верят, что они умирают по приказу Государства, а умирают за деньги, которые вла-

деют Государством. Они верят, что они умирают за нацию, а умирают за бандитов, затыкающих ей рот» [Perroux 1958: 631].

Очевидным становится и то, что процесс иррационализации политики ведет к выдвиганию на первый план патримониальных ценностей, инстинктов, эмоций, вызывает примитивизацию поведения индивидуумов. Г. Лебон еще в конце XIX в. по этому поводу писал: «Человек так же, как и животное, склонен к подражанию; оно составляет для него потребность при условии, конечно, если не обставлено затруднениями. Именно эта потребность и обуславливает могущественное влияние так называемой моды. Кто же посмеет не подчиниться ее власти, все равно, касается ли это мнений, идей, литературных произведений или же просто-напросто одежды?»

Управляют толпой не при помощи аргументов, а лишь при помощи образцов. Во всякую эпоху существует небольшое число индивидов, внушающих толпе свои действия, и бессознательная масса подражает им. Но эти индивиды не должны все-таки слишком удаляться от преобладающих в толпе идей, иначе подражать будет трудно, и тогда все их влияние сведется к нулю» [Лебон 1896: 256].

Все большей популярностью в унифицирующемся социуме пользуются политики-радикалы, говорящие о необходимости изменения механизма перераспределения, чувстве национальной гордости и обособленности, борьбе за сохранение религиозных ценностей и т. д. Именно этим объясняется рост популярности радикальных политиков и объединений в большинстве стран мира и увеличение числа «революций предместий». Президентство Н. Саркози во Франции, победа ХАМАС на выборах в палестинский парламент, рост популярности «Свободы» на Украине, победа маоистов на выборах в Непале и турецких националистов из «Партии национального единства» на выборах в парламент непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра, становление ведущей политической силой Северной Ирландии – Демократической партии Ольстера, состоящей из протестантов-радикалов, – все это звенья одной цепи. Таким образом, унификация все чаще приводит к оформлению не столько фундаменталистских политических, сколько религиозных и этнических движений, в основе которых лежат ценностные, но антисовременные системы, недифференцирующие формы коллективного действия [Маслов 2013].

Как видно, процесс унификации социальной структуры социума архидихотомичен и несет в себе как позитивные, так и негативные для развития социума последствия.

Вопрос, заключающийся в том, как избежать негативных последствий процесса унификации социума, простой и сложный одновременно. Здесь мы выскажем ряд суждений, которые в условиях перехода к постмодерну могут показаться некоторым политическим философам парадоксальными.

Во-первых, адаптация к унификации требует формирования политической культуры, основанной на ценностях и идеалах неолиберализма, современной политической доктрины, представляющей собой уникальный симбиоз либерализма, консерватизма и социал-демократии. Возникнув на ценностях и идеалах свободы, именно эта идеология претендует на роль идеологии унифицированного социума. Выдвигая в качестве доминанты развития социума свободную и самодостаточную личность, неолиберализм позволяет людям не только видеть, но и принимать мир

во всем его многообразии, создавать полиидейное пространство, сохраняя многоликость и гетерогенность общества. Данный эффект во многом достигается благодаря изначально поставленной цели – движению к свободе, свободе как для отдельной личности, так и для всего общества.

Во-вторых, адаптация к унифицирующемуся обществу, свободному и зависимому одновременно, потребует и депатернализации политических систем, создания независимых от государств институтов гражданского общества. Сущности этих институтов должны вырастать из глубинных интересов простого народа, а не управляющего им государства. Политические партии и другие общественные объединения должны получить равный политико-правовой статус и возможность участия в политике, так как для «нового» общества также характерен процесс атомизации и разложения традиционных партийных структур. Кризис массовых политических партий и их современная трансформация в электорально-профессиональные становится наглядным доказательством происходящего процесса и только подтверждает мысль о необходимости расширения круга активных социально-политических субъектов. Интересы этих субъектов можно не разделять, но их следует понимать, считаться с ними.

В-третьих, государство в унифицированном обществе должно стать открытой книгой для своих граждан, а последние – ее вездесущим персонажем. При этом не следует отрицать важность осуществления государством социальных функций, которые позволяют группам, не способным включиться в процесс воспроизводства социальных благ, ощущать свою значимость для общества, обеспечивать им известный уровень свободы.

Граждане унифицирующегося социума должны получить реальную возможность контролировать государство и его бюрократический аппарат всеми возможными способами, начиная от петиций и индивидуальных обращений и заканчивая правом на «цветную» революцию и самоопределение, выход из гражданства, если государство пренебрегает их интересами и блокирует их индивидуальное развитие. То есть адаптация к унификации должна быть связана с созданием открытого общества, в котором «устраняется предвзятое недоверие к отдельным индивидам, этносам, ослабляется контроль над гражданами, формируется правовое государство, индивиды и народы получают право на свободу и самоидентичность по собственному выбору. В таком сообществе теоретически просматривается возможность проявления самоорганизации и начала процесса “плавильного котла”, в котором совместная жизнь различных этносов и индивидов должна вести к должествующему сложению их в один народ с единой культурой на основе свободной конкуренции» [Салихов 2011]. Существенную помощь в формировании открытого общества могут оказать современные информационные технологии, и в первую очередь сеть Интернет, способная вносить коррективы в традиции и культуру, способствовать формированию инноваций, новых принципов жизни, иной реальности, разрушению социальных барьеров [Иоселиани 2013].

В-четвертых, в вопросе конституционного строительства «новая» реальность требует повышенного внимания к поиску оптимальной модели федерализма, прямой и представительной демократии, оптимизации механизма обеспечения законности и правопорядка. Запоздавшая реакция социума на унификационный

процесс уже привела к институционально-функциональным нарушениям в данных системах, исправить которые не способен самостоятельно ни один Левиафан. Без создания условий для реальной политической и экономической конкуренции решить проблемы, порождаемые унификацией социально-политической структуры в сферах прямой и представительной демократии, ее территориальном изменении – федеративной организации государства, законности и правопорядка, будет невозможно.

В-пятых, в унифицирующемся социуме особое внимание должно быть уделено вопросам политического образования. Некоторые исследователи и политические деятели склонны считать, что только деполитизация системы образования, ее юридизация способна обеспечить стабильность в функционировании социума. Это величайшее заблуждение, игнорирующее взаимную детерминированность политики и права. Политика и право тесно связаны друг с другом, а нивелирование их взаимосвязи способно вызвать только социальные дисфункции. Именно по этой причине в большинстве западных стран и США политология и юридические науки укрепляют свои позиции, становясь остовом образовательных систем, с помощью которого обеспечивается практическая реализация принципа: «Чем больше люди знают, тем стабильнее политическая система». Кроме того, в унифицирующихся социумах необходимо обеспечить всемерную поддержку научных и общественных объединений, занимающихся исследованием политической сферы и образовательной деятельностью в области политики.

Таким образом, мир уже на протяжении нескольких десятилетий стоит на пороге социальной трансформации, одной из причин которой является процесс социальной унификации общества. Внешний вид этой трансформации вполне гуманен, но ее внутреннее содержание способно стать как умиротворяющим началом для развития сообщества *Homo sapiens*, так и угрозой его будущему. Нестабильность способна развиться на основе иррационализации политических взаимоотношений, ослабления институтов прямой и представительной демократии, усиления элитизации общества, архаизации социальных отношений и возвращения к жизни патримониальных ценностей. Если общество адекватно не отреагирует на унификационный процесс, не сможет вовремя создать действенные механизмы купирования его негативных проявлений, то будущее развитие демократии может оказаться под большим вопросом.

Литература

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2013. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2013/21213-globalizaciya-tasuet-mirovuyu-kolodu-kuda-sdvingaetsya-globalnyy-ekonomiko-politicheskiy-balans.html>.

Иоселиани А. Антропология глобального мира: Человек в современной информативно-информационной сфере [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2013. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2013/21220-antropologiya-globalnogo-mira-chelovek-v-sovremennoy-kommunikativno-informacionnoy-sfere.html>.

Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. А. Фридмана и Э. Пименовой. СПб. : Изд-е Ф. Павленкова, 1896. С. 256.

Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя Зла. Новая геополитическая расстановка сил [Электронный ресурс]. URL: [file://localhost/C:/DOCUME~1/student/LOCALS~1/Temp/Rar\\$EX00.750/t2.html](file://localhost/C:/DOCUME~1/student/LOCALS~1/Temp/Rar$EX00.750/t2.html).

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : АСТ, 2002.

Маслов В. Роль образования в современном мире [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2013. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2013/21215-rol-obrazovaniya-v-sovremennom-mire.html>.

Салихов Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2011. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek-glob-2011-1/11536-problema-identichnosti-v-usloviyah-globalizacii.html>.

Фромм Э. Здоровое общество [Электронный ресурс]. URL: http://www.koob.ru/fromm_yerih/zdorovoe_obshestvo.

Perroux F. La Coexistence pacifique. Vol. III. Paris : Universitaires de France, 1958.

ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В СВЕТЕ ЕДИНСТВА ЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО

Рудаков С. И.

д. ф. н., профессор факультета философии и психологии
Воронежского государственного университета.

E-mail: rudakovprof@mail.ru

Глобальное общество анализируется в свете диалектики исторического и логического. Исследования логики капитала достигли такой зрелости, что позволяют выдвинуть гипотезу о глобальном обществе как новой логической и исторической стадии буржуазного общества. Более того, делается попытка доказать, что это будет последняя стадия капиталистического способа производства.

Ключевые слова: *глобальное общество, стадии начала, сущности, явления и действительности в логике капитала, становление буржуазного общества, первоначальное сущностное развитие капитализма, зрелое развертывание капитала, полная зрелость капитала, особенности современного глобального общества.*

The global society is analyzed in the light of the dialectic of historical and logical. Investigations of the logic of capital have reached such maturity that it is possible to suggest the hypothesis about global society as a new logical and historical stage of the bourgeois society. Moreover, the author attempts to argument that it will be the last stage of the capitalist mode of production.

Keywords: *global society, stage of the beginning, essence, appearance and full reality in the logic of capital, formation of the bourgeois society, initial essential development of capitalism, mature development of the capital, full maturity of the capital, the features of the modern global society.*

Еще недавно сама постановка вопроса о глобализации вызывала дискуссии [Чумаков 2005: 5]. Сегодня всем очевидно, что общество вступило в новую стадию развития. Об этом пишут авторы самых разных методологических школ и направлений. Вместе с тем вопрос о природе самого нового явления во многом остается научной проблемой. Одним авторам новая стадия развития мира представляется постиндустриальным обществом, другим – более зрелой стадией империализма, третьи рассматривают глобализм как характеристику нарастания единого планетарного общества. Но бесспорно одно – на эмпирическом уровне исследователи из разных областей знания уловили наступление нового этапа в развитии человеческого общества. Дж. Сорос, не только успешный финансист, но и человек с богатейшим опытом, склонный к теории, в одной из своих последних книг восклицает: «Я заявляю о завершении прежней эры. На что же похожа новая эра?» [Сорос 2008: 171]. Эмпирическая доказательность нового этапа в экономической истории общества была настолько явной, что М. Алле, французский

Век глобализации 2/2014 144–152

лауреат Нобелевской премии, в заголовок своей книги по глобализации вынес слова об эмпирической очевидности [Алле 2003].

Нечто похожее происходило на рубеже XIX–XX вв., когда капитализм свободной конкуренции сменился империализмом. Столь же эмпирически очевидной для многих экономистов стала новая монополистическая реальность. Однако теоретическое понимание империализма как новой стадии капитализма было выработано не сразу. Это сделал В. И. Ленин в определенной борьбе с догматически мыслящими марксистами, прежде всего К. Каутским.

На сей раз речь идет о смене империализма глобализмом как новой и последней стадией капитализма. Те обществоведы, которые не знают или не признают марксизма, естественно, не поймут самой постановки вопроса о последней стадии капитализма. В лучшем случае на эмпирическом уровне они согласятся с тем, что глобализм открыл новую страницу в истории капитализма. Труднее с теми, которые считают себя марксистами. Как правило, марксисты пока не видят качественной грани между империализмом и глобализмом. На самом деле мировая экономика в период с 1970–1990-х гг. существенно изменилась. Капитализм приобрел новые черты и начал движение к своей исторической границе, за которой начнутся другая экономическая формация и другая цивилизация [Рудаков 2011].

Главным признаком глобального капитализма становится образование транснациональных корпораций (ТНК). Они качественно отличаются от монополий. Вырастая за национальные рамки и становясь по величине сравнимыми с отдельными государствами первой тридцатки мира, ТНК доводят процесс накопления до предела. 500 самых крупных ТНК сосредоточили более 1/4 общемирового производства товаров и услуг, 1/3 экспорта промышленной продукции и 3/4 торговли технологиями и управленческими услугами. Если конкуренция между монополиями еще вбирала в себя элементы свободного рынка, то ТНК создают конкуренцию, сравнимую с уровнем противоборства государств. Субъекты международного права – государства – не контролируют всех последствий складывающихся в мире отношений. Не случайно Дж. Сорос, один из идеологов глобального общества, указывал, что в таких условиях открытое общество оказывается в опасности [Сорос 1998].

Глобализм есть качественно новая ступень в концентрации производства и обращения. 33 крупнейшие компании мира, штаб-квартиры которых находятся в США, владеют ни много ни мало 71,8 % всех котирующихся на бирже акций, что составляет 5 трлн долларов. Объективной основой для качественно новой стадии в развитии общества стали изменения в производительных силах. Динамика технического обновления становится ранее невиданной. Авторы фундаментального исследования по развитию мировой экономики за последние 100 лет пишут: «В результате широкого применения передовой техники наиболее современные машиностроительные заводы в США, Японии, Западной Европе по своей технической оснащенности несопоставимы с аналогичными заводами не только 20–10-летней, но в отдельных случаях и 5-летней давности» [Мировая... 2003: 299]. Качественно углубляется международное разделение труда. Как подчеркивал И. П. Фаминский, «...с начала научно-технической революции развивается новый этап специализации, соответствующий следующему этапу в системе международного разделения труда – внутриотраслевая специализация. Она связана с отраслями, основанными не столько на использовании естественных ресурсов,

сколько на результатах научно-технической деятельности, и охватывает вначале преимущественно развитые страны, а затем в нее втягиваются и развивающиеся страны» [Фаминский 2010: 25–26]. Есть разные формы внутриотраслевой специализации: предметная (США, например, специализируются на выпуске мощных компьютеров, а Япония – на бытовой электронной технике), поддетальная (так, в общем экспорте ЭВМ из США свыше 30 % составляют части и узлы), технологическая (например, германская фирма «Байер» поставляет свои полуфабрикаты 35 тысячам зарубежных партнеров). Другой пример технологической внутриотраслевой специализации: доля комплектующих изделий и компонентов в экспорте оборудования и транспортных средств новыми индустриальными странами составляет в Таиланде 32,5 %, Бразилии – 33,9 %, на Тайване – 36,3 %, в Гонконге – 46,2 %, Никарагуа – 81,6 %.

Международная специализация ведет к международной кооперации. Так, у японских концернов «Тойота» и «Ниссан» закупки у субпоставщиков, которым концерны передают часть своих заказов, составляют до 60–65 % стоимости автомобиля. Развиваются уникальные совместные производства, например «Аэробус», производимый авиационными компаниями Англии, Франции, Германии, Испании. Возникли принципиально новые технологии международного сотрудничества, такие как аутсорсинг, предполагающий передачу производства на определенных условиях иностранному производителю. Резко возрос международный обмен технологиями. Так, если в 1955 г. объем торговли лицензиями равнялся 600–650 млн долларов, то к 2005 г. он составил 100 млрд долларов [см.: Фаминский 2010: 77].

Новое качество международного разделения труда закономерно привело к новому по сравнению с монополией образованию – транснациональной корпорации. «Уже к 1970 г. в 14 ведущих странах мира насчитывалось 7,3 тыс. ТНК, имевших 27,3 тыс. зарубежных филиалов, с годовым оборотом в 626 млрд. долл. С середины 80-х гг. инвестиции буквально хлынули на мировую арену, многократно превосходя внутренние вложения в основные фонды. По экспертным оценкам, отношение зарубежных активов ТНК и ТНБ (транснациональных банков) к валовому продукту возросло с 4,8 % в 1945 г. до 56,8 % в 1995 г. В 1999 г. общее число ТНК достигло около 60 тыс., число их зарубежных филиалов – почти 600 тыс., накопленные ими зарубежные инвестиции превысили 4,8 трлн долларов, а их глобальные активы составили 17,7 трлн долларов» [Мировая... 2003: 38].

Транснациональный капитализм делает экономики стран открытыми. Отношение товарооборота (экспорт + импорт) к ВВП выросло за 1960–1995 гг. почти в 2 раза – с 24 до 42 % мирового ВВП [Фаминский 2010: 50].

В транснациональном капитализме «глобальные потоки капитала растут темпами, превышающими даже темпы роста торговли. Если в 60–70-е гг. XX в. прослеживалась четкая корреляция между увеличением объема прямых заграничных инвестиций и ростом мирового производства и мировой торговли, то в 1985–1995 гг. среднегодовые приросты мирового производства составляли 2 %, мировой торговли – 7 %, инвестиций – 16 %» [Там же: 80].

Транснациональный характер экономических отношений как главный признак новой стадии капитализма стал возможен благодаря другому существенному признаку глобализма – информационной революции, которую ряд исследователей считает главной особенностью новой стадии развития общества [см.: Делягин

2003; Кастельс 2000; Иноземцев 1998]. Суть информационной революции состоит в создании всемирной информационной паутины, в которой возможно в считанные секунды соединиться практически с любой точкой земного шара. Это создает объективную возможность отслеживать движение капитала в любой стране мира. Новое качество связи выражает принципиально новую ступень в развитии производительных сил. Автоматизация производства тем и отличается, что технике передается также функция управления технологическим процессом. Физический труд как таковой перестает существовать. Подрывается сама основа товарно-стоимостных отношений. Стадия глобальной экономики, очевидно, есть последняя стадия капитализма и переход к нетоварному обществу.

Третьим важнейшим признаком глобального общества как новой стадии капитализма является финансовая революция. Резкая интернационализация экономических связей обусловила потребность в быстрейшем росте кредитных ресурсов и доступности их в любой точке мирового экономического пространства. «Такая потребность породила вненациональные рынки капитала на базе оффшорных операций в так называемых евровалютах (иностраннх валютах по отношению к стране дислокации банка). Вскоре сложился по существу целостный мировой рынок евровалют, масштабы которого возросли с 20 млрд долларов в 1964 г. до 6 трлн долларов в начале 1990-х гг. К настоящему времени ежедневный объем валютных операций во всем мире составляет около 1,5 млрд долларов, что превышает суммарные валютные резервы всех стран и вдесятеро превосходит валютные резервы, необходимые для обслуживания мирового товарообмена. Это существенно усилило процесс международного переплетения ссудного капитала: в 1971 г. зарубежные активы национальных банков всех стран мира по депозитным вкладам составляли 208 млрд долларов, в 1980 г. – 1839 млрд долларов, в 1990 г. – 6791 млрд долларов, а в 1995 г. – свыше 8 трлн долларов» [Мировая... 2003: 41]. Тем самым даже на фоне резкого роста экспорта товаров и услуг «вывоз капиталов, торговля правами собственности в виде ценных бумаг, банковских депозитов, долговых требований и обязательств», по словам академика О. Т. Богомолова, отличает глобальный капитал от старого империализма [Богомолов 2004: 28–29] По миру перемещается более 1 трлн «горячих» денег, способных в одночасье разрушить любую экономику мира. Финансовый кризис 1997–1998 гг. в Юго-Восточной Азии, а затем бразильский и аргентинский кризисы 2001–2002 гг. убедительно показали колоссальную мощь финансового фактора в современных международных отношениях.

С 1971 г. перестала существовать так называемая Бреттон-Вудская система, устанавливавшая золотой стандарт и фиксированные курсы валют. К началу 90-х гг. процесс либерализации движения капитала завершился. Разрешительная система вывоза капитала уступила место уведомительной. «К середине 90-х гг. практически все ограничения в области движения капиталов были сняты» [Мировая... 113]. Капитал получил возможность беспрепятственно циркулировать по главным международным артериям. В итоге «в современных условиях недельный оборот международных банковских операций равен годовому внутреннему продукту США, а оборот за период, меньший, чем месяц, – всему мировому валовому продукту. Мир пережил настоящую финансовую революцию» [Фаминский 2010: 112].

Финансовый глобальный капитал – последняя стадия в истории капитала. Здесь он достигает своего абсолюта, как гегелевская идея, возвращенная в себя. И по своему понятию, и по своему реальному содержанию финансовый капитал есть завершенное превращение в единый рынок, на котором, однако, мировые акулы в виде ТНК пытаются поглотить друг друга. Централизация и концентрация капитала достигают апогея. Так, 60 % всех инвестиционных контрактов приходится на 109 мегасделок [см.: Грани... 2003: 50–53]. В то же время «бродячее» состояние сотен миллиардов долларов по миру подрывает эту концентрацию. Мир стал единым, но фундаментом этого единства наряду с Интернетом является ядерная бомба.

Поэтому глобальная конкуренция, ее обострение и одновременное вырождение, составляет четвертый важнейший признак глобальной капиталистической экономики. Возникает так называемый «новый мировой порядок». Он отличается и от анархии XIX в., и от регулируемого государством, сращенного с национальными монополистами и банками рынка. При «новом порядке» «имеющие форму свободной конкуренции контрактные, регулируемые в локальных масштабах отношения подчинены правилам, которые устанавливаются в процессе борьбы самых мощных игроков – сетевых корпоративных структур. Они отказываются от стихийной борьбы за передел сфер влияния абсолютно любыми методами (как это делали монополии начала XX в.). Они выбирают другую стратегию. Корпоративные капиталы не только сознательно регулируют в локальных масштабах параметры рынка (выполняя своего рода роль “приватизированных” квазигосударств), но и, что принципиально важно, воздействуют на ключевые параметры современного рынка» [Бузгалин, Калганов 2004: 216]. Таким образом, с одной стороны, ТНК есть выражение качественно новой ступени концентрации производства и обращения, и как таковые они подрывают основы стихийной конкуренции, а с другой – конкурентная борьба между самими ТНК становится еще жестче и остается стихийным процессом, лишь по форме являющимся возвратом к эпохе свободной конкуренции.

М. Е. Делягин вводит понятие вырождающейся конкуренции [Делягин 2003: 272–273], поскольку планетарная целостность отраслевых и региональных рынков начинает отрицать саму стихийную конкуренцию. И неудивительно, что главным политическим последствием глобальной стадии капитализма становится выдвижение в качестве мирового государства страны, руководимой компартией на принципах не стихийного капиталистического рынка, а рынка, в котором доминирует государственный интерес. По прогнозам экономистов, в 2017–2020 гг. Китай обгонит США (а по ВВП он уже сейчас лидер мирового промышленного производства) и станет первой державой мира. Новая стадия развития мира дает нового лидера, как это было с Нидерландами в период мануфактурного капитализма, Англией – в период промышленного капитализма эпохи свободной конкуренции, США – в эпоху монополистического империализма. Проницательный Дж. Сорос пишет: «Я утверждаю, что закончился длительный период относительной стабильности, основанной на роли США как доминирующей силы и доллара как основной международной резервной валюты. Я предвижу период политической и финансовой нестабильности, вслед за которым, я надеюсь, сформируется новый мировой порядок» [Сорос 2008: 172].

Капитализм вступил в завершающую стадию своего развития, в свой «эллинистический» период разложения и отката на периферию человеческого общества. Китай уже сегодня определяет технологический, научный и социальный прогресс в обществе. Полная зрелость капитала (его действительность, говоря гегелевским языком) позволяет применить к исследованию глобального общества метод единства исторического и логического в познании. Этот метод, впервые использованный Гегелем в его «Истории философии» и в зрелой форме реализованный Марксом в «Капитале», способен обосновать научные выводы относительно современного капитализма и его будущего.

Вывод о глобализме как новой и последней исторической стадии капитализма базируется на открытиях отечественной философии в исследовании логики «Капитала» Маркса. В. А. Вазюлин, подытоживая многолетние исследования «Капитала», среди которых самыми замечательными были работы Э. В. Ильенкова, вскрыл логику «Капитала» [см.: Вазюлин 1968]. Метод Маркса, подчиняясь единству исторического и логического и восхождению мысли от абстрактного к конкретному, заставляет начать анализ капитализма с внешней, поверхностной стороны его бытия. Капитал на поверхности есть товар. Как таковой он, в свою очередь, имеет собственную внешность – потребительную стоимость и собственную сущность – стоимость. Самовозрастающие деньги, или стоимость, – вот цель капиталистического процесса. Первый отдел «Капитала», в котором Маркс анализирует товар, потребительную стоимость, стоимость, форму стоимости как явление товара (или как развернутую сущность), деньги как действительность товара (или как полностью созревшую сущность), представляет собой такое начало капитала, когда капитал уже есть, ибо речь идет о стоимости, стремящейся к самовозрастанию, и в то же время его еще нет, поскольку не обнаружена основа самовозрастания стоимости, и стоимость пока не развилась в собственно капитал.

Логика первого отдела «Капитала» отражает историческую логику самого начального этапа капитализма – этапа мануфактурного капитализма, когда последний развивался на не адекватной ему технической основе. Период с XVI–XVII вв. до примерно середины XIX в., когда фабричное производство базировалось на старой ручной, ремесленной основе и возникали лишь первые машины, был историческим и логическим началом капитала. В это время шло становление буржуазного общества. Это была эпоха господства абсолютной прибавочной стоимости, образующейся за счет простого удлинения рабочего дня, и классической буржуазной политэкономии, не видевшей внутренних противоречий товара и капитала, – не видевшей потому, что они и в самой жизни еще не развились.

Превращение денег в капитал есть переход от поверхности к самой сущности. Первый том «Капитала» посвящен раскрытию внутреннего механизма самовозрастания стоимости. Как возможно такое самовозрастание, если согласно трудовой теории стоимости обмениваются эквиваленты? – задает вопрос Маркс, как и все представители послерикардовской политэкономии. Оказывается, в цепочке Д–Т–Д* вся тайна кроется в товаре, опосредующем самовозрастание денег. Такой товар находится на рынке – это рабочая сила, принадлежащая рабочему. Он продает ее как живой элемент производства. В первом томе «Капитала» Маркс анализирует процесс капиталистического производства, суть которого состоит в соединении вещественных элементов производства, принадлежащих капиталисту, с рабочей силой, купленной у рабочего. Необходимая часть рабочего дня образует

зарплату, равную стоимости рабочей силы, а в остальное время образуется так называемая прибавочная стоимость капитала.

Логика первого тома «Капитала» отражает первую сущностную стадию капитализма, когда капитал начал развиваться на адекватной ему технической основе. В этот период происходит первоначальное сущностное развитие капитализма. Машины, начиная доминировать в производстве, обнаруживают внутренние закономерности капиталистического процесса. Причем если зародыш капитала – товар – разворачивается в сфере простого обращения, хотя уже и обремененного капиталистическим содержанием, собственно капиталистический процесс в его первой сущностной форме разворачивается именно в сфере производства. Эпоха свободной конкуренции представляла собой период исторического действия первых буржуазных производителей, действовавших в рамках появившегося фабричного законодательства, регулировавшего собственно капиталистический рынок.

На рубеже XIX и XX вв. возникают монополии, контролирующие целые отрасли и целые страны. Они выходят за рамки национальных государств, вывозя капитал, прежде всего в форме торгового капитала. История новой, монополистической, стадии капитализма внутренне связана с логикой второго тома «Капитала», в которой Маркс рассматривает сферу капиталистического обращения. Обращение капиталистического продукта, или торговля им, не создает сама новой прибавочной стоимости, но опосредует реализацию той прибавочной стоимости, которая создана рабочей силой в производстве. Маркс строит свою схему капиталистического воспроизводства как единства двух подразделений – производства средств производства и производства предметов потребления.

В целом капиталистическая торговля исторически и логически есть новая стадия разворачивания капитала. Его сущность приобретает форму зрелого развертывания капитала. Такая развернутость сущности в самой истории означала смену капитализма свободной конкуренции монополистическим капитализмом, или империализмом. Монополии тем и отличались от предприятий эпохи свободной конкуренции, что захватывали контроль над целыми отраслями производства и сбыта товара, срачиваясь к тому же с банковским капиталом. Монополистический капитал представлял собой вторую сущностную фазу капитализма.

В. И. Ленин вскрыл сущность империализма как новой, особой стадии капитализма, во многом противоположной капитализму свободной конкуренции. Даже такие корифеи, как К. Каутский, не смогли понять идеи о качественно новой стадии капитализма. Ленин назвал эту стадию высшей и загнивающей. И в самом деле, империализм дал брешь в своей мировой цепи, и появилось первое социалистическое государство в России. Однако империализмом капитализм еще не заканчивался, чего не мог знать Ленин, живя в ту эпоху.

Монополии, разворачиваясь и захватывая не просто новые рынки сбыта продукции и новые источники сырья, но и охватывая своей индустриальной мощью весь мир, превратились в транснациональные корпорации. Впервые в истории в конце XX – начале XXI в. возникла ситуация, когда корпорация за рубежом стала производить больше продукции, чем у себя дома. Капитализм из империализма превратился на наших глазах в глобализм. Данная историческая стадия капитализма внутренне связана с логикой третьего тома «Капитала», где Маркс анали-

зирует единство капиталистического процесса производства и капиталистического процесса обращения.

Во введении к третьему тому «Капитала» Маркс писал: «В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический процесс производства, взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставались в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется процессом обращения, который составил предмет исследования второй книги. Там, – именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, – оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, – то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства, напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое* (выделено Марксом. – С. Р.)» [Маркс, Энгельс 1961: 29]. Таким образом, логическим завершением в исследовании капитала стало рассмотрение его как завершенной целостности. На данном уровне Марксу удалось сделать ряд новых научных открытий. Он показал, как в целостном процессе движения капитала прибавочная стоимость трансформируется в прибыль, как деньги трансформируются в ссудный капитал и в фиктивный капитал в виде вексельного обращения, как образуется процент.

Завершенная целостность капитала, логически данная у Маркса в третьем томе, исторически проявляется в глобальном капитале. Глобализм, соединяя производство и обращение, превращает монополии в транснациональные корпорации, подчиняющие себе те или иные отрасли экономики по всему миру. В этих условиях на смену сращиванию промышленного капитала с банковским приходит настоящая финансовая революция. Переливы капитала по всему миру столь объемны, что это предопределяет колоссальный рост валютного и фондового рынков. Финансовая сфера становится настолько динамичной в своем опосредовании инвестиционного процесса, что никакая национальная валюта, включая американский доллар, не привязана теперь жестко к золоту. Началась новая эра финансовых отношений. Она как бы возвращает мир к начальной стадии капитализма, когда еще только формировался универсальный товар-эквивалент, с той лишь разницей, что теперь товарный рынок становится столь всеобъемлющим и динамичным, что он как бы начинает отрицать этот самый эквивалент. На самом же деле целостность экономических отношений такова, что обособленность отдельного товаропроизводителя и ее отражение в золотом эквиваленте становится вырождающимся явлением.

Капитализм достигает своей полной зрелости и одновременно начинает процесс своего системного разложения. «Эллинистическая» эпоха буржуазного общества началась. Степень экономической интеграции, достигаемой мировым сообществом в условиях глобального информационного общества, прямо диктует потребность в обуздании рыночной стихии и выработке интеграционных механизмов по поддержанию экономической, социальной, экологической, духовной целостности человеческой цивилизации как таковой.

Современное общество – единая планетарная система, над которой нависают серьезные глобальные проблемы, пока она всерьез обсуждает проблему однополых браков.

Литература

- Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. М. : Теис, 2003.
- Богомолов О. Т. Анатомия глобальной экономики. М. : Академкнига, 2004.
- Бузгалин А. В., Калганов А. И. Глобальный капитал. М. : УШШР, 2004.
- Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М. : МГУ, 1968.
- Грани цивилизации: Трудные вопросы современного развития. М. : Альпина Паблишер, 2003.
- Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М. : Инфра-М, 2003.
- Иноземцев В. Л. За пределами экономического сообщества. М. : Academia, 1998.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. М., 1961.
- Мировая экономика: глобальные изменения за 100 лет. М. : Юрист, 2003.
- Рудаков С. И. Глобализм – новая и последняя стадия капитализма. Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2011.
- Сорос Дж. Кризис глобального капитализма. Открытое общество в опасности. М. : Инфра-М, 1998.
- Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008.
- Фаминский И. П. Глобализация – новое качество экономики. М. : Магистр, 2010.
- Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2005.

О «ЗОЛОТЫХ ПАРАШЮТАХ» И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Гетьман В. Г.

д. э. н., профессор, заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации, заведующий кафедрой «Бухгалтерский учет
в коммерческих организациях»
Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: buhuchet@fa.ru

В статье критически оценивается ряд положений, содержащихся в проекте Федерального закона № 378667-6, посвященного нормативному регулированию «золотых парашютов», и вносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: «золотые парашюты», социальная справедливость, заработная плата, компенсационные выплаты, налог на доходы физических лиц.

The article critically evaluates a number of provisions contained in the draft of the Federal law 378667-6, devoted to the regulation of “golden parachutes”. There are some proposals for improving the law.

Keywords: “golden parachutes”, social justice, wages, compensation, income tax.

Проводимые в стране экономические преобразования вызывают у большинства населения России довольно противоречивые чувства, но в основном негативного характера. И это неслучайно, поскольку общественность практически отстранена от контроля за данными процессами. А властные структуры, как правило, не несут какой-либо, не говоря уже о должной, ответственности за негативные последствия от реализации многих принятых ими не до конца просчитанных решений. Так, в течение последних двух десятилетий власть упорно навязывала обществу мысль о неэффективности государственной формы управления собственностью и преимуществах перед ней частного предпринимательства. В результате под этим предлогом и «под шумок» других подобного рода лозунгов либерального толка в стране была проведена беспрецедентная в мировой практике и по существу преступная перед ее трудовым народом приватизация государственной собственности, нанеся колоссальный вред стране. Об этом свидетельствуют многочисленные факты и явления. Приведем лишь отдельные из них. Возьмем, к примеру, сельское хозяйство, которое так называемые либералы обозвали «черной дырой». До начала аграрной реформы (в 1990 г.) в России было 25 тысяч колхозов и совхозов, а сейчас из них более или менее работающих осталось лишь около 10 % [Арцибашев, Оберенко 2013: 14]. Остальные, по сути дела, прекратили свое существование. Надежды на фермерство не оправдались. В Рос-

сии имеется 220 млн га сельхозземель, половина из них пустует, зарастает бурьяном [Арцибашев, Оберенко 2013: 14]. Развал сельхозпредприятий привел к тому, что многие десятки тысяч деревень из-за потери рабочих мест обезлюдели и оказались заброшенными. А в оставшихся нередко из-за отсутствия работы продолжается отток населения, прежде всего трудоспособного, его деградация (рост алкоголизма, наркомании, преступности и т. п.). Такая недальновидная, а по существу – преступная политика в отношении сельского хозяйства поставила под угрозу самую безопасность нашей страны. Россия вынуждена завозить свыше 60 % продовольствия. Напомним, что в 1990 г. доля его импорта составляла 15 % [Ждановская 2013: 17]. И эта негативная тенденция нарастает из года в год. Причем сейчас наша страна завозит не только большие объемы продукции животноводства (мяса, молока, масла), но и целый ряд продукции растениеводства, в том числе овощи, фрукты и даже картофель. Заметим, что последний начал впервые активно культивировать в России царь Петр I, который в принудительном порядке заставлял крестьян целого ряда губерний его выращивать. И это, кстати сказать, было мудрым решением, в чем россияне впоследствии убеждались не раз, поскольку картофель неоднократно спасал их от голода, став «вторым хлебом» в рационе питания. И. В. Сталин в свое время сформулировал 10 факторов победы над Германией, среди которых на пятом месте стояла картошка [Арцибашев, Оберенко 2013: 14]. А сейчас ежегодно страна вынуждена закупать за границей 3–4 млн тонн, поскольку площади, занятые под посадки картофеля в России, по сравнению с 1990 г. сократились в 10 раз (с 2 млн га до 0,2 млн га) [Ждановская 2013: 17].

Нетрудно предположить, в какой ситуации может оказаться Россия, если вдруг по каким-либо причинам зарубежные партнеры перестанут поставлять нам продовольствие. Суверенитет страны по данной причине уже находится в довольно уязвимом положении, и было бы верхом безответственности усугублять и далее ситуацию с обеспечением России собственным продовольствием. Причем здесь полумерами (а именно такой характер носят многие принимаемые Правительством РФ решения в данной сфере) обойтись уже нельзя. Стране нужна комплексная научно обоснованная программа развития сельского хозяйства. Своего рода, образно выражаясь, «Программа поднятия целины». А именно такую «целину» в действительности и представляет нынешнее состояние сельского хозяйства.

Необходимо не только возродить 110 млн га заброшенных сельскохозяйственных угодий, воссоздать порушенные в годы перестройки системы орошения земель, восстановить поголовье животных (крупного рогатого скота, свиней, овец), повысить техническую оснащенность сельского хозяйства, поднять, причем весьма существенно, материальную заинтересованность работников села и решить множество других задач, стоящих перед данной отраслью. Чтобы их успешно реализовать, необходимо обеспечить Программу финансовыми ресурсами в размерах (по сделанным нами укрупненным расчетам) в 4–5 раз больше, чем выделяется на отрасль сейчас.

Заметим, что не все, но все же многие из проблем, которые необходимо решать в сельском хозяйстве, появились в последние два десятилетия.

Весьма плачевными оказались последствия и от проводимых экономических реформ в промышленности. Россия, за бесценок передав в частные руки государственную собственность, потеряла значительную часть своего производственного

потенциала. Около 70 тыс. предприятий прекратили свое существование, оказавшись разграбленными их новыми собственниками [Гетьман 2013]. Целые отрасли пришли в упадок. Прежде всего это касается станкостроения, гражданского авиастроения, сельскохозяйственного машиностроения, судостроения и т. д.

Производственный потенциал действующих предприятий весьма слаб. Но не только он. Такая же участь постигла и многие объекты социально-бытовой сферы. Прежде всего – жилищный фонд, на содержание которого в последние два десятилетия выделялось явно недостаточно средств. В результате значительная часть населения проживает в ветхих и аварийных домах. Так, к примеру, в Подмоскovie это около 100 тыс. человек. Не менее неприглядная картина сложилась и во многих других субъектах Российской Федерации.

В процессе проводимых так называемых экономических реформ значительная часть населения оказалась за чертой бедности или у нее. В то же время в нашей стране имеется небольшая группа олигархов (200 человек), совокупное богатство которых составляет 446,3 млрд долларов США [Полтев 2012: 24]. Такого немислимого экономического расслоения общества нет ни в одной цивилизованной стране мира. Данная ситуация создает почву для социального взрыва. Власть не может этого не замечать и в последнее время начинает кое-что предпринимать в рассматриваемой области. Справедливости ради заметим, что ее действия носят весьма ограниченный, то есть точечный, характер, а нужны широкомасштабные действия, чтобы если не полностью, то хотя бы заметно выправить сложившуюся ситуацию. Одним из таких коротких «шажков» в нужном направлении является внесение Правительством РФ в Государственную Думу проекта Федерального закона № 378667-6 «О внесении изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации в части введения ограничений размеров компенсаций, выходных пособий в связи с прекращением трудового договора для отдельных категорий работников государственных корпораций, государственных компаний, государственных унитарных предприятий, хозяйственных обществ, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном (складочном) капитале которых находится в государственной собственности».

Появление нормативного акта в данной области давно назрело, поскольку выплачиваемые «золотые парашюты» при увольнении лиц, занимающих руководящие должности в компаниях, на практике достигают нередко астрономических размеров (сотни миллионов рублей), непонятных гражданскому обществу и прежде всего трудовому народу, живущему на заработную плату. Тем более что заслуги данных лиц зачастую бывают более чем сомнительными.

Отдавая должное рассматриваемому проекту Федерального закона, нельзя не заметить, что он имеет множество изъянов и резервов для его улучшения. Прежде всего это касается сферы его применения. В частности, почему действие последнего предполагается распространить только на хозяйствующие субъекты, у которых «более 50 % акций (долей) в уставном (складочном) капитале» находится в государственной собственности? А если меньше 50 %, то государству в проекте ФЗ отводится роль стороннего наблюдателя за творимым беспределом в данной сфере, с чем, естественно, далее мириться нельзя. Было бы целесообразно понизить этот порог с 50 % хотя бы до размеров блокирующего пакета акций (долей), находящихся в государственной собственности. В обоснование этого предложения можно привести множество аргументов. Однако ограничимся лишь двумя,

но основными: повышение уровня социальной справедливости в обществе и усиление контроля со стороны государства за сохранностью и эффективным использованием принадлежащих ему долей ресурсов в рассматриваемых хозяйствующих субъектах.

В интересах дела следовало бы нормы, содержащиеся в проекте ФЗ, а также предлагаемые нами в качестве дополнений к последнему, распространить и на частные компании, в уставном капитале которых отсутствуют средства государства. Прежде всего это касается компаний, которые были созданы на базе приватизированных предприятий. В данном случае государство имеет, помимо всего прочего, полное моральное право так поступать, если вспомнить, что эти компании получили от него имущество за бесценок, практически почти даром. И пока власть, в отличие от более чем 90 % населения России (судя по различным социологическим опросам), не собирается пересматривать итоги приватизации и вводить, как это принято в Великобритании и ряде других западных стран, налога на так называемые «доходы, принесенные ветром» (то есть на суммы разницы между реальной стоимостью и уплаченной частниками в процессе приватизации государственного имущества), предлагаемая нами мера более чем уместна. Она в определенной мере будет способствовать сокращению используемых сейчас каналов для разграбления страны. Вместе с тем в анализируемом проекте ФЗ было бы не лишним предусмотреть и норму, в соответствии с которой компания, входящая в одну из ранее рассмотренных групп и превысившая суммы «золотых парашютов» сверх установленных предельных норм, должна, во-первых, взыскивать подоходный налог с этих физических лиц с суммы превышения не 13 %, а в значительных размерах (по ставке не менее 70 %). А во-вторых, платить в бюджет и штраф за такие деяния, источником которого прежде всего обязана быть прибыль, оставшаяся в распоряжении компании. Минимальная величина штрафа при этом не должна быть меньше, чем сумма превышения «золотого парашюта» за минусом величины подоходного налога, взысканного с нее у физического лица.

А как быть с остальными частными компаниями (то есть созданными не на базе приватизированных предприятий, в уставном капитале которых нет акций, принадлежащих государству)? Они в принципе и далее должны иметь право выдавать «золотые парашюты» в любых размерах (то есть без ограничений) отдельным категориям своих работников в связи с прекращением трудового договора. Но в то же время и здесь должны присутствовать, так сказать, «здоровый смысл» и забота не только об указанных лицах, но и об общественных интересах, а именно: целесообразно, на наш взгляд, было бы установить прогрессивную шкалу налога с сумм, превышающих установленные предельные нормы «золотых парашютов». Ставки такого налога, по нашему мнению, должны составлять 50–70 % в зависимости от начисляемых сверхнормативных сумм рассматриваемых выплат. Во многих западных странах, заметим, в этих пределах установлен налог на бонусы. Указанные выплаты – это своего рода такие же бонусы. В нашей стране, к сожалению, власть, мягко выражаясь, явно «запаздывает» с принятием аналогичного нормативного акта применительно к бонусам. Выплаты руководителям компаний, в том числе и государственных, составляют фантастические суммы. Так, например, главе «Газпрома» А. Миллеру выплачивают в год 25 млн долларов [Деягин 2013: 5] (это зарплата, бонусы, премии и т. п.). И он не оди-

нок в ряду топ-менеджеров, столь щедро оплачивающих свой труд за счет средств руководимых ими госкомпаний. По данным журнала «Форбс», у 12 руководителей госкомпаний в России в среднем эти выплаты составляли 17,2 млн долларов ежегодно [Делягин 2013: 5]. И это в то время, когда в России, по данным Росстата, каждый девятый, а по мнению специалистов Института социологии РАН, каждый третий россиянин относится к бедным слоям населения?

В 2013 г. у каждого пятого работника в России заработная плата составляла до 7000 рублей в месяц [Костиков 2014: 6]. Такие запредельные различия в оплате труда отдельных групп работников лишь разжигают социальную рознь в обществе и могут сыграть роль детонатора социального взрыва. Сейчас даже «закоренелые» либералы, в частности В. Костиков, считают, что стране нужна другая концепция развития; необходимо «избавляться и от мусора, который скопился в стране за два десятилетия нашего уродливого капитализма» [Там же]. Необходимо, как он полагает, сделать «инвентаризацию беды», постигшей Россию. Сейчас настало время, когда власть должна приступить «к решительному исправлению допущенных ошибок» [Там же].

И одной из первых работ в данной области должна быть замена действующей 13%-ной «плоской» шкалы налога на доходы физических лиц на прогрессивную. С этим предложением, заметим, мы выступали не раз с самого момента появления «плоской» шкалы. Хотелось бы надеяться, что в ближайшее время оно будет наконец-то реализовано.

Но сделать нужно не только это. В рассматриваемом проекте ФЗ критической оценки заслуживает перечень руководящих должностей, на которые будут распространяться компенсационные выплаты в предельно установленных размерах. В нем указаны следующие должности: руководители компании/организации, их заместители, главные бухгалтеры и члены их коллегиального исполнительного органа. Данное положение вызывает ряд вопросов, в частности: почему в этом перечне нет таких должностей, как финансовый директор, председатель ревизионной комиссии, главные специалисты? Трудно объяснить также, почему заместители руководителя компании входят в данный перечень должностей, а заместители главного бухгалтера – нет. В результате складывается довольно странная ситуация: если должности указанных лиц не попали в перечень, содержащийся в проекте рассматриваемого ФЗ, то им можно будет выплачивать «золотые парашюты» в других размерах. Это скрытая лазейка для злоупотреблений и махинаций. Чтобы исключить данную потенциальную возможность, следует не только пополнить проект ФЗ перечисленными выше должностями, но и дополнить его словами «и других руководящих работников». Последнее объясняется тем, что в штатных расписаниях различных компаний, организаций в целом ряде случаев могут, так сказать, «присутствовать» и «другие руководящие работники».

Более чем спорным в рассматриваемом проекте ФЗ выглядит и предельная величина «золотого парашюта», которая равна шестикратному размеру среднемесячного заработка соответствующего лица (без учета компенсаций за неиспользованный отпуск). Во-первых, почему шестимесячному заработку, а не трехмесячному? В Трудовом Кодексе РФ для других работников (то есть рабочих и обычных служащих) в соответствии со статьей 178 предусмотрено, что «при расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организации...

либо сокращением численности или штата работников организации <...> увольняемому работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия). В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за уволенным работником в течение третьего месяца со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в двухнедельный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен». Таким образом, для «обычных смертных» рассматриваемая предельная величина равна 3 месяцам, и то лишь в исключительных случаях. Исходя из принципов социальной справедливости, вполне целесообразно было бы установить его также для руководящего и другого перечисленного ранее управленческого персонала компании. Сейчас, кстати сказать, в Трудовом Кодексе РФ имеется статья 181, содержащая следующую норму: «...в случае расторжения трудового договора с руководителем организации, его заместителями и главным бухгалтером в связи со сменой собственника имущества организации новый собственник обязан выплатить указанным работникам компенсацию в размере не ниже трех средних месячных заработков работника».

Исходя из ранее изложенного, в эту статью следует внести изменения. В частности, вместо слов «не ниже» указать «не выше» трех средних месячных заработков работника, а также расширить перечень должностей, которых коснется эта норма, с учетом высказанных нами выше предложений.

Во-вторых, в проекте рассматриваемого ФЗ, к сожалению, не установлены предельные нормы величин среднемесячных зарплат лиц, занимающих руководящие должности в компаниях, при расчете компенсационных выплат при их увольнении. А это фактически обесценивает сам проект рассматриваемого ФЗ. В качестве доказательства приведем пример расчета компенсационных выплат по упоминавшимся выше 12 руководителям госкомпаний. В среднем каждый из них, напомним, получил в год 17,2 млн долларов, а в расчете на месяц соответственно 1,43 млн долларов (что по нынешнему курсу примерно 49 млн рублей в месяц). Следовательно, компенсационные выплаты указанному руководителю составляют 294 млн рублей (в случае, если в ФЗ будет оставлен 6-месячный размер выплат) либо 147 млн рублей (при 3-месячном их размере). В первом и даже во втором случае это запредельные суммы. Поэтому пока в стране не налажен должный порядок в оплате труда в компаниях с госучастием, крайне необходимо установить предельные нормы величин среднемесячных зарплат лиц, занимающих руководящие должности, при расчете рассматриваемых им компенсационных выплат. На наш взгляд, чтобы эти лица должным образом заботились не только, так сказать, «о себе любимых», но и об остальных работниках, необходимо увязать эти выплаты со среднемесячной зарплатой не только их, но и рабочих компаний. По нашему мнению, в основу данного расчета должна быть положена модель: среднемесячная заработная плата рабочего основной(ых) профессии(ий) компании, умноженная на нормативный коэффициент. Для руководителя компании его следует установить на уровне 5. В результате суммы рассматриваемых компенсаций руководителю компании (С) предлагается определять по формуле:

$$C = Z_p \leq (Z_o \times M \times K),$$

где Z_p – среднемесячный заработок руководителя компании;

M – количество месяцев, равное 3;

Z_o – среднемесячная заработная плата рабочего основной(ых) профессии(ий) в компании;

K – коэффициент, указанный выше, который равен 5.

Таким образом, сумма компенсационных выплат руководителю компании будет равна трехкратному размеру его среднемесячного заработка, но не более пятнадцатикратного ($3 \cdot 5$) среднемесячного заработка рабочего основной профессии в компании. Рекомендуемый порядок созвучен с принципами социальной справедливости и в значительной мере устранит тот беспредел, что довольно часто наблюдается сейчас на практике в рассматриваемой области.

У отдельных оппонентов может возникнуть вопрос: а почему в данном расчете взят коэффициент 5, а не какая-либо другая его величина, и на чем он основан? Конечно, вопрос вполне правомерный, и мы отдаем себе отчет в том, что в процессе дискуссий он может быть подвергнут корректировке. Величина коэффициента взята из практики регулирования в отдельных отраслях бюджетной сферы соотношений в уровне заработной платы руководителей организаций/учреждений и их рядовых работников.

Заметим, что коэффициент 5 в данных расчетах установлен для руководителя компании, а для остальных лиц управленческого персонала его следует дифференцировать в пределах от 2 до 4, в зависимости от занимаемой ими руководящей должности. А саму сумму компенсационных выплат следует определять по предложенной нами выше формуле, заменив в ней показатель « Z_p » на среднемесячный показатель заработка соответствующего должностного лица и величину коэффициента « K » на установленную для него.

На наш взгляд, рассматриваемые компенсационные выплаты следовало бы увязать также с фактическим сроком службы лица на руководящей должности. Предельные их суммы, исчисленные в указанном выше порядке, должны, по нашему мнению, получать лишь лица, проработавшие в компании не менее 3 лет, а в остальных случаях размеры последних следует уменьшать не менее чем на треть.

Такой порядок необходимо соблюдать в компаниях с госучастием. Что же касается частных компаний, то размеры «золотых парашютов» они и далее, вполне естественно, будут устанавливать самостоятельно. Но всякие «излишества» сверх предложенных нами предельных норм должны облагаться по повышенным ставкам налога на доходы физических лиц.

В проекте ФЗ следовало бы также довольно четко и однозначно прописать норму: после вступления в силу этого ФЗ ранее заключенные трудовые договора с рассматриваемыми лицами теряют свою силу. Справедливости ради заметим, что в нынешней его редакции имеется норма, согласно которой руководство компании в течение трех месяцев после вступления в силу данного ФЗ должно будет привести в соответствии с ним ранее заключенные трудовые договора с лицами, занимающими руководящие должности. Однако нет полной уверенности в том, что это требование будет всегда исполняться. Уже хотя бы по той причине, что в Трудовом Кодексе РФ имеется статья 9, в соответствии с которой, если условия ухудшают уровень гарантий работников по сравнению с предусмотренными в их трудовом договоре, то они не подлежат применению. Поэтому в данном проекте

ФЗ необходимо не только прописать предлагаемую нами выше норму, но параллельно внести коррективы в содержание статьи 9 Трудового Кодекса РФ.

На наш взгляд, нуждаются в уточнении и содержащиеся в проекте ФЗ положения, касающиеся ситуаций, когда компенсационные выплаты при увольнении лиц, занимающих руководящие должности в компаниях, осуществляться не будут. Сейчас в нем указано, что подобным образом будут действовать при расторжении трудовых договоров по соглашению сторон. Следовало бы добавить, а также «по инициативе работодателя в случаях, предусмотренных в Трудовом Кодексе РФ в его статье 81 (п. 3; 5; 6; 7; 13)», то есть когда работник совершил действия, давшие основания для утраты доверия, либо аморальный поступок по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей и т. п.

Реализация вносимых нами предположений существенно улучшит рассматриваемый проект ФЗ, и он займет важное место в системе мер, направленных на повышение уровня социальной справедливости в нашем обществе.

Литература

Арцибашев А., Оберенко В. Без картошки не победим // Аргументы и факты. 2013. № 50.

Гетьман В. Г. Назревшие вопросы совершенствования учета основных средств // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 14.

Деягин М. Премия за грабеж // Аргументы и факты. 2013. № 48.

Донских Е., Коробицына О. За 2013 год – опять плюс 30 %! (Цена народной корзины стала на треть «тяжелее») // Аргументы и факты. 2014. № 1–2.

Ждановская А. Что будет, если поставщики импорта объявят нам бойкот // Аргументы и факты. 2013. № 46.

Костиков В. Русь новая и уходящая // Аргументы и факты. 2014. № 4.

Полтев Г. К. Национальное состояние // Итоги. 2012. № 48(859).

Проект Федерального закона № 378667-6 «О внесении изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации в части введения ограничений размеров компенсаций, выходных пособий в связи с прекращением трудового договора для отдельных категорий работников государственных корпораций, государственных компаний, государственных унитарных предприятий, хозяйственных обществ, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном (складочном) капитале которых находится в государственной собственности» [Электронный ресурс]. URL: www.audar-info.ru/bnews/detal.php?10-946129.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СУДЬБА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТОТАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (на примере неформальной молодежной субкультуры)

Левикова С. И.

д. ф. н., профессор кафедры философии
Московского педагогического государственного университета.

E-mail: levikovasi@inbox.ru

Национальные, локальные культуры в условиях современной тотальной глобализации испытывают сильнейшее воздействие, нацеленное на стирание всех различий между культурами и возникновение некоего единого, однотипного, безликого, что неминуемо приведет к вымиранию национальных культур. Однако неминуем ли подобный сценарий? Рассмотрению альтернативных возможностей посвящена данная статья, в которой на примере русской культуры и неформальных молодежных субкультур, входящих в нее, рассматриваются способности и возможности национальных культур противостоять разрушительному воздействию на них унифицирующей мировой глобализации.

Ключевые слова: русская культура, глобализация, общинность, молодежные субкультуры, заимствование, адаптация, социализация, первосимвол.

National, local cultures in the age of present total globalization experience strong influence which is aimed at eliminating all differences between cultures and emergence of something common, single-type, featureless that will inevitably lead to extinction of national cultures. Is it possible to avoid this? The present article is devoted to the alternative possibilities. By the example of Russian culture and informal youth subcultures the author considers the abilities and possibilities of national cultures for resisting destructive impact of the world globalization.

Keywords: Russian culture, globalization, communality, youth subcultures, adaptation, socialization, prime symbol.

Что такое русская культура и каково ее положение сегодня, в условиях тотальной глобализации? Да и можно ли вообще говорить о русской культуре как о культурно-историческом типе в его понимании Н. Я. Данилевским? Ведь те разьедающие воздействия, которым пытается противостоять русская культура как извне, так и изнутри, воздействия, спровоцированные эрой тотальной глобализа-

Век глобализации 2/2014 161–174

ции, столь сильны, что теоретически они не должны оставить в русской культуре ничего русского, растворив все в едином котле общемирового и общечеловеческого. Однако все не так просто, и на деле оказывается, что культуре не свойственна однозначность и «линейность» ответов на брошенные ей вызовы. Прдемонстрировать же это я хочу на примере русской культуры, более близкой и понятной мне именно как ее представительнице.

Но что такое «русское» (в смысле культуры) и в чем оно проявляется?

Еще со времен возникновения спора между западниками и славянофилами или даже раньше – между латинствующими и старообрядцами – возникло и стало упорно поддерживаться представление, что принадлежность к русской культуре должна непременно выражаться в чем-то типа ношения кокошников и сарафанов, игры на балалайках и ложках, а также в резных наличниках на окнах, матрешках, кулачных боях, тройках лошадей да «забавах с медведями». Однако такое представление является в высшей степени упрощением и вульгаризацией, а также проявлением примитивной стандартизации сознания. Практически оно аналогично тому, чтобы сводить, например, австралийскую культуру лишь к прыгающим повсюду кенгуру да аборигенам, бросающим в них бумеранги, а немецкую культуру – к сосискам с пивом, которые в неограниченном количестве поглощают огромного размера мужчины...

Да, безусловно, каждый народ обладает определенными культурными особенностями, свойственными и характерными лишь ему. Они выражаются в том числе и в одежде, и в кухне, и в животных, которые его окружают и которых он выделяет из остальных, и в мелодике песен, и т. д. и т. п. Но вряд ли можно сводить культуру лишь к подобному «внешнему» набору. Тем более что в современных глобализирующихся социокультурных системах отмеченные особенности постепенно стираются, превращаются в своего рода архаику и перемещаются в этнографические и краеведческие музеи, отдаются на откуп различного рода народным художественным коллективам и занимают прочное место на торговых лотках сувениров для иностранцев. И вот в России уже не встретишь на улице женщину ни в кокошнике, ни в традиционном сарафане а мужчину – в лаптях и косоворотке. Разве что вдруг возникнет мода на стилизацию «под фольклор» или «а-ля-рус», да «проскочит» во внешнем облике современного человека «народный» мотив. Однако стилизация не есть оригинал. Только вряд ли следует ожидать от современного человека, что в своей повседневной жизни он предпочтет оригинал стилизации. Вот и уходят из быта русского человека в тотально глобализирующемся мире и русские национальные костюмы, и тройки лошадей, и балалайки, и многое другое. Их уже давно вытеснила одежда, в которую облачаются люди практически в любой точке земного шара вне зависимости от их принадлежности к той или иной культуре; автомобили, большая часть которых либо произведены, либо сконструированы в иных странах, заступили на место повозок, в которые впрягались живые лошади (искусственные лошадиные силы сменили натуральные, естественные), а игра на балалайке превратилась в своего рода экзотику и уступила место «международной» гитаре или синтезатору.

Но что тогда такое «русская культура»? И почему, по каким признакам человека русской культуры отличают от того, кто к ней не принадлежит? Можно предположить, что по вербальному языку, на котором тот говорит и изъясняется. Но нет. Практика показывает, что язык – это очень важный, но вовсе не достаточный элемент принадлежности к тому или иному типу культуры. Ведь сколько сейчас людей говорят, например, на английском языке, но это ничуть не связывает их с английской культурой и не делает их ближе к ней. И наоборот, возможны ситуации, когда по тем или иным причинам человек фактически утрачивал вербальный язык собственной культуры, но в то же время не отрывался от нее совсем. Здесь в качестве примера можно привести хотя бы так называемое «русское зарубежье». Конечно, оно уже не полностью соответствует той культуре, носителями которой являются люди, постоянно живущие на территории России; скорее оно представляет собой «ответвление» русской культуры, которое, будучи оторванным от национальной почвы, с одной стороны, консервирует ту культуру, которая была в России на момент их отъезда, а с другой стороны, испытывает сильнейшее воздействие той культуры, в рамках которой люди пытаются сохранить свою «материнскую» культуру.

Однако что русского осталось в русской культуре после того, как ее не только затронули, но и захватили процессы тотальной социокультурной глобализации, стирающей все различия между культурами? И если это не язык, не сарафаны с балалайками, матрешками да тройками лошадей, то что еще может быть определяющим, чтобы можно было безошибочно сказать: «Да, именно это и есть русская культура»? Скорее всего, ответ кроется в пушкинской фразе: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

У древних индусов было поверье, что бога Брахму, то есть подлинное бытие, Абсолют, полностью познать невозможно. Более того, всякая попытка это сделать будет приводить к единственному ответу: «Это не то, не то, не то...» (или, наоборот: «Это и то, и то, и то...»). Однако они же говорили, что если кувшина воды достаточно, чтобы утолить жажду, то не нужно целое озеро. Вот так же и с культурой, в частности с русской культурой: чтобы говорить о ней, не обязательно называть, перечислять все, что к ней относится.

Безусловно, русская культура была бы совсем иной, если бы не территория и географическая принадлежность, не только подпитывающие и дающие силы людям, которые ими обладают и располагают, но и выстраивающие ценности, которыми они руководствуются, в определенной иерархической последовательности. Ведь только в условиях, не позволяющих людям выжить в одиночку, могла не только возникнуть, но и поддерживаться и бережно сохраняться та общинность и коммунитарность, готовность прийти на помощь, выручить соседа (ближнего), да и не только соседа, которая является характерной особенностью человека русской культуры.

Однако эта общинность, свойственная людям русской культуры, вызвана тем, что их жизнь протекала в условиях длительных и морозных зим, прерываемых короткими периодами летнего тепла, в течение которого надлежало не только обработать землю под посев, но также вырастить и собрать урожай, в силу чего

все необходимо было делать «миром», то есть совместно, поскольку в одиночку было просто не справиться, истари являлась не столь уж умильной и однозначной. В большой степени в ней была причина столь знаменитой разорванности русской души: индивидуалистичный от природы русский человек вынужден был жить и все делать сообща, «миром», с далеко не всегда приятными ему людьми.

Работать, выкладываться полностью, трудясь не покладая рук, а затем коротать длинные до бесконечности зимы, не зная, куда приложить свои силы. Не это ли основа для знаменитой «русской хандры»? А огромные расстояния и просторы («Степь да степь кругом. Путь далек лежит...») так и рвали сердце и вольно или невольно способствовали написанию «заунывных» песен. И все это так или иначе формировало «загадочную русскую душу».

Жизнь в условиях бескрайних просторов, щемящая красота русской природы способствовали развитию в сознании людей определенной степени непрактичности, мечтательности, той самой широты русской души, которая все еще поражает иностранцев. А еще формированию наивной доверчивости, когда не выясняют, «что», «как» и «почему», а просто «включаются», или, как сказали бы современные молодые люди, «ведутся» на что-либо.

Конечно, отмеченными моментами русская культура вовсе не ограничивается, но без этого вряд ли можно говорить о ней даже в современном ее варианте.

Процессы глобализации мирового пространства начались не сегодня и не вчера. Однако та стремительность, с которой они протекают в настоящее время, заставляет задумываться и о традиционных культурах, и о том, насколько велика вероятность их выживания в столь непростых условиях. Ведь если в конечном итоге глобализации все различия между культурами будут стерты и возникнет нечто единое, однотипное, безликое, то это будет верным путем к вымиранию культуры. Утверждать так возможно, прибегая к аналогии с биологическими существами. В биологии есть закон, в соответствии с которым невозможен лишь один вид, будь то растений, животных, насекомых или каких-либо других живых существ. Такая, хотя и фантастическая, ситуация приведет вначале к деградации, а затем к вымиранию этих существ. А потому и в животном, и в растительном, и в иных мирах необходимо как видовое разнообразие, так и наличие жертв и хищников. Хотя культура и не является биологическим феноменом, такая аналогия для нее представляется вполне корректной.

Рамки данной статьи, естественно, не позволяют рассматривать все элементы русской культуры в контексте глобализации и выявлять те процессы, которые характерны для нее в настоящее время: это тема для серьезного, основательного, многогранного и многоуровневого исследования. Однако ряд процессов возможно вскрыть и обратившись к структурным элементам современной русской культуры как системного образования. Ведь в них, как в каплях воды, отражается то, что характерно для феномена в целом, что позволяет делать выводы для него и тем самым фактически продвигаться от частного к общему. А потому далее я намеренно обращусь к очень неоднозначному социокультурному феномену неформальной молодежной субкультуры, который в рамках русской культуры при поверхностном обращении к нему кажется совсем «нерусским», инородным, при-

внесенным извне и существующим в России лишь в качестве дани моде или преклонения перед западными странами (культурами) по принципу «раз у них там есть такое, то и нам надо». Именно этот феномен в силу большого количества имеющихся в нем заимствованных у Запада элементов и внешних проявлений, с моей точки зрения, сможет наглядно продемонстрировать, способна ли русская культура устоять под натиском процессов глобализации и сохраниться как уникальное образование, переварив и подстроив под свой ритм, такт, вкус, стиль, дух приносимое извне, или же она обречена на превращение во что-либо безликое, бесцветное, однообразное, ничем не выделяющееся из будущей единой мировой культурной массы, которая явится результатом пропускания через великую «мясорубку» тотальной глобализации всех самобытных культур и дальнейшего «размазывания» этой массы по всему мировому пространству.

Итак, неформальная молодежная субкультура. Какое отношение она имеет к русской культуре, кроме того, что существует в ее рамках? И что это за социокультурный феномен? Выскажем предположения, что он:

а) просто занесен «ветром моды» в процессе глобализации или желанием прикоснуться к запретному, а может, и по какой-то иной причине, на русскую почву и существует на ней, как некое экзотическое растение, которому суждено «отцвести и умереть»;

б) занесен «ветром моды» в процессе глобализации или желанием прикоснуться к запретному, а может, и по какой-то иной причине на русскую почву, но сумел прижиться на ней и питается ее соками, разрастается и дает многочисленное потомство гибридов;

в) родился и вырос на самой русской почве, и процесс глобализации тут вовсе ни при чем, однако в силу целого ряда причин не успел обрести собственного «лица», а потому позаимствовал это «лицо» извне, но при этом сумел серьезно отойти в сторону, а потому и отличается от западных аналогов, одолживших ему это «лицо» (эти «лица»);

г) рожден и вырос на русской почве, и процесс глобализации тут вовсе ни при чем, развивался в лоне русской культуры, совершал определенные заимствования извне, однако при этом брал оттуда лишь то, что было созвучно ему и той культуре, в рамках которой он существовал, а то, что было несозвучно, но близко ему по духу, перерабатывал под свой собственный ритм, такт, вкус.

Забегая вперед, скажу, что последующие рассуждения приведут к варианту «г».

Поскольку феномен неформальной молодежной субкультуры является не чисто культурным, а балансирует на грани социального и культурного в том смысле, что причины его возникновения кроются в обществе с его проблемами, а проявляется он в основном в сфере культуры, то чтобы разобраться в поставленных вопросах, необходимо рассмотреть его социальные и культурные моменты, или составляющие, по отдельности¹. И начинать следует с социальных моментов, ле-

¹ Я вполне отдаю себе отчет в том, что культуры без общества не существует и наоборот. Недаром в ходу термин «социокультурный», связывающий эти два момента воедино. Однако есть ситуации, когда для реализации исследовательских задач и, естественно, для лучшего понимания необходимо разорвать эту

жащих в основе обозначенного социокультурного феномена. Однако предварить это рассмотрение необходимо пояснением смысла самого названия феномена, что позволит избежать непонимания и разнотолков².

Кого мы имеем в виду, когда говорим о «молодежи»? Что означает слово «неформальный»? И почему речь идет о «субкультурах»?

Слово «молодежь» хотя и однокоренное со словом «молодость», но в смысловом отношении не является тождественным ему, хотя и очень распространено представление, что молодежь – это просто слой биологически молодых людей в демографической структуре общества. Однако такое понимание чревато ошибками, поскольку сводит все к биологии и лишь к возрастным особенностям людей. Но люди – это биосоциальные существа и, кроме биологической, имеют также и социальную составляющую, которая, собственно, и делает их людьми в полном смысле этого слова. Именно эта социальная составляющая и позволила выделить молодежь в отдельную социально-демографическую категорию. При этом следует отметить, что эта категория возникла лишь в XX в., хотя биологически молодые люди были всегда и везде, во все времена. В чем здесь дело и что произошло в XX в., в том числе в России?

Из истории известно, как развивались и глобализировались общественные системы, в которых на смену малопродуктивному труду ремесленников-одиночек пришли фабрики и заводы с более производительным трудом, в основе которого сначала была механизация, затем автоматизация и далее компьютеризация. Эти процессы сопровождались усложнением производств и специализацией людей, которой необходимо было учиться. Кроме того, возникновение фабрик и заводов привело к появлению городов и, естественно, концентрации в них людей.

Все обозначенные процессы имели следствием то, что в XX в. возникла потребность в длительном периоде обучения людей. Однако длительный период обучения отмечался и ранее. Так, например, кельтские друиды учились по 25 лет. Разница состояла в том, что ранее длительно обучались одиночки, а в XX в. возникла необходимость длительно обучать практически всех³. Это привело к тому, что именно в XX в. в индустриальных обществах возник слой людей, основным занятием которых было лишь обучение. Вот они-то и были названы термином «молодежь».

тесную связь и рассмотреть данные моменты в отдельности. Это аналогично тому, как человек в том смысле, что понимается под термином *Homo sapiens*, является соединением души и тела, идеального и материального начал. Однако, например, для медицины, если речь идет не о психиатрии, душа человека не имеет большого значения, поскольку медицина занимается телом, а для поэзии не очень важно, что представляет собой тело поэта, если он пишет замечательные стихи.

² Это необходимо потому, что сверхрасширительное толкование феномена, спровоцированное и активно подогреваемое средствами массовой информации, привело к тому, что практически все, так или иначе относящееся к определенной возрастной категории, не укладывающееся в традиционные схемы, относят к молодежной (суб)культуре. Не буду здесь останавливаться на корректности или некорректности подобных действий СМИ. Дабы избежать возможности разнотолков и широты понимания, я настаиваю на том, чтобы феномен, о котором здесь идет речь, назывался «неформальная молодежная субкультура» (термин, введенный мною несколько лет назад и активно продвигаемый в научный оборот).

³ В настоящее время лишь школьное образование продолжается 10–12 лет, однако подобное образование является недостаточным. В силу этого выпускники школ продолжают обучение либо в профессиональных училищах, либо в вузах, на что уходят годы. И этот феномен является общемировым для стран, охваченных процессами глобализации.

Слово «неформальный» пришло из социологического понятия «неформальная группа». Дело в том, что в социологии различаются группы формальные и неформальные. Под формальными понимаются такие группы, которые создаются обществом для определенных целей. Напротив, под неформальными понимаются группы, возникшие спонтанно на основе субъективных потребностей, интересов, стремлений индивидов, причем интересы этих групп могут как совпадать с общественными, так и противоречить им. Эти группы могут существовать и самостоятельно, и в рамках тех или иных формальных групп. Примером последнего может быть компания ребят, сложившаяся в классе.

Таким образом, когда речь заходит о неформальных молодежных субкультурах, словом «неформальный» специально подчеркивается, что эти группы созданы самими молодыми людьми для себя. Кроме того, одним из следствий неформальности этих групп является отсутствие в них жесткой структурированности.

И третье слово в названии рассматриваемого феномена – «субкультура». В данном конкретном случае оно несет несколько значений. Во-первых, оно дает понять, что мы имеем дело с подкультурой, или культурой в культуре, а это означает, что данная культура частична, неполна и в определенном смысле зависима. При этом в случае с неформальной молодежной субкультурой данная зависимость является двойкой: от культуры вообще (если так можно выразиться и представить, что все внебиологическое, созданное человеком, представляет собой культуру как общемировое явление) и от культуры той страны, в рамках которой та или иная неформальная молодежная субкультура существует. Во-вторых, оно подчеркивает, что мы имеем дело не просто с неформальными молодежными группами (объединениями), а с группами, которые продуцируют собственную, хотя и зависимую, но все же культуру. И вот именно в этой субкультурной составляющей неформальные молодежные субкультуры и различаются.

Итак, неформальные молодежные субкультуры – это группы тех, для кого основным занятием в жизни является обучение⁴, кто самостоятельно создает эти группы для себя и себе подобных и кто в этих группах продуцирует субкультуру. При этом исследования показывают [см.: Левикова 2010], что как социальные образования все неформальные молодежные субкультуры существуют и действуют по одной схеме, обладают общими, характерными для них всеми особенностями; различаются же они только субкультурной составляющей, которая, будучи частичной, имеет в основном внешние проявления⁵.

⁴ Здесь следует оговориться, что в настоящее время неформальные молодежные субкультуры «повзрослели» биологически в том смысле, что в них стали входить и люди старше не только по возрасту, но и по своему социальному устройству. Так, среди неформалов уже нередки те, кто закончил обучение и не только приступил к работе и по привычке продолжает часть своего времени проводить в неформальных молодежных субкультурах, но и те, кто уже не один год работает, но связь с субкультурой не потерял. Происходит это по нескольким причинам, в числе которых можно назвать невозможность получать удовлетворение от работы (очень немногие виды деятельности хорошо оплачиваются, и это приводит к тому, что люди добросовестно занимаются тем, что им не по душе; на работе они зарабатывают, а отдушиной для них длительное время остается неформальная молодежная субкультура, из которой они и не думают уходить), а также поздние браки.

⁵ Безусловно, реальная жизнь намного богаче и многограннее любой схемы, в которую она не полностью укладывается, однако приходится чем-то жертвовать, чтобы уловить то общее, что позволяет говорить о чем-либо как о социокультурном феномене.

Таким образом, объективные процессы развития общественных систем привели к тому, что в индустриально развитых странах, к которым относится и Россия, появилась молодежь как социально-демографическая категория; эта молодежь стала самопроизвольно объединяться в неформальные группы и продуцировать там субкультуру. Причем обращает на себя внимание то, что так поступает далеко не вся молодежь, а лишь ее треть, да и то по самым высоким показателям и в самые «урожайные» для неформальных молодежных субкультур годы. Но тогда возникает вопрос: почему эта треть оказывается в неформальных молодежных субкультурах? Ответ на него кроется в сбое ее социализации.

Социализация – это процесс и результат усвоения и овладения индивидом социального опыта в ходе его взаимодействия и общения с социальным окружением. То есть социализация – это процесс приобщения индивида к социуму, включения его в общественную жизнь, обучения поведению в коллективах, утверждения себя и выполнения социальных ролей; это процесс усвоения человеком (как правило, молодым) определенной системы знаний, норм и ценностей. Социализация протекает как стихийно – в результате воздействия на молодого человека его окружения, так и целенаправленно – благодаря планомерному сознательному воздействию на молодого человека с целью достижения желаемого влияния и результата. Традиционно второй вариант рассматривается как воспитательный процесс. Сочетание же обоих вариантов – стихийного и целенаправленного – нацелено на то, чтобы индивид приобщался к культуре, овладевал различными необходимыми для жизни навыками и умениями и становился полноправным, полноценным членом общества.

Примерно до начала XX столетия (или второй половины XIX в.), то есть до вступления обществ в индустриальную (а тем более индустриально развитую) стадию, за социализацию молодых людей в основном отвечала семья. И здесь не имело особого значения, к какому слою общества принадлежали люди: все социализировали своих детей в соответствии с тем местом в социальной структуре, которое они занимали. Таким образом, социализация подрастающего поколения проходила в рамках семьи.

В начале XX столетия семья претерпела серьезные изменения. И в первую очередь они касались социализации, которую семья давала растущим в ней детям. Функции целенаправленной социализации в XX в. оказались поделенными между семьей и государством. Однако уже к середине столетия оказалось, что даже такое распределение обязанностей и взаимная помощь семьи и государства в лице детских и юношеских учебных и воспитательных учреждений вовсе не гарантировали идеального прохождения подростками социализации. Более того, именно инстанции, основными функциями которых было всячески способствовать молодому человеку социализироваться, чтобы во взрослую жизнь он вступил всецело готовым к этой жизни, стали давать сбой. Молодые же люди, инстинктивно почувствовав, что у них есть определенные проблемы и им чего-то не хватает, стали объединяться в группы с такими же, как они сами, молодыми людьми, и на деле компенсировать эту нехватку. А поскольку им необходимо было как-то себя чисто внешне обозначить для своих же, чтобы сразу понимать, с кем имеешь дело,

они стали нарабатывать внешние субкультурные отличия от того, что было принято и традиционно в обществе.

Как ни странно, но проблемы с социализацией детей возникают именно в семьях, где дети желанны и любимы, то есть в тех семьях, которые принято называть благополучными. Казалось бы, там ребенку дают все, чтобы ему было хорошо, но на деле оказывается, что вся проблема в мере любви к ребенку или в умении его любить. Ведь любовь к ребенку в определенном смысле жертвенная со стороны родителей, поскольку они его растят для того, чтобы он их в дальнейшем покинул и зажил своей собственной жизнью. непонимание этого частью родителей, сверхконтроль за подростком и запрет, налагаемый на его самостоятельность, в итоге оборачиваются либо превращением их ребенка в дальнейшем в инфантильного взрослого, либо уходом этого ребенка в неформальные молодежные субкультуры, где он имеет возможность «на равных» общаться со своим окружением.

Другой вариант сбоя социализации в семье характерен для любящих родителей, которые либо ограничены в средствах и возможностях, но прилагают все усилия, хватаясь за любую подработку, чтобы их ребенок ни в чем не нуждался, либо всецело поглощены бизнесом, профессией, карьерой. В обоих случаях на деле получается, что родители превращаются для своего ребенка лишь в источник средств: дети фактически оказываются предоставлены самим себе, что рано или поздно приводит их в неформальные молодежные субкультуры, компенсирующие им нехватку семейного тепла и позволяющие опробовать хотя и игровые, но все же семейные роли.

Как ни грустно, но за редким исключением и неполные семьи не способны предоставить ребенку полноценную социализацию. И как бы родитель, с которым живет ребенок, ни любил его, он все равно не в состоянии заменить ему обоих родителей. Таким образом, дети из неполных семей инстинктивно оказываются в поиске того места, где можно своеобразно «восполнить» нехватку одного из родителей. И этот поиск очень часто приводит их именно в неформальные молодежные субкультуры.

Порой излишняя любовь родителей или симпатии окружающих также приводят к сбою социализации подростка, выражающемуся сначала в завышенной оценке ребенка окружающими, а затем уже его собственной завышенной самооценке. Происходит это из-за того, что не слишком выдающиеся способности ребенка начинают превозноситься окружающими как талант. В результате ребенок, приученный к тому, что он не такой, как все, вырастая, вдруг обнаруживает, что способности у него заурядные... В итоге подобные непризнанные обществом «гении» находят себе пристанище в неформальных молодежных субкультурах. И примечательно, что там собираются не только непризнанные «художники», «поэты», «актеры», то есть люди творческих профессий, оценка таланта которых предельно субъективна, но и непризнанные «археологи», «филологи» и т. д. Казалось бы, чего проще: подготовься, поступи в институт, отучись и работай по заветной специальности. Но на деле подобные молодые люди предпочитают публично страдать в неформальных молодежных субкультурах...

Если сбой социализации в семье, приводящий молодых людей в неформальные молодежные субкультуры, происходит в основном из-за переизбытка любви родителей к собственным детям, то сбой социализации, за которую отвечает государство, происходит по другим причинам и особенно ярко проявляется в школе. Для школ характерны в основном две разновидности сбоя социализации ребенка, прокладывающие ему путь в неформальные молодежные субкультуры. Первая связана с отношениями школьника с учителем. К сожалению, нередки случаи, когда учитель по тем или иным причинам ставит крест на ученике и начинает того всячески третировать. И если класс принимает позицию учителя и подхватывает его отношение и манеру общения с жертвой, то подросток оказывается в ситуации изгоя, не вписывающегося в нормальную жизнь и класса, и школы. Пытаясь сопротивляться возникшей ситуации, ребенок еще более усугубляет свое положение протестным поведением. При этом учителями упускается из вида, что смысл обучения и воспитания ребенка – социализация, подготовка его к взрослой жизни. Но какую реальную подготовку подросток, всеми унижаемый и третированный, получает в таком случае? Не всякий согласится с такой ролью. И несогласные находят выход в неформальной молодежной субкультуре, где их начинают ценить за те качества, которыми они обладают в действительности.

Другая ситуация сбоя социализации в школе связана с коллективом класса, в котором учится ребенок, а также с распределением в нем неформальных ролей: «самого красивого», «самого умного», лидера и т. д. Однако если в классе, в котором роли уже распределены, появляется новичок, то ему предстоит нелегкое вхождение в коллектив: необходимо найти и занять там свое место. А если оно уже занято? Ведь совсем не факт, что имеющийся «исполнитель» определенной роли без боя уступит свое место. И если результат этого боя окажется не в пользу новичка, то он фактически будет чужим в коллективе, отвергнутым, не вписавшимся. Как правило, подобная ситуация и толкает подростков к поиску альтернативы, которую им предоставляет вхождение в неформальную молодежную субкультуру.

Однако не только школа продуцирует сбой социализации молодых людей: ведь социализация не заканчивается вместе с последним школьным звонком, и после него молодой человек должен приобретать навыки будущей профессии. Но в этот процесс часто вмешивается государство. И здесь речь идет о молодых людях, пришедших в армию по призыву, но отправленных государством проходить службу в горячих точках (или на локальные войны). Проблема заключается в том, что молодой человек проходит там действительно суровую школу: боли, крови, потери товарищей; обучается владеть оружием и наукой воевать, а также видеть во всех либо своих, либо врагов. А в это же время его одноклассники дома учатся, обзаводятся семьями, рожают детей, да просто тусуются на дискотеках. И вот когда молодой человек, прошедший школу войны, возвращается в мирную жизнь, он в нее не вписывается: его «школа» оказалась слишком отличной от того, что было у тех, кто не был в горячей точке. И если молодой человек пришел с войны без ранений, то, не найдя себя в мирной жизни, он инстинктивно начинает искать аналогичных себе людей с такой же «сбитой» социализацией. Он объе-

диняется в рамках неформальной молодежной субкультуры с аналогичными парнями и начинает «воевать» уже на своей территории, устанавливая порядки и нормы, которые ему понятны и которые действуют в условиях войны.

Можно было бы продолжить разговор о различных вариантах сбой социализации в современную эпоху глобализации и, кстати, обратить внимание на серьезно затянувшийся период учебы молодых людей, оборачивающийся для них феноменом «социального детства», когда учеба становится способом существования, а не средством достижения определенной цели, в силу чего молодые люди, привыкшие учиться, готовы это делать до бесконечности, но не готовы становиться взрослыми и самостоятельно зарабатывать на собственную жизнь. Однако какого бы варианта сбой социализации у современных молодых людей мы ни коснулись, так или иначе выйдем на социальные корни этого явления. Причем это будет характерно для всех индустриально развитых обществ, в том числе и для России, но причина будет скрываться не столько в процессах глобализации, сколько в стадиях развития общественных систем, которых те достигли.

Но тогда получается, что наличие неформальной молодежной субкультуры в рамках российской социокультурной системы имеет такое же отношение к русской культуре, как и к английской в рамках ее социокультурной системы, как и к французской в рамках ее социокультурной системы и т. п., то есть что это явление не столько культурное, сколько социальное. Культурная же составляющая неформальных молодежных субкультур оказывается практически везде заимствованной извне, разве что кроме той культуры, в рамках которой изначально появилась та или иная разновидность неформальной молодежной субкультуры. То есть имеется в виду, что, поскольку хиппи впервые появились в США, то для культуры этой страны они «свои», а для всех иных – в той или иной мере удачное заимствование; или, аналогичным образом, готика «своя» лишь для Великобритании (английской культуры); или растафари – для культуры Ямайки; или люберы – для русской культуры и т. п. То есть получается, что неформальная молодежная субкультура есть не что иное, как одно из проявлений процесса глобализации, стремительно охватившего мировое пространство. А молодые люди приобщаются к тем или иным неформальным молодежным субкультурам точно так же, как используют шампуни, автомобили и прочий ширпотреб. И тогда ничего национально-культурного в этом социальном феномене нет, и слово «субкультура» в нем означает не подкультуру национальной, в нашем случае русской, культуры, а подкультуру единого феномена неформальной молодежной субкультуры, являющемуся в свою очередь подкультурой для мировой глобальной культуры.

Однако на деле все оказывается намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Реально феномен неформальной молодежной субкультуры за десятилетия своего существования (а его история берет начало в 40-х гг. XX в. в США) пережил множество собственных разновидностей. За более чем семь десятилетий каких только вариантов неформальных молодежных субкультур не возникало, не существовало и не прекращало своего существования. Однако лишь часть из них превращалась в международные, остальные же оставались и остаются чисто локальным явлением и достоянием лишь собственной культуры (напри-

мер, люберы в России). Более того, далеко не все международные неформальные молодежные субкультуры приживаются во всех индустриально развитых странах. Ведь сколько у нас на слуху сейчас неформальных молодежных субкультур, которые можно найти не только в нашей стране, или, вернее, которые, прежде чем прорасти в нашей культуре, развивались на совсем иной почве? В лучшем случае назовем с десяток, а может быть, и того меньше. Безусловно, вряд ли сейчас найдется человек, который хотя бы не слышал о байкерах, хиппи, панках, готах и эмо; а вот с растафари будет уже сложнее, и упоминание о них может вызвать вопрос: «А это кто такие?» И это при том что растафари является одной из самых крупных международных неформальных молодежных субкультур.

Так в чем же дело и что происходит с неформальными молодежными субкультурами теперь уже в собственно культурном смысле этого слова? Почему одни из неформальных молодежных субкультур остаются локальными, а другие превращаются в международное (межкультурное) явление? Почему не все международные неформальные молодежные субкультуры приживаются во всех индустриально развитых странах, охваченных глобализацией? И можно ли говорить о существующих в России неформальных молодежных субкультурах как о проявлении, хотя и достаточно своеобразном, русской культуры? И если «да», то что дает основания утверждать, что это так?

Итак, возникла масса вопросов, ответы на которые позволят прояснить судьбу как русской, так и других национальных культур в условиях тотальной глобализации, а также лучше понять сам феномен неформальной молодежной субкультуры.

В начале XX в. немецкий философ Освальд Шпенглер в книге «Закат Европы» изложил собственное видение культуры, выделил типы существовавших и уже отживших свой срок культур, определил их особенности и возможности взаимодействия с другими типами. Положения, выдвинутые Шпенглером, представляется возможным распространить и на неформальные молодежные субкультуры в их отношении с традиционными культурами, в рамках которых они существуют и, конкретно, в отношении «с» (и «к») русской культурой. Поэтому я вкратце напомню некоторые идеи Освальда Шпенглера.

Противопоставляя понятия «культура» и «жизнь», Шпенглер понимал под культурой внешнее проявление внутреннего строя души народа, стремление коллективной души народа к самовыражению. В этом смысле культура не тождественна разуму, она возникает из устремления к «космичности», что передается в «такте», «ритме», «тональности» переживания коллективной души. Каждой культуре присуще первичное мироощущение, «первосимвол», из которого истекает все богатство ее форм. Историко-культурный тип замкнут в себе, существует обособленно, изолированно. Культура живет собственной, особой жизнью, культивируя свой «такт», «ритм», «вкус», «тональность». Она ничего не может воспринять от других культур. Не существует исторической преемственности, влияния или заимствования. Новая молодая культура, воспринимая влияние какой-либо другой, немедленно подчиняет воспринятое ей своему «ритму», «такту», «вкусу». Культуры самодостаточны, а потому диалог между ними невозмо-

жен. Человек, принадлежащий к определенной культуре, не только не может воспринять иных ценностей, но и не в силах понять их. Все нормы духовной деятельности человека имеют смысл только в рамках определенной культуры и значимы только для нее. Каждый тип культуры с неизбежностью судьбы проходит одни и те же жизненные этапы (от рождения до смерти), порождает одни и те же явления, окрашенные, однако, в своеобразные тона, присущие только ему [Шпенглер 1993].

Отдавая дань великому ученому, спустя почти столетие с момента изложения им этих идей хочется принять лишь часть из них. Безусловно, в контексте глобализации забавно звучат положения об отсутствии диалога культур, их взаимовлияния или заимствований. Однако положение о том, что культура является внешним проявлением внутреннего строя души народа, стремлением коллективной души народа к самовыражению, нельзя обойти стороной. Ведь, действительно, все попытки определить, что есть культура, выводят на некое духовное выражение, сводимое, в частности для русской культуры, к пушкинскому «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», о чем шла речь в начале статьи. То есть стремление дать ответы на поставленные выше вопросы неминуемо упрется в духовное созвучие. Именно этим и объясняется, с моей точки зрения, то, почему при наличии всех социальных условий одни международные неформальные молодежные субкультуры в той или иной культурной среде приживаются, а другие – нет. Так, например, в рамках английской культуры возникли такие неформальные молодежные субкультуры, как теддиз и готика. Однако в русскую культуру вошла лишь готика, своей мечтательностью и депрессивностью («хандрой») столь близкая ей. Также русская культура «с радостью» для молодых людей 90-х гг. XX столетия приняла, казалось бы, совсем инородную для себя «черную» субкультуру растафари. Но на деле оказалось, что и мелодика музыки регги этой неформальной молодежной субкультуры, и та откровенная обломовщина, и мечтательность растаманов, да и их стремление существовать «миром», общиной (коммуной) максимально близки русской культуре. Практически то же произошло и с хиппи как неформальной молодежной субкультурой, пришедшей из Соединенных Штатов Америки. А вот хипстеров и битников родом из тех же США русская культура не приняла⁶.

Более того, возвращаясь к Шпенглеру, следует обратить внимание и на его положение, что культуры живут собственной, особой жизнью, культивируя свой «такт», «ритм», «вкус», «тональность»; воспринимая же влияние какой-либо другой культуры, они немедленно подчиняют воспринятое своему «ритму», «такту», «вкусу», «тональности». Именно это в настоящее время и демонстрируют неформальные молодежные субкультуры, пришедшие в русскую культуру извне. Вначале они более похожи на некую карикатуру или плохую копию с оригинала, однако со временем происходит переработка «занесенного», но созвучного русской культуре, в результате чего лишь формально приходится говорить о чужеродности той или иной неформальной молодежной субкультуры. Например, сегодня

⁶ Здесь речь идет о классических хипстерах 50-х гг. XX в., а не об ином явлении, для которого сейчас реанимировали слово «хипстер».

уже вряд ли кто-либо додумается завести разговор о том, что хиппи в России копируют Запад; они уже давно наши, русские.

Итак, есть все основания надеяться, что даже в условиях тотальной глобализации русская культура не только выживет, но и сохранит свой особый дух, а также «такт», «ритм», «вкус», «тональность». Об этом, в частности, свидетельствует и культурное своеобразие феномена неформальной молодежной субкультуры, существующего в рамках русской культуры.

Заканчивая статью, хочется еще раз вернуться к вопросу, поставленному в ее начале: «Каково положение русской культуры сегодня, в условиях тотальной глобализации?» Ответить на него можно так: она есть и будет, пока жив ее дух. Ответственность же за его сохранение лежит на нас.

Литература

Левикова С. И. Неформальная молодежная субкультура. М. : Вузовская книга, 2010.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск : Наука, 1993.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЕВРАЗИЙСТВО: ДВА ВОЗМОЖНЫХ ПРОЕКТА ПЕРЕУСТРОЙСТВА КОЛЬЦА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Зжу Чуньмин

Институт философии Китайской Академии
общественных наук (Пекин, Китай).

E-mail: zuchunming@126.com

Статья посвящена вопросу о двустороннем движении (устройство – расстройство) кольца русской цивилизации и причинах этого движения. В этом смысле славянофильство и евразийство являются разными проектами переустройства кольца русской цивилизации.

Ключевые слова: кольцо русской цивилизации, славянофильство, евразийство, парадигма идентификации.

The paper considers the problem of bilateral character (arrangement – derangement) of the circle of Russian civilization and the reasons of this process. In this regard Slavophilism and Eurasianism are different projects of reconstruction of the circle of the Russian civilization.

Keywords: circle of Russian civilization, Slavophilism, Eurasianism, paradigm of identification.

При внимательном рассмотрении истории русской культуры нетрудно заметить, что существует кольцо русской цивилизации. Кольцо цивилизации – это концепция, выдвинутая С. Хантингтоном в его известной книге «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». Осмысление русской истории в контексте данной концепции позволяет акцентировать тезис о том, что русская история – это повторяющийся процесс устройства/переустройства кольца русской цивилизации. Согласно такой схеме понимания истории славянофильство и евразийство являются разными вариантами переустройства кольца русской цивилизации. В статье предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: какие парадигмы идентификации переустройства кольца русской цивилизации представляют славянофильство и евразийство? Каковы теоретические отношения между этими парадигмами и какое значение они имеют для «возрождения России»?

Часть 1. Устройство и расстройство кольца русской цивилизации

В русской истории действительно существовало кольцо русской цивилизации. Что такое «кольцо цивилизации»? Если мы определяем культуру как «ценности, нормы, институты и способы мышления, которым сменяющиеся друг друга поколения придают первостепенное значение» [Хантингтон 1997: 114], то «циви-

* Выражаю признательность профессору Ли Хэ, Чжань Вэйчунь, Ма Иньмао за то, что они много сделали для написания данной статьи.

лизация – это культура в широком смысле слова» [Хантингтон 1997: 115]. Итак, кольцо цивилизации – это группы людей, живущие в каком-то районе и имеющие какую-либо общую культурную идентичность в самом широком смысле.

В русской истории были два крупных устройства и расстройтва кольца русской цивилизации. Первое устройство началось с крещения Руси в 988 г. и продолжалось до правления Ивана Грозного в XVI в. Это время формирования единого русского государства. С точки зрения истории православия в этом процессе можно выделить два более конкретных этапа: с крещения Руси в 988 г. до гибели Византии в 1453 г. По сравнению с просвещенной Византией Россия не занимает такое важное место в мире православия. После гибели Византии Москва к XVI в. становится не только столицей царской России, но и центром православия. Именно в это время появилось учение «Москва – Третий Рим». Обращаясь к великому князю московскому Василию Ивановичу, монах Филофей (1465–1542) возвещает: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инем не останется...» Такое учение заложило основу для формирования мысли «де-Запад», то есть отличающееся от Запада, даже более священное, чем Запад.

Второе устройство началось с XVI в. и продолжалось до Октябрьской революции 1917 г. Это время расширения территории царской России, особенно во второй половине XIX в., когда к ней были присоединены Дальний Восток, Восточная Сибирь и Средняя Азия. В географическом смысле Россия представляла собой громадную империю в Евразии. Это время, когда русская культура оказывала все большее влияние на соседние народы. Православие и русский язык, даже обычаи и традиции русского народа получили широкое распространение. Поэтому можно считать, что зона кольца русской цивилизации совпадала с территорией царской России.

Однако эти народы обычно не подчинялись управлению царской России и часто поднимали национальные восстания, что в дальнейшем стало поводом для переосмысления русскими интеллигентами парадигмы культурной идентификации.

Обратимся к феномену расстройтва кольца русской цивилизации. В нем можно выделить два главных этапа. Первый этап связан с распространением влияния западной цивилизации. С XVI в. западная цивилизация оказывала влияние на различные традиционные кольца цивилизации, в том числе и на русскую, а потом и на китайскую цивилизацию в XIX в. Второй этап начинается с Октябрьской революции 1917 г., когда советская власть коренным образом разрушила русскую традиционную культуру. Следует подчеркнуть, что создание Российской империи – это результат не только второго этапа устройства кольца русской цивилизации, но и первого этапа его расстройтва. Иначе говоря, первый этап расстройтва кольца русской цивилизации становится начальной точкой второго этапа его устройства.

С XVI в. западная цивилизация оказывала одностороннее влияние на русскую цивилизацию, в результате чего русское общество вступило в фазу кризиса раскола. После реформы Петра I этот кризис усилился и в конце концов превратился в дискуссию славянофилов и западников в первой половине XIX в. С этого времени такой двусторонний западно-славянофильский характер стал неотъемлемой

чертой идеологии русской интеллигенции. Именно тогда начался процесс модернизации России и второй этап устройства кольца русской цивилизации.

В процессе модернизации России изменялся и способ экспансии, осуществлялся переход от традиционного способа экспансии к современному цивилизационному способу. И в этом смысле можно сказать, что западная цивилизация именно через Россию распространилась по Средней Азии и Сибири.

Октябрьская революция нанесла более мощный удар по кольцу русской цивилизации по сравнению с влиянием Запада. Советская власть пыталась вместо традиционной культуры создать новую культуру пролетариата. Такая культура не должна была иметь никакого отношения к русской культуре прошлого. Поэтому кольцо русской цивилизации находилось в глубоком и коренном кризисе расстройств. Иначе говоря, на этот раз расстройство затронуло основу кольца русской цивилизации, что впоследствии стало одной из причин распада СССР. Нужно подчеркнуть, что распад СССР осмысливается как результат второго этапа расстройств кольца русской цивилизации и как начало его сегодняшнего переустройства.

Одним словом, кольцо русской цивилизации всегда находится в состоянии двустороннего движения устройства – расстройств. Такое движение связано с тем, что становление самосознания русского народа все еще не закончилось (*not yet*). На самом деле еще ни один народ в мире не завершил процесса самоидентификации. Движение устройства – расстройств зависит от данного свойства самосознания народов (*not yet*). Те интеллигенты, которые осознавали кризис расстройств кольца русской цивилизации, пытались создавать новую парадигму идентификации, чтобы переустроить кольцо русской цивилизации. В их числе были и славянофилы, и евразийцы.

Часть 2. Славянофильство: парадигма идентификации, отвечающая первому расстройству кольца русской цивилизации

Первая половина XIX в. – это не только решающий период модернизации России, но и время самого интенсивного конфликта между русской культурой и западной цивилизацией. Осознав опасность расстройств кольца русской цивилизации во всех отношениях, некоторые интеллигенты пытались создать новую парадигму культурной идентификации, чтобы устранить появляющийся в нем раскол. Идеи славянофильства являются результатом такой попытки.

Концепция парадигмы была выдвинута Томасом Куном в 1962 г. в «Структуре научных революций». Он ввел ее в обиход для описания различных этапов научного развития. В настоящее время термин «парадигма» ассоциируется также с моделью, выражающей какую-либо структуру, не только в области науки. Поэтому в данной статье «парадигма идентификации» обозначает модель, в соответствии с которой осознает себя определенная группа людей.

Славянофильские взгляды формировались в ходе дискуссий между западниками и славянофилами в первой половине XIX в. Как известно, начало этой дискуссии было положено «Философическим письмом», опубликованным П. Я. Чаадаевым в 1836 г. в журнале «Телескоп». В этом письме Чаадаев указал, что хотя в европейском обществе существуют разные пороки и недостатки, но «все же Царство Божие в известном смысле в нем действительно осуществлено», поэтому Россия должна учиться у европейцев.

Такое отрицательное отношение к русской культуре вызвало неприятие у некоторых дворянских интеллигентов, в том числе у А. С. Хомякова (1804–1860) и И. В. Киреевского (1806–1856). Ранее, в 1836 г., в журнале «Московский наблюдатель» была подготовлена статья Хомякова «Несколько слов о “Философическом письме”». В этой статье он задавал вопрос: «Неужели мы так ничтожны по сравнению с Европой, неужели мы, в самом деле, похожи на приемышей в общей семье человечества?» Хотя эта статья была изъята цензурой, вопрос остался открытым. Позже, в 1839 г., в близком кругу Хомяков и Киреевский читали два рукописных сочинения «О старом и новом» и «В ответ А. С. Хомякову». В этих сочинениях авторы возражали Чаадаеву. Постепенно сложилась группа лиц, которые вместе с Хомяковым и Киреевским не сочувствовали западническому направлению Чаадаева; впоследствии она получила название «славянофилы». Кроме Хомякова и Киреевского к славянофилам примкнули П. В. Киреевский (1808–1856), Ю. Ф. Самарин (1819–1876) и другие. Их противниками стали В. Г. Белинский (1811–1848), А. И. Герцен (1812–1870), Т. Н. Грановский (1813–1855). В результате сформировались две известные школы: славянофилов и западников, которые развернули бурные дискуссии в салонах Москвы. В 60-е гг. XIX в., когда главные представители этих школ ушли в мир иной, эта дискуссия закончилась.

Какие же теоретические элементы включает в себя славянофильство в качестве антипода западничества? Какую парадигму идентификации создают эти теоретические элементы для переустройства кольца русской цивилизации?

Во-первых, в ответе на вопрос «куда идти России?» славянофилы решительно выступают **против западнизации**. Для их оппонентов «Запад» – это не только предшественник России, но и будущее России, поэтому Россия должна идти по пути Запада.

В отличие от западников славянофилы считают, что Запад не имеет никакого отношения к будущему России, более того, в будущем он станет зависеть от спасительной миссии России. Представления о «гнилом» Западе стали основой антизападнических настроений славянофилов. Славянофилы обратили внимание на причины «гниения» Запада. Главная причина кроется в том, что на Западе отсутствует вера, а разум стал господствующим началом, в результате чего рационализм заставляет человека быть рабом материальных стремлений. Наоборот, в России вера занимает господствующее место в жизни человека, поэтому Россия спасет Запад в будущем.

Во-вторых, славянофилы выступают за **возврат к традиции**. Славянофилы высоко оценивают русскую традицию: «Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; <...> нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее» [Хомяков 2008: 213].

Эти традиции или «лучшие инстинкты души русской» были «образованны и облагорожены христианством», и эти инстинкты помогают России «подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития...» [Там же: 221]. Иначе говоря, Запад из-за отсутствия веры гниет, а Россия благодаря присутствию веры в душе спасет Запад в будущем и даже станет примером для всего человечества.

Самые чистые русские традиции остаются именно в народе и почти не меняются веками. Славянофильские взгляды оказали в дальнейшем сильнейшее влияние на почвенничество и народничество.

В-третьих, славянофилы отстаивают **чистоту** русской культуры. По их мнению, только славянская культура является настоящей русской культурой, в центре которой находится православие. Западные культурные элементы, привнесенные Петром I, являются чуждыми для России и разрушают чистоту русской культуры. Поэтому России нужно вернуть традицию и сохранить ее чистоту.

Подобные установки славянофилов определяют стремления русских мыслителей к самобытным парадигмам философского выражения – Хомяков поэзией, Киреевский прозой поясняют свою философию. Даже русская литература XIX в. и религиозная философия в конце XIX и начале XX в. стали результатом такого стремления.

Чистая русская культура не только является культурой русского народа, но и представляет собой общую культуру всех славянских народов. Без всякого сомнения, между разными славянскими народами существуют исторические и культурные связи, особенно языковые.

Итак, во-первых, дискуссия славянофилов и западников в XIX в. – это реакция русских интеллигентов на кризис кольца русской цивилизации. Во-вторых, славянофильство стало новой парадигмой идентификации кольца русской цивилизации. В-третьих, эта новая парадигма пытается переустроить чистое и самобытное кольцо русской цивилизации.

Часть 3. Евразийство: парадигма идентификации, отвечающая второму расстройству кольца русской цивилизации

Евразийство начала XX в. (или классическое) возникло как идейное течение в группе лиц, изгнанных из России. С самого начала советская власть стремилась уничтожить то, что оставила **старая и отсталая** Россия, чтобы создать **новую и современную** Россию. Это означало, что между старой и новой Россией не предполагалось никакой культурной связи. Против подобных взглядов серьезно возражали некоторые русские интеллигенты, часть из них были убиты, а часть – изгнаны из страны (известный феномен «Философского парохода»). В 1922 г. по приказу В. И. Ленина из России были высланы за границу более двухсот человек, в том числе и будущие евразийцы.

В 1920 г. в Софии была опубликована брошюра князя Н. С. Трубецкого (1890–1938) «Европа и человечество». «В книге была продолжена та борьба за российскую самобытность, которая давно уже велась различными направлениями русской мысли. Пафос ее являлся по преимуществу критическим. В очередной раз развенчивались идеалы, которые принял Запад и на которые с XVIII столетия было ориентировано русское общество» [Сухов 1998: 164]. Иначе говоря, она продолжала стремление к самобытности славянофилов, критиковала западнизацию. Такая позиция была типична для русской эмиграции, поэтому брошюра стала «каноном» для евразийского движения.

В то время в русском зарубежье было много замечательных мыслителей. София для них – это станция пересадки в Европу, поэтому Трубецкой надеялся, что брошюра действительно послужит толчком или средством к объединению. В 1921 г. Н. С. Трубецкой, экономист и географ П. Н. Савицкий (1895–1968),

философ и богослов Г. В. Флоровский (1893–1979), искусствовед П. П. Сувчинский (1892–1895) и другие выпускают в свет сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев».

Сборник «Исход к Востоку» способствовал распространению евразийства среди русских эмигрантов. Евразийские идеи притягивали к себе разных людей. Все они называли себя евразийцами, среди них были историки, экономисты, лингвисты, этнографы, географы и т. д. Они активно участвовали в различных семинарах, вслед за первым сборником последовали другие сборники и выпуски.

Однако, несмотря на бурную издательскую деятельность, евразийское движение к концу 30-х гг. вступило в фазу раскола. От него отошли Г. В. Флоровский и П. М. Бицилли. Это был большой удар по евразийскому движению.

В 30-е гг. XX в. в России и за границей произошли огромные перемены. Благодаря успешному осуществлению первого пятилетнего плана (1928–1932) в народном хозяйстве были достигнуты значительные результаты. У евразийцев появилось намерение сотрудничать с большевиками, которое не укладывалось в русло прежних взглядов. Смерть Трубецкого ускорила процесс раскола евразийцев. Самым серьезным свидетельством этого раскола стало издание в Париже еженедельной газеты «Евразия» (1928–1929) в духе «Смены вех», ориентированное на идейно-политическое сближение с советской властью. В издании газеты активно участвовали Л. П. Карсавин, князь Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский, С. Я. Эфрон. Их прямое намерение сближения с большевиками побудило основоположников евразийства и русских эмигрантов выступить в специальном издании «О газете “Евразия”» (1929) с резкой критикой «парижского направления». Хотя данная газета перестала издаваться в 1929 г., критическая борьба существенно затронула идейную основу евразийства. К концу 30-х гг. XX в. евразийство как идейно-политическое движение в целом пошло на спад.

Тем не менее как идейное течение оно продолжало оставаться авторитетным. Под его влиянием в СССР возникла тайная группа сторонников – «Красные евразийцы», к которой принадлежал и Л. Н. Гумилев (1912–1992). Он называл себя «последним евразийцем», но через некоторое время после его смерти евразийство возродилось в России.

Какие же теоретические элементы включает в себя евразийство?

Во-первых, идею выбора исторических путей. Евразийцы, так же как и славянофилы, выступали **против западнизации**. Н. С. Трубецкой в брошюре «Европа и человечество» сначала отвергает универсальность европейской культуры, а потом отрицает ее превосходство. Согласно логике евразийцев, так называемые «превосходство западной культуры» и «универсальная цивилизация» – это наглый обман. Так же как и славянофилы, евразийцы считают, что западная цивилизация уже сгнила, ей необходимо духовное спасение, поэтому для не романо-германских народов западнизация – это «не благо, а зло».

Во-вторых, если Россия отвергнет западнизацию, то куда ей идти? Евразийцы отвечают: **возвратиться к Востоку**. Они уверены в том, что нужно обратиться к восточным культурным элементам, только таким образом и может формироваться **своеобразие** русской культуры. Что же значит для евразийцев Восток?

С точки зрения антропологии в силу исторических причин русские являются не чистыми славянами, а результатом смешения славян, финнов и тюрков. Сравнив праславянский язык с праиндоиранским и западно-индоевропейским, Тру-

бецкой пришел к выводу: по сравнению с Западом Россия духовно ближе к Востоку. Кроме того, в итоге господство татар в течение более двухсот лет сказалось на политическом наследии в области строения общества. Оно не только легло в основу формирования единой империи, но и стало политической структурой царской России.

Одним словом, по мнению евразийцев, так называемый «Восток» или «восточные элементы» обозначают тюркское происхождение, языковое сближение и политическую структуру самодержавия. Эти элементы присущи России, но одностороннее увеличение в ходе модернизации процента западных или европейских культурных элементов в русской культуре соответственно уменьшило процент восточных элементов, из-за чего истинное своеобразие русской культуры оказалось скрытым.

В-третьих, по мнению евразийцев, настоящая русская культура – это не европейская культура и не азиатско-азиатская, а «евразийская культура». По мнению П. Н. Савицкого, в культурное бытие России, в соизмеримых между собой долях, вошли элементы различнейших культур. Влияния Юга, Востока и Запада, перемежаясь, последовательно главенствовали в мире русской культуры. Евразийская культура является не только культурой русского народа, но и общей культурой народов, живущих на территории «Евразии».

Нужно подчеркнуть, что главные части «Евразии» были завоеваны Россией с XVI по XIX в. Однако евразийцы убеждены, что между этими частями существуют естественные географические связи. Некоторые евразийцы уверены в том, что до появления русской культуры римская и византийская были «евразийской культурой», поэтому русская культура – это третья «евразийская культура», в соответствии с учением «Москва – Третий Рим».

Подведем итоги. Во-первых, евразийство – это проект, выдвинутый интеллигентами-эмигрантами после Октябрьской революции, чтобы справиться с кризисом расстройтва кольца русской цивилизации. Во-вторых, в отличие от славянофильства, которое настаивает на **чистоте** русской культуры, евразийство подчеркивает, что русская культура – это **синтез** различных культурных элементов, например восточных, западных и южных, поэтому она и является общей культурой всех народов, живущих в «Евразии». В-третьих, евразийство пытается сформировать новую парадигму культурной идентификации, которая может стать общей парадигмой для всех народов «Евразии». Такая сверхславянская парадигма может заложить основу для формирования нового кольца русской евразийской цивилизации.

Часть 4. Две парадигмы и будущий исторический путь России

Как сказано выше, славянофильство и евразийство – это два проекта, выдвинутые русскими интеллигентами, когда кольцо русской цивилизации вступило в фазу кризиса расстройтва. Эти два проекта стремятся к тому, чтобы представить народам, живущим на территории России (царской России и СССР), парадигму культурной идентификации. Иначе говоря, теоретические цели славянофильства и евразийства почти одинаковы. Кроме того, между ними есть и более глубокая связь.

В вопросе о своеобразии русской культуры евразийцы считают своими предшественниками славянофилов. С точки зрения истории русской мысли эти

два учения продолжают одинаковую традицию философии истории – традицию осознания самобытности. Она берет начало в мессианстве, присущем русскому народу. При рассмотрении истории русской мысли можно заметить, что в ней господствует именно такая традиция. Благодаря ей кольцо русской цивилизации окончательно не исчезло, хотя и пережило два серьезных кризиса расстройтва.

Однако славянофильство и евразийство – это все-таки разные парадигмы культурной идентификации. Во-первых, они принадлежат к разным типам парадигмы идентификации: славянофильство – к **родственно-культурному**, а евразийство – к **географическо-культурному типу**. В первой парадигме речь идет об исторической, культурной и языковой связи славянских народов. Во второй подчеркивается наличие общих географическо-культурных элементов всех народов «Евразии», в том числе и за границами славянского мира. Такое различие связано с тем, что славянофилы и евразийцы по-разному оценивают русскую культуру: в качестве чистой или синтетической.

Во-вторых, по сравнению с евразийцами, точка зрения славянофилов уже. Вообще славянофилы, даже сторонники панславизма, еще сосредоточены на Восточно-Европейской равнине, то есть на славянском мире. А взгляд евразийцев направлен за границу славянского мира. Как известно, «евразийство» и «Евразия» – это однокоренные слова. Поэтому для евразийцев территория Евразии совпадает с территорией царской России, а затем СССР.

Конечно, территория России в начале XX в. значительно увеличилась по сравнению с территорией в первой половине XIX в. На самом деле царская Россия только во второй половине XIX в. начала оказывать решающее влияние на Азию, особенно на Среднюю Азию. Поэтому в первой половине XIX в., когда появилось славянофильство, еще не было необходимости создания сверхродственной парадигмы идентификации. В то время главная задача заключалась в борьбе с западной цивилизацией, в сохранении чистоты и своеобразия русской культуры.

В начале XX в. идеологическое противостояние отделило Россию от Запада. На территории СССР проживало много неславянских народов, соответственно возникла необходимость в создании сверхродственной парадигмы идентификации, которая сохранила бы влияние кольца русской цивилизации в новом географическо-политическом пространстве.

Итак, во-первых, славянофильство и евразийство как идейные течения сформировали «многослойную структуру». В определенном смысле евразийство является разновидностью славянофильства. Во-вторых, они по-разному относятся к православию. Как известно, славянофилы признают православие фундаментальным элементом русской культуры. В-третьих, в истории русской мысли оба учения продолжают традицию стремления к самобытности. Именно такая традиция поддерживает кольцо русской цивилизации и способствует поиску Россией «третьего самостоятельного пути». Евразийство подчеркивает синтетический характер русской культуры, и эти взгляды совпадают с политическим стремлением современной России, ведь РФ стремится к тому, чтобы переустроить СНГ и Евразийский союз*.

* Это новый проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным пространством, предполагаемого к созданию на базе союза Казахстана, России и Белоруссии и соответствующих отраслевых тесных интеграционных структур СНГ – ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, Таможенного союза. Становление Евразийского союза идет аналогично

Заключение

Итак, кольцо русской цивилизации всегда находится в состоянии двустороннего движения устройства – расстройтва, и каждое расстройство становится началом последующего устройства. Такое движение зависит от несовершенства самосознания у всех народов, поэтому интеллигенция разных народов стремится завершить саморефлексию.

Чтобы справиться с кризисом первого расстройтва кольца русской цивилизации, славянофилы выдвинули родственно-культурную парадигму идентификации. А для преодоления кризиса второго расстройтва кольца русской цивилизации, евразийцы создали географическо-культурную парадигму идентификации. Славянофилы и евразийцы стали преемниками традиции стремления к самобытности. На самом деле с 988 г. русский народ поверил в то, что ему предначертана святая и сверхнациональная задача. Поэтому он и продолжает переустраивать кольцо русской цивилизации.

Относительно Китая можно сделать следующий вывод: Китай имеет замечательную культурную традицию, и С. Хантингтон признает его центром китайской цивилизации. Такая традиция длилась несколько тысячелетий, но после Движения 4 мая Китай полностью ее отверг; это означает, что кольцо китайской цивилизации распалось. А что мы можем сделать для переустройства нашего кольца цивилизации? Наверное, опыт русского народа для нас весьма поучителен.

Литература

Сухов А. Д. Столетняя дискуссия: западничество и самобытность в русской философии. М., 1998.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2.

Хомяков А. С. Всемирная задача России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

26 марта 2014 г. состоялось очередное заседание постоянно действующего при Институте философии РАН и Президиуме Российского философского общества (РФО) семинара «Философско-методологические исследования процесса глобализации». Открыл семинар первый вице-президент РФО профессор **А. Н. Чумаков**. Он предоставил слово для доклада «Новое прочтение глобализации в контексте поворотных моментов в истории» писателю-философу, кандидату философских наук **А. В. Кацура**.

– Я предлагаю разговор о переломных точках истории, точнее о недавно выявленной закономерности расположения этих точек на шкале времени весьма большой протяженности, – сказал в начале своего доклада А. В. Кацура. – Дело в том, что интервалы между событийными моментами в длительной истории человека регулярно сокращаются на манер ниспадающей геометрической прогрессии, что позволяет предвидеть некие сингулярности в ближайший исторический период. Любопытным образом это совпадает с набирающей темпы глобализацией. Нет ли тут какого-то исходного противоречия? Каких-то нецененных нами опасностей?

Даниил Андреев отмечал в первой главе своей знаменитой книги, что существует некий «...возникший еще во времена Древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира». Особенно сильным, отмечал Андреев, это чувство было у людей, живущих интенсивной духовной жизнью. Всегда они испытывали «неутолимую тревогу за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству “князя мира сего”, к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву» [Андреев 1993: 10].

Ныне, в начале XXI в., разговор о катаклизмах и перерывах в истории приобретает вполне содержательные очертания. В научной литературе, в том числе касающейся тем глобальной экологии и глобализации вообще, нередко говорят о некой точке перехода, могущей возникнуть предположительно в середине наступившего века. При этом ее чаще всего обозначают такими терминами, как «коллапс», «взрыв», «сингулярность»...

В этой связи я хочу поговорить о целой цепи особых точек в человеческой (шире – геологической) истории, которые укладываются в довольно отчетливую закономерность. Самое интересное, что в эту цепь попадает и только что упомянутая гипотетическая точка. Все эти точки отделяют исторические интервалы, которые сокращаются в геометрической прогрессии. Ее знаменатель близок к числу 5. Это число я обнаружил эмпирически, размышляя в свое время о знаменитом «осевом времени» (термин К. Ясперса), о блистательном XVI в., о революционном веке XX. Эпоха Галилея отстоит от эпохи Эйнштейна примерно на

400 лет. А вот эпоха Пифагора отстоит от времен Галилея на 2000 лет (в 5 раз больше). Следующую важную веху (если смотреть в прошлое) – неолитическую революцию – отделяют от «осевого времени» уже 10 тыс. лет (снова в 5 раз больше). Если мы умножим этот срок еще раз на 5, то получим примерный возраст вида *Homo sapiens*. Возникает соблазн расширить этот простой подход на всю историю планеты.

Давайте совершим простую процедуру: оценим возраст Земли приблизительно в 5 млрд лет. Делим последовательно это число на 5. Получается следующий ряд (сразу замечу, очень любопытный): 1 млрд лет, 200 млн лет, 40 млн лет, 8 млн лет, 1,5 млн лет, 300 тыс. лет, 60 тыс. лет, 12 тыс. лет, 2 тыс. лет, 400 лет, 80 лет, 16 лет... Дело в том, что в этот ряд поразительным образом попали (по меньшей мере начиная с полутора миллионов лет назад) практически все наиболее значимые точки в истории человека. Может ли это быть случайностью? Действительно, если мы попробуем последние четыре интервала привязать к григорианскому календарю, то получим вполне заметные исторически переломные даты (*особые точки*, знаменующие важные вехи в истории культуры): начало 2-тысячного интервала мы естественно привяжем к «осевому времени» (эпоха Конфуция – Пифагора – Платона), это примерно пятое-шестое столетие до н. э. Окончание интервала придется на XVI в., а это эпоха Коперника, Галилея, Кеплера, Френсиса Бэкона, Шекспира. Следующий интервал (400 лет) выводит нас к середине XX в., а это время окончания революции в физике и стремительного взлета наук и технологий. Если же мы по тому же способу отправимся в далекое прошлое, то дальнейшие шаги по этому алгоритму выведут нас на революцию неолита, затем на рождение вида *Homo sapiens*, о чем выше уже говорилось, а далее мы выходим на даты полтора миллиона и 300 тыс. лет. И снова удивительное совпадение: последние две даты – начало и конец знаменитой Аббевильской культуры (каменные топоры, использование огня, возведение жилищ).

Отмечу еще раз: в «осевое время» творили Заратустра, Конфуций, многие библейские пророки, Фалес, Сократ, зародилась философия. Далее наступает поразительный по сгущению не просто талантов, но людей эпохальных, – XVI в. (от Колумба до Шекспира, включая Коперника, Галилея, Кеплера, Бэкона, Рабле, Сервантеса...). Спустя 400 лет – новое сгущение времени (от М. Планка до Дж. Уотсона и Ф. Крика). Между прочим, старик Энгельс полагал (в эпоху пара и электричества), что наука открыла практически все и больше открывать почти нечего. Но вот посмотрите, что было открыто в год смерти Энгельса (1895) и в первой половине XX в.: радиоактивность, рентгеновские лучи, радио, кванты, обе теории относительности, телевидение, расщепление атома, авиация, ракеты, расширение Вселенной, ламповый компьютер, структура ДНК, ядерный взрыв... Это было «время изобретателей» (по выражению В. Хлебникова). Его апогеем стала середина XX в., после чего открывается 80-летний цикл, ведущий нас к 2030 г. – некоему новому гипотетическому взрыву наук и неожиданных талантов (?!).

Действительно, если верить логарифмической закономерности, охватывающей период от конца Олдовайской культуры, которую сменила Аббевильская, до XXI в., то уже через считанные годы должно наступить время новой интеллектуальной вспышки, на которую буквально «наползает» следующая – уже через какие-то 16 лет (80, деленные на 5). Возникает загадочная по своей точности дата –

2046 г. Начинали расчеты мы с очень приблизительных величин, но мере уменьшения интервалов точность нарастала (вместе с сокращением интервалов уменьшалась и ошибка измерения). Разумеется, эту точность можно подвергнуть серьезному сомнению, но вот что любопытно. Известны расчеты математика А. Д. Панова, который, опираясь на несколько иные точки (в основном фазовые переходы в геологической истории) и используя другой знаменатель прогрессии (близкий к числу e), тем не менее указывает на очень похожую дату – 2045 г. Уже описанная в литературе кривая Снукса – Панова, построенная на сокращающихся геологических и исторических интервалах, ведет к так называемой *точке сингулярности* где-то в середине XXI в. [Назаретян 2014: 300–306].

Действительно, далее все сверхплотно. Ибо следующий интервал теряет разумные исторические размеры. Он составляет всего 3 года (16, деленное на 5). В итоге мы округленно получаем 2050 г. И тут вспоминается, что о середине XXI в. как точке экологического коллапса еще в 1972 г. писали авторы «Пределов роста» [Meadows D. H., Meadows D. L. *et al.* 1974]. Встает интригующая задача – уже сейчас надо дать этому реальному сгущению времен мало-мальски разумное объяснение.

Я пытаюсь анализировать это сгущение времен и характер предстоящих событий, опираясь на принципиальную идею позитивного развития человека и общества. Я согласен с принципиальной мыслью П. Тейяра де Шардена о том, что историческое поражение человека означало бы и поражение всего Универсума, ибо человек – его главное приобретение [Тейяр де Шарден 1987]. Имеет смысл под эгидой этой идеи рассматривать все детали изложенной выше закономерности.

Почему возник знаменатель 5? Чем число 5 (соответственно, и 1/5) интересно? Итальянский экономист В. Парето открыл в начале XX в. любопытнейшую эмпирическую зависимость [Закон Парето]. Выяснилось, что в любой развитой стране 80 % богатства принадлежит 20 % населения. В разные эпохи, начиная с XVII в. и по XX в., он наблюдал это соотношение. Далее обнаружили, что 20 % товаров любой фирмы дают 80 % прибыли, 20 % работников дают 80 % духовных продуктов. В науке 20 % ученых дают 80 % научных публикаций. Эта закономерность простирается на огромное число разнородных явлений.

(Реплика профессора **А. П. Назаретяна**: «Во всех популяциях приматов 20 % самцов совершают 80 % половых актов, утверждают врачи-антропологи».)

Отсюда и получается пятерка (1 + 4) или же 1/5 (значимость части в 20 %). Когда закон Парето уже был популярен, появился закон лингвиста Джорджа Ципфа: частотность обычных и редких слов в тексте подчиняется закону ниспадающей гиперболы [Закон Ципфа]. Похожую закономерность можно найти в процессах и явлениях совершенно иной природы. Математики почти сразу же заметили, что закон Парето и закон Ципфа тесно взаимосвязаны. В массе разнородных процессов (от физических, геологических до социально-экономических) наблюдаются экспоненциальные и гиперболические зависимости.

Уже в первых докладах Римского клуба [Глобалистика: Энциклопедия... 2003: 317–318] было показано, что основные цивилизационные процессы развиваются по экспоненте, а любая экспонента, если ее не затормозить, неизбежно приводит к взрыву. Поэтому Римский клуб намекал, что с подобными темпами роста человечество XXI в. не переживет. Что делать? Необходимо, утверждалось в последующих докладах клуба, переходить на так называемый органический

рост (описываемый плавно возрастающей логистической кривой). Но этого до сих пор не происходит. Что будет дальше? Скорости некоторых процессов продолжают стремительно нарастать. Это касается всего человечества. В какой степени нужно об этом говорить? Говорить необходимо, ибо мир ведет себя довольно странно, азартно занимаясь тактическими проблемами и совершенно не интересуясь серьезной стратегией. Большинство стран управляют люди, компетенция которых не внушает достаточного доверия. Пора предпринять какие-то сверхусилия. Мы не справляемся с проблемами. Один из ответов звучит так: может быть, ничего сверх обычного не делать? Быть может, обойдется?

В предыдущей истории все происходило словно бы само собой. Проблемы возникали и... рассасывались. Десять тысяч лет назад люди не догадывались, что совершали неолитическую революцию. Не готовились они ни к взлету античности, ни к научным революциям XVI и XX вв. Духовные подъемы, интеллектуальные вспышки случались по не до конца понятным причинам. Возьмем, например, «осевое время». Мы удивляемся, откуда появились гениальные мыслители почти одновременно в разных концах планеты. Это случайность или не понятая нами закономерность? А может быть, чей-то сверхплан? (Последняя фраза – для множества поборников идеи «разумного замысла» и «проекта Вселенной».)

Можно проследить некие волны на протяжении последней тысячи лет жизни Европы. Для этого я прибегнул к такому приему – составил своеобразную «личностную карту европейской культуры». На миллиметровой бумаге я разбил тысячу лет на века и стал в масштабе времени отрезками отмечать сроки жизни знаменитых творцов. Поначалу видны отдельные черточки, редкие звезды интеллекта – скажем, создатель концептуализма в философии Пьер Абеляр, вслед за ним Фома Аквинский, давший столько идей, что католический мир до сих пор работает по его учению, затем Николай Кузанский и т. п. И вдруг фантастический взрыв, сверхплотное созвездие умов – Леонардо, Коперник, Галилей, Пико делла Мирандола, Томас Мор, Лютер, Эразм Роттердамский, Рабле, Шекспир, Фрэнсис Бэкон, Гарвей, Гоббс, Декарт, Спиноза... Подобные сгущения прямо на бумаге обозначили некие исторические волны («нашествия интеллекта»). Оказалось, что это волновой и к тому же нелинейный процесс. Очень заметно на этой карте выглядит сгущение имен первой половины XX в.

Отдельно можно проследить «русские волны». Они начались заметно позднее, но отличаются особым стилем и ритмом: во времена первых европейских университетов в русских краях – тишина, затем вдруг гениальный Ломоносов (а это уже XVIII в.), затем несравненный математик русский швейцарец Эйлер, далее небольшой провал, а затем поразительный взрыв всемирного значения: Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой, Чехов, Чайковский, Циолковский, Вернадский, а вслед за этим труднейший для России XX в. со своими микровзрывами...

Если говорить об общей исторической шкале, то можно заметить следующее: промежутки времен уменьшаются, а вот амплитуды духовных вспышек (культурного производства), наоборот, увеличиваются. Возьмем одну из таких вспышек: с 1895 г. по 1945–1950 гг. случилось фантастическое, небывалое в истории производство открытий и идей. Важен один момент: люди в этот весьма краткий период быстро развивались не только в научно-творческом смысле, но также и этически, они менялись (хотя и со страшными провалами) внутренне, причем мас-

штабно. Именно этим можно объяснить явления, прежде небывалые, – например, серьезный расцвет пацифизма, манифест Рассела – Эйнштейна, Пагуошское движение ученых за мир и взаимопонимание, страстные разговоры о правах человека, попытки глубинного понимания демократии, ее основополагающей значимости и возможных слабостей и ограничений (необходимо упомянуть, однако, что очень многие социологи и публицисты указывают при этом с вполне обоснованной тревогой на все увеличивающееся отставание духовно-нравственного созревания человека по сравнению с безумными темпами технологического развития).

Любопытны некоторые результаты социологии малых научных коллективов. Возьмем группу в 5 человек. Ее классический состав известен: 1) руководитель (лидер); 2) генератор идей; 3) критик; 4) исполнитель; 5) блуждающий резонер, «на хвосте» приносящий важную информацию. Но здесь рождает новое один человек – генератор идей, остальные – обслуга, хотя и необходимая. Нечто похожее относится и к большим коллективам. Если численность научного института составляет 1000 человек, то на деле лишь около 200 сотрудников творят науку, остальные, по сути, обслуживают их. Может быть, поставить вопрос так: 800 прогнать, а 200 человек оставить? На самом деле не получится, невозможно отпилить тело и оставить лишь голову, и все же... Вообразим, что осталось двести. Соотношение никуда не денется, просто будет выстраиваться пирамидальная иерархия. Снова можно смело выделить пятую часть – 40 более производительных лиц, если делить дальше – останется всего 8 человек. Но это уже будут очень творческие люди, настоящие мыслители. В любом серьезном коллективе эти редкие люди заметны, известны, их значение понимают, хотя далеко не всегда создают нормальные условия для их работы. Более того, иногда их изгоняют или даже уничтожают. Это печальная правда истории. (Во времена сталинщины люди этого сорта почти всегда были в опале, а нередко их убивали – Николай Вавилов, Густав Шпет, Павел Флоренский, Матвей Бронштейн, Николай Кондратьев, Александр Чаянов, Осип Манделштам, Всеволод Мейерхольд, Михаил Тухачевский... Лев Ландау, Андрей Туполев, Сергей Королев, Николай Эрдман, Николай Заболоцкий, Григорий Померанц чудом не погибли, вырвались из неволи. Как топор, арест нависал над Шостаковичем, Прокофьевым, Пастернаком... На самом деле список уничтоженных и затравленных гениев трагически длинен. Он реально и на много десятилетий оборвал невероятную амплитуду вспышки российского интеллекта).

В управлении обществом понять и применить описанную выше закономерность крайне важно. В природе все пронизано «математическими соотношениями». «Книга природы написана на языке математики», – сказал Галилей. Пол Кругман (лауреат Нобелевской премии из США) говорит: «Природа очень проста и очень грамотно организована». Научиться бы использовать эту простоту и эту грамоту! Я применил в одной своей книге такую метафору: Вселенная – это большой музыкальный инструмент. Но на нем надо уметь играть.

Человечество превращается в единую семью, но это сопровождается странными явлениями. Может быть, прав Даниил Андреев, толкуя о мистическом страхе. Лично я в вопросах глобализации стою на позиции скорее оптимистической. Насколько мне известно, похожей позиции придерживается философ А. Н. Чумаков [2005; 2006]. Возможно, кто-либо еще. Но нужны какие-либо основания для

подобного оптимизма. Какие-то духовные сдвиги должны обозначиться уже к 2030–2040 гг. Все это исторически очень близко, хотя для отдельного человека 20 лет – практическая бесконечность. На такой срок никто не умеет планировать свою жизнь. Впрочем, фантасты могут, а вот ученые – нет. От них заметно отличаются поэты типа Даниила Андреева, остро поставившего вопрос о связи «единого общечеловеческого государства» с последними катаклизмами истории и ее возможным катастрофическим перерывом. Разумеется, наука имеет право не опираться на поэзию, а вот философия – обязана.

Зенон Элейский [Зенон Элейский] в апории «Ахиллес и черепаха» фактически открыл интереснейшую проблему «бесконечности в конечном». На примере догоняющего Ахиллеса достаточно легко выстроить теорию пределов. Возможно, под влиянием этой притчи через двести лет над проблемой бесконечно малых величин задумался Архимед. В подобных случаях я применяю такой термин: *фрактальный интеллектуальный резонанс*. Он проявляется через эпохи: скажем, можно отметить некое сходство между фракталами Архимеда и Лейбница – Ньютона. Архимед в III в. до н. э. фактически создал и даже применил дифференциальное исчисление, затем был провал в 2 тыс. лет, а затем его вновь открыли Лейбниц и Ньютон. Подобного рода вспышки подчиняются математическим законам, как и моменты духовного взлета людей.

В заключение я хочу выразить важную мысль: предпринятый мною анализ заставляет думать не столько о приближающихся точках коллапса и сингулярности (как неведомых и грозных опасностях и кризисах), сколько о новом взлете духовных и творческих возможностей человека. При этом надвигающиеся трудности я вовсе не отрицаю. К сожалению, они вполне реально различимы. Но справиться с ними без гигантских творческих усилий будет решительно невозможно. Я знаю, что так думают очень многие ученые и мыслители во всем мире. Очень важно прислушаться к их совокупному мнению. В этой связи я хотел бы сослаться на замечательного психолога Станислава Грофа, основателя трансперсональной психологии, который подчеркивает в одной из недавних своих статей, что нынешний «глобальный кризис – это прежде всего кризис психодуховный... Необходимо, чтобы сформировалось чувство гражданина планеты. Либо коллективное уничтожение, либо безмерный эволюционный скачок сознания». Именно об этом скачке сознания я и пытался толковать.

Спасибо за внимание.

На семинаре также выступили:

Профессор **А. П. Назаретян**: «Я хочу поблагодарить Александра Васильевича. Материал доклада необходимо опубликовать. Есть в нем небольшая неточность. Понятие “сингулярность” впервые использовал фон Нейман, сказавший в 1958 г., что скоро наступит сингулярность и кончится человеческий мир. Этот термин также использовали современные историки. В России их было два: Б. Ф. Поршнев и И. К. Дьяконов, которые отмечали ускорение, способное примерно к середине XXI в. привести к коллапсу. Я с этой темой столкнулся на докладе А. Д. Панова в Институте ядерной физики МГУ. Он изложил четкую логарифмическую формулу, согласно которой надвигается эпоха глобального кризиса. Известны различные математические подходы и ожидания. Например, математик из США Р. Курцвейл утверждает, что в 2045 г. будет достигнуто инди-

видуальное бессмертие. Он рассчитывает дожить до этого периода, хотя болеет сахарным диабетом. Возникает вопрос: а что дальше? Из всех этих расчетов получается, что XXI в. – это последний век социального развития человечества. Как и чем завершится история – это фундаментальный вопрос».

Член РФО **Д. И. Корнюшенко**: «По отношению к сообщению Александра Васильевича я бы употребил термин “интеллектуальное изобретение”. Впрочем, подобные конструкты встречались и в прошлом (например, конструкты В. Хлебникова). Два любопытнейших дополнения: Стендаль в 1830 г. издал “Историю жизнеописаний”. Он сделал интереснейший вывод. Это как раз ложится в концепцию автора: одна женщина могла бы родить практически всех крупнейших великих людей эпохи Возрождения в Италии. Это был бы восхитительный фейерверк, говорит Стендаль. А дальше – ничего. Этот вопрос волновал людей в прошлом. Ответить на него очень трудно. Что касается Д. Андреева, он написал произведение “Железная мистерия” [Андреев 1990] в целом о России, которое сильнее и страшнее, чем “Роза мира”. Россия по нему в начале III тысячелетия приходит в страшное состояние в ходе гражданской войны, из которой она выйти неспособна. И он делает непатриотический вывод: Россия спасается благодаря тому, что на помощь приходят американцы. Американская демократия вторгается на территорию России, устраняет недостатки, и Россия возрождается».

Профессор **Т. М. Махаматов**: «Идея интересна, но волнообразность, развитие интеллектуальной духовности мира человека в эпоху глобализации в достаточной мере не показаны. Общества, которые в эпоху глобализации наталкиваются на трудности (Китай, Россия и др.), начинают искать ответы не в своих странах, а в разных уголках мира благодаря глобализации. Глобализация способствует быстрой концентрации мыслей, решений. Поэтому Вашу мысль можно углубить и раскрыть на основании принципов глобалистики».

Профессор **А. Н. Чумаков**: «12 тыс. лет назад был период неолита, “война всех против всех”. С “осевого времени” формируется эпоха региональных отношений. Затем, с Великих географических открытий, наступает эпоха глобальных событий. А с середины XX в. – эпоха космических отношений. В каждой эпохе есть какая-то логика, с ее вершинами и промежутками».

Д. э. н., д. ф. н. **Х. А. Барлыбаев**: «Спасибо за интересный доклад! Я не случайно задал вопрос о математике. Мне кажется, что в Вашем математическом аппарате имеются погрешности. К сожалению, математический аппарат доклада не отвечает этим критериям. При четких арифметических расчетах получающиеся данные не соответствуют тем историческим датам, которые Вы рассматриваете в своем докладе. Ваши расчеты со ссылкой на Ахиллеса и черепаху бесконечно приближают даты рассмотрения к 0-му году до нашей эры и математически не доводят их до наших дней. Доклад называется “Новое прочтение глобализации...”, а в чем это “новое прочтение”, непонятно. Очевидно, волнообразность зависит от собственных, внутренних закономерностей наполнения знаниями интегрального сознания человечества и происходящих после этого скачков в его интеллектуальном и духовном развитии, а не от внешних факторов в эволюции мироздания».

Член РФО **В. И. Долженко**: «К эмпирическим “пикам” или фракталам, вспышкам я добавлю немного философии. Данные вспышки – это проявление во времени закона диалектики “перехода количества в качество”. Что касается зави-

симости появления космических “пиков” от местоположения Земли в космосе, то здесь больше подходит другой цикл воздействия космоса на события, происходящие на нашей Земле. Этот цикл называется “большой эдикт”, он равен 532 годам. Рассчитан он монахами в древние века путем перемножения цифр $7 \times 4 \times 19 = 532$, где 7 – периодичность начала года по числу дней в неделе, 4 – периодичность високосных годов, 19 – число лет солнечного цикла Луны. Предлагаю Александру Васильевичу посмотреть свои расчеты в этом цикле. Тогда, мне кажется, будет снят вопрос Х. А. Барлыбаева об арифметическом несовпадении в таблице. Конец света должен был произойти через 7000 лет со дня *сотворения мира*, в 1492 г., с этого года перестали рассчитывать дальнейшие пасхалии. Новый 1492 г. наступил 1 марта, но ничего не произошло. Сейчас мы живем в 7522 г. от *сотворения мира* (?), и большой эдикт, начатый в 1493 г., заканчивается через 10 лет в 2024 г. (цикл в 532 года)».

Заключительное слово докладчика: «Многие исследователи говорят нам: середина XXI в. – эпоха экологического и социального катаклизма, не исключено падение духовности людей. К этому будто бы ведет глобализация, значит, апологетам глобализации надо подготовить свои позиции. Я смотрю на это несколько по-иному. Несмотря на очевидные трудности, есть основания ожидать к середине века нового духовного подъема и новых интеллектуальных достижений. Эффективное их приложение будет тесно связано с успехами глобализации. Спасибо».

*Содержание выступлений по докладу записал
доктор философских наук профессор А. Г. Пырин*

Литература

- Андреев Д. Л. Железная мистерия. М., 1990.
- Андреев Д. Л. Роза мира. М., 1993.
- Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003.
- Закон Парето – Правило 80/20 // Конструктор успеха : [сайт]. URL: <http://construc-torus.ru/uspex/zakon-pareto.html>.
- Закон Ципфа // Википедия : [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C7%E0%EA%EE%ED_%D6%E8%EF%F4%E0.
- Зенон Элейский // Русская историческая библиотека : [сайт]. URL: <http://rushist.com/index.php/greece-rome/1855-zenon-elejskij>.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М., 2014.
- Чумаков А. Н. Глобализация. Контурсы целостного мира. М. : ТК Велби, Проспект, 2005.
- Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон +, 2006.
- Meadows D. H., Meadows D. L. et al. The Limiting to Growth. N. Y. : Potomac, 1974.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Чумаков А. Н.

д. ф. н., проф., зав. кафедрой философии Финансового университета
при Правительстве РФ, первый вице-президент Российского
философского общества.

E-mail: chumakov@iph.ras.ru

18–19 июня 2014 г. около 500 официальных лиц и почетных гостей из более чем 20 стран и регионов мира собрались в Шанхае для участия в Третьей ежегодной конференции Всемирного культурного форума (Тайху, Китай), чтобы выразить свою позицию и обменяться мнениями по основной теме конференции: «Укрепление культурного взаимодействия на основе “мягкой силы”, обеспечение мира и развития». Россию на этой конференции представляли: специальный представитель Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству, посол по особым поручениям МИД РФ, Министр культуры РФ (2000–2004) М. Е. Швыдкой [2014] и автор этих строк.

Конференция, в организации которой основную роль сыграли Всемирный культурный форум, Китайская федерация литературы и искусства, Шанхайское муниципальное народное правительство и Китайский народный институт иностранных дел, проходила в Шанхайском международном конференц-центре. В ней приняли участие видные политические деятели, всемирно известные ученые, представители бизнеса и прессы. Они собрались, чтобы досконально обсудить такие проблемы, как «разработка нового типа продуктивных отношений между Китаем и США на основе “мягкой силы”»; «развитие дружественных отношений между Китаем и зарубежными странами посредством использования “мягкой силы”»; «наследие и инновации традиционной китайской культуры» и т. д. Лейтмотивом творческих дискуссий было признание того, что глобальное сообщество объединяет общая судьба, а также культурное взаимодействие между странами, основанное на принципах сосуществования различных культур, что позволяет в полном объеме использовать возможности культуры в продвижении мира и прогресса человечества.

Всемирный культурный форум (Тайху) – неправительственная организация, зарегистрированная в Китае, которая ориентирована на создание открытой, разнообразной и разносторонней платформы высшего уровня для межкультурного общения и диалога между Китаем и зарубежными странами [Мировой... 2013: 185–189; Чумаков 2011а; 2011б]. Правление этой организации находится в Пекине (Китай). Форум был учрежден в 2011 г. на его первой конференции, которая прошла в городе Сучжоу провинции Цзянсу, где находится одно из четырех самых больших озер Китая – живописное озеро Тайху, что и предопределило условное название форума.

Президентом Всемирного культурного форума является известный теоретик литературы и бывший начальник бюро по делам культуры и политики научно-исследовательского центра ЦК КПК Ян Чжаочжу*. Почетные сопредседатели: Чжан Мейинг, заместитель председателя Китайской народной политической консультативной конференции при Национальном комитете, Сан Джаадженг, заместитель председателя Национального комитета; Сюй Джиалу, 10-й заместитель председателя Постоянного комитета национального народного конгресса Китая; Жан-Пьер Раффарен, премьер-министр Франции в 2002–2005 гг.; Романо Проди, премьер-министр Италии в 1996–1998 и 2006–2008 гг.; Мегавати Сукарнопутри, 5-й президент Индонезии, и бывший премьер-министр Канады Пол Мартин.

С момента своего основания Всемирный культурный форум провел три ежегодных конференции соответственно в Сучжоу (2011), Ханчжоу (2013) и Шанхае (2014). В этих конференциях неизменно принимают участие видные политические деятели Китая, в частности Лю Яньдун – вице-премьер Госсовета КНР, член Политбюро ЦК КПК, Ю Женшен – председатель Национального комитета, один из ведущих политиков Китая, и др.

Конференции, состоявшиеся под эгидой Всемирного культурного форума, уже завоевали хорошую международную репутацию и внесли свой вклад в более глубокое понимание международным сообществом того, что являет собою Китай и его культура. Они также содействуют обмену информацией и диалогу между различными цивилизациями в интересах мирного сосуществования и устойчивого развития.

Обосновывая необходимость проведения таких конференций, создатели Всемирного культурного форума подчеркивают, что культура – это духовный дом любой этнической группы, это душа и линия жизни каждого народа. С древних времен народы развивали свои собственные культуры, вплетая во всеобщий «великолепный гобелен» человеческой цивилизации свои уникальные достижения, основанные на национальных особенностях психики, эмоций, веры и т. п. Взаимное уважение, обмен информацией и взаимовлияние различных культур – это единственно разумный путь для развития культуры в мировом масштабе. Это также и движущая сила непрерывного прогресса человеческой цивилизации.

В современном мире, отмечают инициаторы создания форума, экономическая глобализация стала необратимой тенденцией. Она не только дает большие возможности для развития стран во всем мире, но и неизбежно порождает конфликты различных культур, на что и следует обратить особое внимание. На фоне экономической глобализации важнейшей проблемой оказывается сам человек. Отсюда мы оказываемся перед необходимостью решить ряд принципиальных вопросов: как повысить уровень взаимопонимания и доверия между разными цивилизациями; как обеспечить укрепление межкультурных связей и сотрудничества между народами с целью содействия процветанию и продвижению человеческой цивилизации, охране окружающей среды, которая имеет решающее значение для выживания человека, и создания лучшего будущего. Именно поэтому, отмечают китайские коллеги, они выступают за сохранение разнообразных форм человеческой цивилизации, за своеобразие культуры каждой страны, ее социально-экономического развития и образа жизни. Мы выступаем за взаимопонимание

* Интервью с Ян Чжаочжу см.: Всемирный... 2014.

и толерантность между различными цивилизациями, говорят они, и ставим своей целью укрепление консенсуса между различными культурами. Организаторы Всемирного культурного форума приглашают деятелей различных сфер общественной жизни присоединиться к ним для поддержания диалога и сотрудничества различных цивилизаций, в интересах достижения мира и гармоничного развития культур на основе взаимного уважения и равноправного общения.

Одним из результатов Третьей конференции стало принятие совместной декларации, получившей название «Шанхайский консенсус».

ШАНХАЙСКИЙ КОНСЕНСУС

19 июня 2014 года

В результате сопоставления различных точек зрения и обмена мнениями участники Третьей ежегодной конференции Всемирного культурного форума, состоявшейся 18–19 июня 2014 г., в Шанхае, пришли к согласию, что:

1. Мир кардинально изменился с начала XXI в. Ни одна страна не может оставаться равнодушной ко все большему обострению глобальных проблем, таких, например, как изменение климата. В то же время в условиях усиливающейся глобализации, нарастания информатизации и расширяющихся интернет-связей интересы народов всех наций оказываются как никогда прежде тесно связанными друг с другом, тогда как человечество в целом становится сообществом единой судьбы с общими проблемами и бедами. Насущный вопрос, стоящий сегодня перед мировым сообществом, заключается в том, чтобы обеспечить продвижение мира и развития в духе взаимного уважения, гармонию без унификации, а также взаимовыгодное сотрудничество путем замены различных устаревших идей и традиционного мышления концепцией сообщества единой судьбы.

2. Сегодня в мире происходят постоянные междоусобицы, частая смена власти и деструктивные геополитические и геоэкономические турбулентности. После международного финансового кризиса экономическая ситуация в мире и международное разделение труда вступили в период адаптации и трансформации. Мир неопределенности и нестабильности сделал стремление людей к миру и развитию еще более сильным. Поэтому более важным и актуальным, чем когда-либо, становится активизация культурного обмена (усиление культурного взаимодействия на основе «мягкой силы»), упрочение взаимопонимания и доверия между народами всех наций с целью поощрения более широкого международного политического и экономического сотрудничества, укрепление мира и развития.

3. Культурный обмен и взаимное обучение, а также совершенствование взаимодействия на основе «мягкой силы» являются важной движущей силой для обеспечения мира и развития. Укрепление культурных обменов требует, во-первых, уважения культурного разнообразия, во-вторых, культивирования культурных симбиозов, и гармонизации того и другого в целях обеспечения мира и развития. Необходимо отметить, что, хотя по вопросам культурного разнообразия сложился международный консенсус, предстоит еще долгий путь, прежде чем такой подход будет введен в реальную практику. Нынешняя ситуация характеризуется тем, что между развивающимися и развитыми странами сохраняется значительный разрыв в вопросах осуществления власти, в возможностях и опыте распространения культуры. Традиционное мышление все еще несет на себе отпечаток предубеждения, непонимания, дискриминации и двойных стандартов в от-

ношении культур в развивающихся странах. В целях повышения взаимного доверия и сотрудничества все народы, особенно из числа развивающихся стран, должны настоятельно развивать и укреплять культурное взаимодействие на основе «мягкой силы». Однако одержимое идеей культурной гегемонии, традиционное мышление по-прежнему считает «мягкую силу» и культурное взаимодействие игрой с нулевым результатом и непримиримым соперничеством, что наносит только ущерб культурному разнообразию и культурным обменам.

4. Укрепление обменов и взаимодействия с позиции «мягкой силы» между китайской и другими культурами играет важную роль в продвижении культурных обменов во всем мире в интересах мирного сосуществования и устойчивого развития. Жизнеспособность и несокрушимость китайской цивилизации исходят из ее открытости, толерантности и терпимости, а также из культурной уникальности и изобретательности. В новую эру Китай привносит свои богатые культурные традиции, с уважением относится к другим выдающимся культурам, у которых заимствует все лучшее, чтобы обеспечить духовную поддержку для экономического взлета и социального прогресса, а также содействовать миру и развитию. Можно считать доказанным, что различные цивилизации стали богаче и содержательнее в результате культурных обменов и взаимного обучения, а взаимодействие в области культуры с позиции «мягкой силы» сделало мир более сплоченным, взаимообучающимся и взаимодействующим на принципах взаимовыгодного сотрудничества. Сегодня во взаимозависимом мире все народы должны прилагать усилия, чтобы выстраивать свои отношения на основе «мягкой силы», повышения культурного взаимодействия, совместно создавая благоприятный климат, в котором разные цивилизации будут уважительно обмениваться опытом и учиться друг у друга, чтобы способствовать установлению прочного мира, общего процветания и постоянного прогресса.

Литература

Всемирный культурный форум: цели и задачи // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 166–169.

Мировой культурный форум (World Cultural Forum [Taihu, China]) // Век глобализации. 2013. № 1(11). С. 185–189.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011а. № 2(8). С. 158–164.

Чумаков А. Н. Гуманитарный прорыв в будущее // Гуманитарные науки. 2011б. № 2. С. 121–124.

Швыдкой М. Е. Форум как предчувствие [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014. 18 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/18/shvydkoy.html>.

GLOBAL STUDIES ENCYCLOPEDIAIC DICTIONARY

В 2014 г. в издательстве “Rodopi” (США – Нидерланды) вышел в свет английский вариант **Международного энциклопедического словаря «Глобалистика»**.

Международный междисциплинарный энциклопедический словарь «Глобалистика» – беспрецедентное в мировой практике справочное издание. В нем участвовали 647 авторов – известные ученые, философы, политические и общественные деятели из 58 стран мира. Глобальные проблемы, процессы глобализации, основные тенденции развития мира, его противоречия и конфликты представлены в словаре с разных, иногда полярных позиций – Востока и Запада, развитых и развивающихся стран, с точки зрения различных культур, цивилизаций, религий, традиций. В статьях словаря раскрываются предмет и структура глобалистики, ее методы исследования, а также понятийный и терминологический аппарат. Данное издание является результатом многолетней работы, одним из итогов которой стала публикация на русском и английском языках энциклопедии «Глобалистика», признанной «Книгой года» в 2003 г. по результатам ежегодного конкурса издателей России в номинации «Энциклопедист».

Словарь, предназначенный как для специалистов, так и для широкого круга читателей, был издан в 2006 г. на русском языке¹ и теперь (в 2014 г.) с предисловием М. С. Горбачева опубликован на английском языке².

Global Studies Encyclopedic Dictionary

Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay

Assistant Editor USA, Michael T. Howard

Assistant Editors Russia, Anastasia V. Mitrofanova and Vladimir M. Smolkin

Editorial Assistant USA, Jonathan P. Branch

With a Foreword by Mikhail Gorbachev.

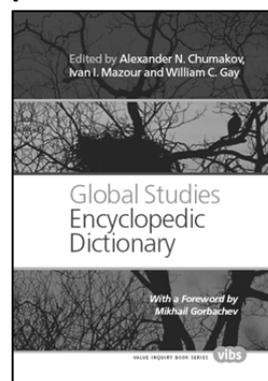
Amsterdam/New York, NY 2014. XI, 531 pp.

(Value Inquiry Book Series 276)

ISBN: 978-90-420-3854-7 Bound €108,-/US\$151,-

ISBN: 978-94-012-1097-3 E-Book €97,-/US\$136,-

Online info: <http://www.rodopi.nl/senj.asp?BookId=VIBS+276>

This book provides brief expositions of the central concepts in the field of Global Studies. Former President of the Soviet Union Mikhail Gorbachev says, “The book is intelligent, rich in content and, I believe, necessary in our complex, turbulent, and fragile world.” 300 authors from 50 countries contributed 450 entries. The contributors include scholars, researchers, and professionals in social, natural, and technological sci-

¹ См.: Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: Елима, Питер, 2006. – 1160 с.

² Английское издание словаря можно заказать по почте (или по Интернету: orders@rodopi.nl), используя публикуемую ниже форму заказа.

ences. They cover globalization problems within ecology, business, economics, politics, culture, and law. This interdisciplinary collection provides a basis for understanding the concepts and methods within global studies and for accessing lengthier and more technical research in the field. The articles treat such important topics as the biosphere, ozone depletion, land resources and pollution, world health challenges, education, global modeling, sustainable development, war, weapons of mass destruction, and terrorism. The book also promotes academic cooperation, political dialogue, and mutual understanding across diverse traditions and national identities that are needed to engage successfully the many daunting challenges of globalization.

ORDER FORM

Please send me copy / copies **Global Studies Encyclopedic Dictionary.**

Postage: First item € 7/US\$ 9,80 every subsequent item € 4/US\$ 5,60 all countries

(USA: € 5/US\$ 7,- resp. € 2,50/US\$ 3,50)

Shipping/Billing Address

Name _____

E-mail: _____

Address _____

Your e-mail details will be added to or updated on the Rodopi mailing list for information about other products and services provided by

City/State _____

Rodopi. Please tick here if you do not wish to receive such mailings:

Country _____

We do not rent or sell our mailing list to other companies

Mode of payment

Check enclosed (only checks in US\$ and GBP, for USA, UK banks only)

Please Bill

Visa Card / Master Card / American Express Card nr.: _____

Exp. Date: _____ Please also provide the last three digits of the security code given on the back of your card: _____

Please note that the exchange rate is subject to fluctuations.

Rodopi

USA/Canada: 228 East 45th Street, 9E, New York, NY 10017, USA

Tel. 800-225-3998, Fax 800-853-3881, Call toll-free (U.S. only) 1-800-225-3998

All Other Countries: Tijnmuiden 7, 1046 AK Amsterdam, The Netherlands

Tel. ++ 31 (0)20 611 48 21, Fax ++ 31 (0)20 447 29 79

orders@rodopi.nl

www.rodopi.nl

ЮБИЛЕИ

К 25-ЛЕТИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВА «УЧИТЕЛЬ»

Сентябрь 2014 года ознаменован замечательным событием – волгоградское издательство «Учитель» отмечает 25-летний юбилей. Это очень важная дата, которой бы не было без сплоченного творческого коллектива, высокого профессионализма сотрудников, многолетнего опыта и таланта руководителей компании, уверенно занимающей свою нишу и входящей в число тридцати крупнейших издательств нашей страны.

Современные технологии, глубокая научно-исследовательская работа, новаторские проекты позволяют «Учителю» динамично развиваться, идти в ногу со временем, принимать участие в учебно-методических разработках, способствовать повышению квалификации тысяч российских учителей и преподавателей вузов, внося весомый вклад в развитие отечественной науки и образования.

«Век глобализации» плодотворно сотрудничает с издательством «Учитель» с момента своего основания. Редколлегия нашего журнала сердечно поздравляет коллектив, а также основателя и бессменного руководителя издательства, шеф-редактора журнала, доктора философских наук Леонида Ефимовича Гринина, желает им благополучия, здоровья, уверенности в завтрашнем дне, неиссякаемой творческой энергии и новых партнеров-единомышленников.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Valeriy V. Snakin. Global Tendencies in the Evolution of Biosphere (pp. 3–13).

Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev. Inflationary and Deflationary Trends of the World Economy or the Spread of the “Japanese Disease” (pp. 14–31).

Ilya V. Ilyin., Michail A. Kaverin. The Problems of Transformation of International Organizations into the Institutes of Global Governance (pp. 32–38).

Alaxander N. Chumakov. On Globalization from the Objective Viewpoint (pp. 39–51).

Processes of globalization

Anatoly A. Gorelov. From the World Colonial System to Global Neocolonialism (pp. 52–64).

Yadviga S. Yaskovich. Risk Society in the Context of Global Geopolitical Strategies (pp. 65–77).

Viktor A. Los. Sociocultural Analysis of Civilizational Processes: Interconnection of Cyclic and Linear Approaches to the Dynamics of the World Development (pp. 78–90).

Ruslan S. Zuikov. Ideology of the World Society: Political and System Analysis (pp. 91–104).

Global issues

Ivan V. Sablin. Globalization and Environment: The Environmental Policy of India and China (pp. 105–118).

Tatyana V. Ignatova, Tatyana V. Podolskaya. The Possibilities of Global Governance of the World Financial System: Realities and Perspectives (pp. 119–128).

Ivan A. Aleshkovsky. Illegal Migration as a Phenomenon of the Global World (pp. 129–136).

Nature, society, and humans

Evgeny A. Trofimov. The Unification of Social Structure of a Society as a Global Problem of the Political Sphere Development (pp. 137–143).

Sergey I. Rudakov. Global Society in the Light of Unity of Logical and Historical (pp. 144–152).

Viktor G. Getman. About “Golden Parachutes” and the Social Justice (pp. 153–160).

Russia in the global world

Svetlana I. Levikova. The Destiny of the Russian Culture under Modern Total Globalization (by the example of informal youth subculture) (pp. 161–174).

Zu Chunmin. Slavophilism and Eurasianism (pp. 175–183).

Scientific life

Alexander V. Katsura. Globalization in the Context of History (pp. 176–191).

Alexander N. Chumakov. Soft Power as a Way to Solve Problems in Global World (pp. 192–195).

Global Studies Encyclopedic Dictionary (pp. 196–197).

Jubilee

The 25th Anniversary of “Uchitel” Publishing House (p. 198).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 2(14), 2014. – 200 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 28.09.2014. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,12.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10